

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Нагибина Ирина Геннадьевна

**ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ
ПАРАДИГМЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ:
ОТ ТЕОРИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л.В. Куликова

Красноярск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА	
1.1 Зарождение и развитие теории дискурса в китайских гуманитарных науках	13
1.2 Терминологический абрис исследований дискурса в китайском языкознании	31
1.3 Культурологический дискурс-анализ как исследовательская традиция в китайской лингвистике современного этапа	37
1.3.1 Общие положения концепции культурологического дискурс-анализа	38
1.3.2 Историко-философские предпосылки формирования китайского культурологического дискурс-анализа	46
1.3.3 Исследовательская модель в формате китайского культурологического дискурс-анализа	50
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	59
ГЛАВА 2 КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ КАК КОНСТИТУЕНТЫ ДИСКУРСА В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	
2.1 Характеристики китайского дискурсивного пространства: культурно-коммуникативные векторы и «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй) как дискурсивный фонообразующий императив	62
2.2 Культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和» (чжунхэ) – целеполагающий вектор китайского дискурса	77
2.3 Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» (ляньмянь) ..	104
2.4 Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» (лимао)	114
2.5 Культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и)	133
2.6 Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй)	153
2.7 Культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» /	

«关系» (гуаньси).....	163
2.8 Культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» /	
«崇尚权威» (чуншан цюаньвэй).....	167
2.9 Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» /	
«民族爱国主义» (миньцзу айгочжу’и).....	171
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	190
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	200
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	207
СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КИТАЙСКОЙ	
КАНОНИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	226
СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ	227
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	228
ПРИЛОЖЕНИЕ	229

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено систематизирующему изучению и теоретическому обоснованию процессов становления и тенденций развития дискурсивно-коммуникативного направления в китайском языкознании, а также выявлению и комплексному лингвистическому описанию основных культурно-коммуникативных векторов, детерминирующих специфику дискурсивного взаимодействия в китайской языковой культуре.

В отечественной лингвистике накоплен богатый опыт в области изучения истории китайского языка и языкознания, китайского письма, китайской лексикографии, стилистики и грамматики (работы С.Е. Яхонтова, А.А. Драгунова, Н.Н. Короткова, В.И. Горелова, И.М. Ошанина, К.И. Голыгиной, А.Л. Семенас, А.И. Кобзева, М.В. Солнцева, Н.В. Солнцевой, О.М. Готлиба, В.А. Курдюмова, Г.Я. Дашевской, А.Ф. Кондрашевского, А.Н. Алексахина, В.Б. Касевич, М.Г. Фроловой, Е.Н. Колпачковой).

Различные аспекты китайской культурной традиции в отечественной синологии специально освещались в фундаментальных трудах и исследованиях по поэтике, истории китайской литературы, живописи и каллиграфии, лингвофилософии, литературным связям России и Китая (В.М. Алексеев, Е.А. Серебряков, И.А. Алимов, А.Г. Сторожук, В.Г. Белозерова, Д.И. Маяцкий, А.А. Родионов, О.П. Родионова, Н.А. Сомкина).

Однако в академическом пространстве российского китаеведения ощущается недостаток работ, отражающих достигнутый уровень и направления исследований такого современного и прагматически востребованного аспекта лингвистики, как дискурсология. При этом в имеющихся работах дискурсивная проблематика представлена лишь фрагментарно (Н.Н. Воропаев, Н.Ю. Симоненко) и практически отсутствуют

отечественные публикации, в центре внимания которых аутентичные разработки китайских специалистов в области дискурсивной тематики, а также системный анализ их методологических подходов и концепций.

Актуальность данной диссертационной работы обусловлена обозначенными выше лакунами и заключается в комплексном теоретическом осмыслении исторических и современных подходов к формированию лингвистики китайского языка в части ее дискурсивной парадигмы. Кроме того, представленное исследование значительно расширяет спектр сведений о малоизвестных в нашей стране авторах и научных источниках, освещающих специфику и тенденции становления дискурсивной теории в Китае.

Объектом изучения в работе является китайская исследовательская традиция в области дискурсивной лингвистики.

В качестве **предмета исследования** выступают теория дискурс-анализа в китайском языкознании и традиционные культурно-коммуникативные ориентиры, конституирующие китайское дискурсивное пространство.

Рабочую **гипотезу** диссертации отражает идея о том, что дискурсивные исследования и их результаты в китайском академическом пространстве имеют свою собственную оригинальную специфику, базируются на традиционном философско-мировоззренческом фундаменте и уникальной языковой картине мира, эксплицируя при этом культурно обусловленные коммуникативно-дискурсивные конвенции в социальном взаимодействии носителей китайского языка.

Целью диссертационной работы является системное описание формирования и развития парадигмы дискурсивной лингвистики в китайском языкознании, а также попытка обобщения и классификации базовых составляющих дискурсивно-коммуникативной практики в китайской лингвокультуре.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих укрупнённых задач:

1. Рассмотреть особенности ассимиляции «западных»¹ теорий дискурс-анализа в китайском научном пространстве и представить систематизирующее описание современных направлений китайской дискурсологии;
2. Изучить историко-философские предпосылки формирования культурологического дискурс-анализа в китайском языкознании;
3. Описать китайский культурологический дискурс-анализ как релевантную теорию китайской лингвистики и на основе результатов исследования расширить его методологию;
4. Смоделировать китайское дискурсивное пространство в формате доминирующих культурно-обусловленных векторов коммуникации как интерпретативную основу дальнейших исследований лингвокультуры Китая.

Материалом исследования послужили 1) научные публикации китайских специалистов в области дискурсивной лингвистики и междисциплинарных подходов к теории дискурса; 2) произведения китайской канонической литературы и комментарии к ним; 3) фрагменты разных типов современного китайского дискурса общим объемом в 650 тысяч знаков / 820 страниц печатного текста; 4) специализированные словари и интернет-источники по исследуемой проблематике.

Общетеоретическую и методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста и теории дискурса (О.В. Александрова, О.Г. Дубровская, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, Л.В. Куликова, М.Л. Макаров, С.Н. Плотникова, В.Е. Чернявская, Е.В. Basso, S-q. Cao, G-m. Chen, Т.А. van Dijk, N. Fairclough, D.Z. Kádár, K. Kinge'l, S-m. Lu, R. Wodak, 王福祥 / Ван Фусян, 文旭 / Вэнь Сюй, 丁言仁 / Дин Яньжэнь, 李思屈 / Ли Сыцюй, 李清良 / Ли Цинлян, 李

¹ В данной работе термин «Запад» / «западный» номинирует страны Европы и США, а «Восток» / «восточный» относится к странам Азии, Африки и Латинской Америки.

战子 / Ли Чжаньцзы, 冯冰 / Ма Бин, 潘若简 / Пань Жоцзянь, 邢福义 / Син Фу'и, 徐赳赳 / Сюй Цзюцзю, 吴培显 / У Пэйсянь, 傅勇林 / Фу Юнлинь, 黄国文 / Хуан Говэнь, 曹顺庆 / Цао Шуньцин, 张德禄 / Чжан Дэлу, 张旭东 / Чжан Сюйдун, 张桃洲 / Чжан Таочжоу, 周宁 / Чжоу Нин, 朱永生 / Чжу Юншэн, 庄宇新 / Чжуан Юйсинь, 钟大丰 / Чжун Дафэн, 陈国明 / Чэнь Гомин, 陈汝东 / Чэнь Жудун, 陈平 / Чэнь Пин, 施旭 / Ши Сюй, 盛晓明 / Шэн Сяомин, 沈家煊 / Шэнь Цзясюань, 杨安翔 / Ян Аньсян, 杨娜 / Ян На); лингвокультурологии и культурной психологии (В.В. Дементьев, Н.А. Спешнев, E. Goffman, Y-g. Gu, Н-с. Ни, 葛鲁嘉 / Гэ Луцзя, 汪凤炎 / Ван Фэн'янь, 王勤 / Ван Цинь, 林语堂 / Линь Юйтан, 刘宏斌 / Лю Хунбинь, 孙士超 / Сунь Шичао, 黄光国 / Хуан Гуанго, 佐斌 / Цзо Бинь, 曾文星 / Цэн Вэньсин, 秦明吾 / Цинь Мин'у, 钱冠连 / Цянь Гуаньянь, 翟学伟 / Чжай Сюэвэй, 郑红 / Чжэн Хун, 朱瑞玲 / Чжу Жуйлин, 杨国枢 / Ян Гошу); культуры, религии и философской мысли (Б.М. Гаспаров, Ж. Деррида, А.И. Кобзев, М.Е. Кравцова, Ю.М. Лотман, В.В. Малявин, А.А. Маслов, Е.В. Переверзев, Е.Д. Поливанов, С.Ю. Рыков, М. Хайдеггер, 王小东 / Ван Сяодун, 王勤 / Ван Цинь, 韦政通 / Вэй Чжэнтун, 李宗桂 / Ли Цзунгуй, 林语堂 / Линь Юйтан, 鲁迅 / Лу Синь, 刘宏斌 / Лю Хунбинь, 邢福义 / Син Фу'и, 孙隆基 / Сунь Лунцзи, 孙士超 / Сунь Шичао, 陶绪 / Тао Сюй, 方宁 / Фан Нин, 侯玉波 / Хоу Юйбо, 胡先晋 / Ху Сяньцзинь, 黄光国 / Хуан Гуанго, 金耀基 / Цзинь Яоцзи, 佐斌 / Цзо Бинь, 秦明吾 / Цинь Мин'у, 翟学伟 / Чжай Сюэвэй, 张幼文 / Чжан Ювэнь, 周光庆 / Чжоу Гуанцин, 余世存 / Юй Шицунь, 杨国斌 / Ян Гобинь, 杨阳 / Ян Ян); теории межкультурной коммуникации (Л.В. Куликова, И.А. Стернин, О.А. Леонтович, R. Scollon, S. Scollon, 黄囡莉 / Хуан Лили).

В работе нашли применение следующие общенаучные и лингвистические **методы исследования**: *теоретический анализ*, включающий *индуктивный и дедуктивный методы* для обобщения собранных теоретических данных; *метод интроспекции и лингвистического наблюдения*, который применялся во время обучения автора в Шаньдунском университете (КНР) для сбора информации об исследованиях китайского дискурса и мониторинга реальных фрагментов коммуникации в разных типах непосредственного и опосредованного дискурса; *дефиниционный анализ* – с целью определения ключевых понятий работы и формулирования понятийного аппарата исследования; *метод интерпретации* рассуждений о языке в китайском философском знании; *сопоставительный анализ* при сравнении моделей критического и культурологического дискурс-анализа; *метод китайского культурологического дискурс-анализа*; *анкетирование*.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые описаны тенденции развития теории дискурса и специфика культурологического дискурс-анализа в китайском языкознании, расширена и дополнена методология китайского культурологического анализа дискурса, разработана авторская модель дискурсивного пространства китайской лингвокультуры как совокупности культурно-коммуникативных векторов.

Теоретическая значимость работы состоит, прежде всего, в дальнейшей разработке проблематики теории дискурса и дискурс-анализа за счет включения в общую теорию языка идей и концепций, характеризующих разделы частного языкознания; во введении в научный оборот отечественной лингвистики новых источниковых сведений о китайских авторах и публикациях по изучаемому вопросу; а также в комплексном теоретическом обосновании конститuentов коммуникации, имеющих, в том числе, прогностический и объяснительный потенциал для процессов межкультурного взаимодействия в китайской лингвокультуре.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в вузовских курсах общего языкознания, теории дискурса, спецкурса по теории китайского дискурс-анализа, практике китайского языка, для подготовки курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Полученные результаты в отношении смоделированного дискурсивного пространства китайской лингвокультуры формируют продуктивную основу для прикладного изучения и эмпирических обобщений специфики коммуникации носителей китайского языка.

Представленный в исследовании терминологический абрис может быть использован для дополнения Большого китайско-русского электронного словаря (БКРС).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Общие тенденции развития китайского дискурс-анализа, инкорпорированного в китайское гуманитарное знание в конце 80-х годов XX столетия, являются прямой проекцией традиционных направлений исследований дискурса, сформировавшихся в «западном» научном сообществе. Зарождение китайской дискурсологии, специализирующейся на изучении различных форм и типов дискурса, произошло посредством перевода «западных» публикаций, посвященных теории дискурса и дискурс-анализу, на китайский язык, их интерпретации китайскими учеными и попытками применения методов дискурс-анализа в китайском дискурсивном пространстве.

2. С начала XXI века в китайской дискурсологии формируется новое направление – «культурологический дискурс-анализ» (文化话语研究), использующее идеи и методы критического анализа дискурса. Культурологический дискурс-анализ позиционируется его теоретиками как «протестная» научно-исследовательская практика, направленная на интерпретацию и объяснение отношений неравенства «западных» и «восточных» лингвокультур и социумов, репрезентируемых в процессах коммуникации.

3. Китайский культурологический дискурс-анализ (中华文化话语研究), получивший развитие как ответвление теории культурологического дискурс-анализа, ориентирован на выработку общей модели, перспективы построения дискурсивной теории, методологии и практики в исследовательском пространстве китайской языковой культуры с учетом собственных культурных и социальных конвенций. Китайский культурологический дискурс-анализ базируется на сочетании двух основных методологических элементов – «деконструкция» и «трансформация», направленных на оценку институциональных, исторических, идеологических характеристик, являющихся «глобальным» контекстом реализации национального дискурса, и экспликацию культурно обусловленных ритуалов китайского общения как выражения «духовной культуры», знаний и мировоззренческих концепций.

4. В теории культурологического подхода к анализу современного дискурса Китая определен ряд традиционных коммуникативных ориентиров, или векторов, реализуемых в разнообразных интерактивных практиках китайской лингвокультуры. Культурно-коммуникативные векторы выявлены на основе архетипов китайской коммуникации, постулированных в древних канонических текстах, лежащих в основе китайской философии, религии, культовой и психофизической практики.

5. Культурно-коммуникативный вектор как традиционный архетипически обусловленный дискурсивный ориентир, имея социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. Культурно-коммуникативный вектор проявляется в интеракции вариативными способами, обозначенными в данном исследовании модусами его репрезентации.

6. Китайское дискурсивное пространство конституируется совокупностью органично дополняющих друг друга культурно-коммуникативных векторов: «Гармония» / «中和» (чжунхэ) как

целеполагающий вектор, «Лицо» / «脸面» (ляньмянь), «Вежливость» / «礼貌» (лимао), «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и), «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй), «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси), «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй), «Патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и) и дискурсивного императива, фонообразующего конституента китайской коммуникации – «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй).

7. «Эстетика речи» / «话语审美» является универсальным языковым феноменом китайской коммуникации, фоновой характеристикой, присущей всем типам дискурса, и определяется как предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей эстетического мышления и воздействия на эстетические установки адресата. Данный дискурсивный императив реализуется на фонетическом (ритм), лексическом и синтаксическом (лаконичная выразительность, симметрия структур) уровнях, а также задействует когнитивный уровень языковой личности, включающий знания о мире, способности мысленного представления объектов, ситуаций, действий, не данных эксплицитно в актуальном восприятии.

Апробация работы. Основные положения и выводы работы отражены в докладах и выступлениях диссертанта на следующих научно-практических международных конференциях: международной научно-практической конференции «Один пояс – один путь» (КНР, г. Циндао, 15–17 мая 2015 г.), по результатам которой диссертантом получено назначение на должность научного сотрудника Центра исследования России и Центральной Азии Шаньдунского университета сроком на пять лет; международной научно-практической конференции «“Игры” великих держав и будущее в Центральной Азии» (КНР, г. Цзинань, 28–30 октября 2016 г.); XVI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» (РФ, г. Москва, 30 ноября 2016 г.); международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс,

интеркультура в коммуникативном пространстве человека» (РФ, г. Красноярск, 25 апреля 2017 г.); а также на аспирантских семинарах Института иностранных языков Шаньдунского университета (КНР, г. Цзинань, 2015 г.) и в ходе научных консультаций в Центре изучения современного китайского дискурса Чжэцзянского университета (КНР, г. Ханчжоу, 2016 г.).

Исследование получило поддержку Китайской государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом «Ханьбань» (грант «Познание Китая», 2015 г.) и «Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности» (2017 г.). По теме диссертации опубликовано шесть работ, в том числе четыре статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списков литературы, словарей и энциклопедий, цитируемых источников канонической литературы, источников примеров, приложения.

ГЛАВА 1 СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

1.1 Зарождение и развитие теории дискурса в китайских гуманитарных науках

Понятие дискурса, его структуры и функций как феномена общественной жизни является т.н. «западным» продуктом, экспортированным в китайское научное пространство в период начала политики реформ и открытости². Дискурс стал предметом изучения китайских лингвистов в конце 80-х годов прошлого века, со времен интегрирования западных исследовательских теорий и концепций в китайские гуманитарные науки.

Согласно данным научного интернет-ресурса «Китайский академический портал»³ [中国知网, URL: <http://www.cnki.net>], в китайском языкознании сформировался целый кластер работ, ключевым словом в названии которых выступают лексемы «话语» (хуаюй) или «语篇» (юйпянь), переводимые на русский язык как «речь», «дискурс», «язык», «текст». В связи с этим китайские исследователи обосновывают становление новой синтетической междисциплинарной формы знания в китайской науке, кросс-дисциплины, специализирующейся на изучении различных форм и типов дискурса – дискурсологии (话语学). Данные работы посвящены исследованиям в разных сферах китайского гуманитарного знания, к которым традиционно относятся такие дисциплины, как лингвистика текста (话语语言学 / 篇章语言学), конверсационный анализ (会话分析), прагматика (语用学), этнография коммуникации (民俗交际学), критический дискурс-анализ (判话语分析), нарратология (叙事学), теория аргументации (论辩学), теория социолингвистического взаимодействия (互动社会语言学), дискурсивная

² Экономические реформы, осуществляемые правительством КНР с 1978 г.

³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

психология (话语心理学), межкультурная / межгрупповая / межвозрастная / межличностная коммуникация (跨文化, 社群, 代沟, 个性人际交际研究). Однако необходимо отметить, что китайская дискурсивная традиция также включает литературоведение (文艺学), социальные коммуникации (传播学), переводоведение (翻译学), философию (哲学), культурологию (文化学), политологию (政治学), социологию (社会学), историческую науку (历史学), коммерческую науку (商学), юриспруденцию (法学), экологию (环境学), теологию (宗教学), педагогику (教育学), психологию (心理学).

Каждая из указанных научных областей по аналогии с западными подходами оперирует собственным пониманием термина «дискурс» – родового понятия, объединяющим ядром которого, по мнению Чэнь Жудуна, является «интеракция субъектов между собой и окружающей действительностью» [陈汝东, 2008, с. 131].

Китайские теоретики в целом, как показал наш анализ многочисленных публикаций, выделяют в дискурсологии шесть направлений, дифференцируемых предметом изучения и применяемыми методами исследования. Вслед за китайскими экспертами в данной работе делается попытка ввести в научный оборот российского языкознания наиболее значимые труды по каждому из выделенных направлений.

1. Исследования в области лингвистического дискурса (语言话语学研究).

В Китае существует более 60 научных центров, занимающихся исследованиями лингвистики текста (话语语言学 / 篇章学), включающей изучение теории и типов дискурса, структуры дискурса, дискурсивных функций и дискурсивного контекста. В своих работах китайские ученые дают критическое осмысление трудов У. Чейфа – квант дискурса [Chafe, 1994], П. Хоппера и Э. Трогот – эмерджентная грамматика и грамматикализация [Hopper, 1987; Hopper, Traugott, 1993], Т. Гивона – дискурсивный синтаксис

[Givón, 1976, 1979], С. Томпсона и В. Манна – теория риторической группы [Mann, Thompson, 1988], П. Браун и С. Левинсона – языковые универсали [Brown, Levinson, 1978, 1987], Г.П. Грайса и Дж. Лича – принципы речевой интеракции [Leech, 1983; Grice, 1991], а также М.М. Бахтина, отмечавшего противоречивость природы текста – сопряжение некоторого повторяемого и некоторого индивидуального [Бахтин, 1986].

Ряд работ посвящен исследованию собственно китайского языка. Известны публикации, в которых анализируются этапы становления дискурсивных теорий, типы, категории и структура дискурса в западном языкознании: «Кратко о дискурсивном анализе» («话语分析说略») Чэнь Пина [陈平, 1987], «Первые исследования лингвистики китайского текста» («汉语话语语言学初探») Ван Фусяна [王福祥, 1989]; «Лингвистика китайского текста в двадцатом веке» («二十世纪的中国话语语言学») Шэнь Цзясюаня [沈家煊, 1998], «Дискурсивный анализ в Китае» («话语分析在中国») Сюй Цзюцзюя [徐赳赳, 1997], «Текст и прагматика: синтаксический анализ» («篇章与语用和句法研究») Ляо Цючжуна [廖秋忠, 1991], «Лингвистика текста в современном китайском языке» («现代汉语话语语言学») Шэнь Кайму [沈开木, 1996].

Ли Чжаньцзы в монографии «Новый ракурс функций межличностного дискурса – исследование межличностной коммуникации в дискурсе автобиографии» («语言的人际元功能新探——自传话语的人际意义研究») [李战子, 2000] рассматривает модальность и смыслы, в основе которых лежит семантический анализ, включающий категории лица, временные формы, прямую и косвенную речь и оценочные средства межличностного дискурса.

Работа «Основы и принципы дискурса: аспект прагматики» («话语规则与知识基础：语用学维度») Шэн Сяомина [盛晓明, 2000] посвящена т.н. «прагматическому повороту», «языковой игре», теории речевых актов, прагматическим стратегиям и тактикам.

Чжэн Цинцзюнь в исследовании «Современный взгляд на китайский дискурс: структура и межфразовые связи в романе “Рикша”» («汉语话语研究新探：“骆驼祥子”的句际关系和话语结构研究») [郑庆君, 2000] дает критическое обозрение западных работ, посвященных анализу дискурса, а также изучает семантические отношения между синтагмами в китайском языке, предложениями-звеньями сложносочиненного предложения.

Предметом изучения публикации «Знание и понимание дискурса: методология когнитивного подхода в дискурс-анализе» («知识与语篇理解：话语分析认知科学方法论») Чэнь Чжунхуа, Лю Синьцюаня и Ян Чуньюаня [陈忠华, 刘心全, 杨春苑, 2004] являются методы психосемантики и когнитивистики, включающие ассоциативный анализ, метод тематической классификации на основе модели структурного представления текста, семантический дифференциал, контент-анализ, латентно-семантический анализ.

В работах Чжэн Гуаньюя «Лингвистика китайского текста» («汉语篇章语言学») [郑贯友, 2002], Дин Яньжэня «Дискурс-анализ» («语篇分析») [丁言仁, 2000] и У Цичжу «Структура китайского дискурса» («汉语构件语法语篇学») [吴启主, 2002] описываются и анализируются система функциональной грамматики и теория риторической структуры как основа структуры дискурса, их основные принципы и методы.

Работа Ю. Гу «Феномен вежливости в современном китайском языке» («Politeness Phenomena in Modern Chinese») [Gu, 1990], в которой автор фокусирует внимание на неуниверсальности модели речевых актов для разных лингвокультур, создающих угрозу позитивному и негативному лицу, считается основополагающим компаративным исследованием структур «западного» и китайского дискурсов.

Китайский лингвист Вэнь Сюй в шести главах монографии «Исследование прагматики дискурса иронии» («反讽话语的认知语用研究»)

[文旭, 2004] изучает иронию как категорию дискурса, продукт усилий говорящего и адресата, определяя контекстуальные условия и стилистические формы актуализации иронии.

В направлении исследований в области лингвистического дискурса включают работы, посвященные изучению дискурса иностранных языков: «Дискурсивный анализ английского языка и межкультурная коммуникация» («英语话语分析与跨文化交际») Ван Дэсина [王得杏, 1998], «Дискурсивный анализ научного английского языка» («科技英语应用话语分析») Чэнь Чжунхуа и Гуань Синьпина [陈忠华, 管新平, 1995] и «Лингвистический анализ дискурса английского языка» («英语语篇语言学研究») Ху Шучжун [胡曙中, 2005]. В них авторы рассматривают историю изучения дискурса и текста английского языка, основные модели порождения и понимания речи, междисциплинарные аспекты дискурсивной лингвистики.

Исследования «Общее описание семантики фраз в русском языке: изучение механизмов генерирования и понимания дискурса» («俄语句子语义整合描写——话语生成与理解机制的探索») Ян Сичана [杨喜昌, 2005] и «Грамматика текста современного русского языка» («现代俄语语篇语法学») У Ии [吴贻翼, 2003] фокусируются на дискурсе русского языка, развитии современной лингвистики русскоязычного текста, грамматических особенностях современного русского языка.

Монография «Лингвистика арабского текста» («阿拉伯语篇章语言学») Чжоу Ле [周烈, 2001] изучает универсалии строения структурных единиц – внутритекстовых глав в арабском языке.

К области исследований лингвистики текста и дискурса относят также работы, исследующие когезию текста, сравнительный анализ синтаксических структур китайского и английского языков, переводческий анализ. Здесь китайские ученые основываются на исследовании М. Холлидея и Р. Хасан, изучающих выражение синтаксических связей с помощью различных

вариантов повторов, местоимений, пропуска подразумеваемого слова и т.д. [Halliday, Hasan, 1976]. Речь идет о таких работах, как: «Суть анализа связной речи» («语篇分析概要») Хуан Говэня [黄国文, 1988], «Когезия и когерентность текста» («语篇的衔接与连贯») Ху Чжуанлиня [胡状麟, 1994], «Сопоставительный анализ когезии китайского и английского текстов» («英汉语篇衔接手段对比研究») Чжу Юншэна [朱永生, 2001], «Эволюция теории и практика когезии и когерентности текста» («语篇连贯与衔接理论的发展及应用») Чжан Дэлу и Лю Жушаня [张德禄, 刘汝山, 2003].

В рамках исследований лингвистики текста можно отметить работы, рассматривающие структуры текстов педагогического дискурса, литературного дискурса, рекламного дискурса: «Исследование прагматической стилистики литературного текста» («文学语篇的语用文体学研究») Фэн Цунсиня [封宗信, 2002], «Теория и практика дискурс-анализа: анализ рекламного дискурса» («语篇分析的理论与实践——广告语篇研究») Хуан Говэня [黄国文, 2001], «Маркеры третьих лиц в нарративе» («英语叙事语篇中第三人称前指的阐释») Чжоу Пин'ина [周平英, 2005].

В рассматриваемой парадигме китайскими учеными проводятся исследования в области исторической науки, литературы, философии с использованием методов текстологии (文本学) – в китайском трактовании науки, изучающей виды, структуру, функции и понимание письменного дискурса с целью установления закономерностей развития литературы и общественных тенденций, которые находят отражение в изменении текста. Реконструкция творческого процесса и изучение творческой истории позволяет исследовать законы восприятия и способы историко-функционального освещения «жизни» в разные эпохи. В рамках данного направления выделяют публикации: «Текстология диалектической концепции «Логика распада» Теодора В. Адорно» («《崩溃的逻辑》的历史建构: 阿多诺早中期哲学思想的文本学解读») Чжан Ляна [张亮, 2003], «Критическое

осмысление: текстологический анализ идеологической теории К. Маркса» («理解与批判: 马克思意识形态理论的文本学研究») Чжоу Хуна [周宏, 2003], «Текстология: анализ системного подхода» («文本学——文本主义文论系统研究») Бо Сю'яня [博修延, 2004].

2. Исследования дискурса литературного произведения (文艺话语研究).

В рамках данного направления китайскими учеными рассматриваются способы конструирования дискурса различных форм художественных произведений (поэзии, драмы, прозы, рассказов и т.д.) и интерпретация различных литературных форм: «Сопоставительное театроведение: анализ моделей китайского и иностранного театрального дискурса» («比较戏剧学: 中西戏剧话语模式研究») Чжоу Нина [周宁, 1993], «Рациональность коммуникации и поэтический дискурс» («交往理性与诗学话语») Цао Вэйдуна [曹卫东, 2001], «Пространство поэзии в современном китайском языке: анализ дискурса новой поэзии» («现代汉语的诗性空间: 新诗话语研究») Чжан Таочжоу [张桃洲, 2005], «Дискурс и эстетика современной прозы» («现代散文话语形态与审美») Ян Аньсяна [杨安翔, 2006], «Теория диалоговых сцен в современном китайском романе» («对话场景中的中国现代小说理论对话») Чэн Лижуня [程丽蓉, 2006], «Исследование театрального стиля как способа дискурсивного анализа» («戏剧文体分析——话语分析的方法») Ван Хуна [王虹, 2006], «Теория и практический анализ романов Генри Джеймса» («亨利·詹姆斯小说理论与实践研究») Ван Миньцина [王敏勤, 2007].

В контексте данного подхода производится анализ с использованием нарратологического метода, занимающего промежуточное место между структурным и рецептивно-эстетическим. В своих исследованиях лингвисты в целом заняты изучением внутритекстовой коммуникации, а также круга вопросов о рефлексивности и интерконтекстуальности художественного текста. Данный спектр вопросов близок проблематике взаимоотношения

«своего» и «чужого», сформулированной М.М. Бахтиным [Бахтин, 1986]. Китайские исследователи опираются на труды Ж. Женетта [Genette, 1980], А. Греймаса [Greimas, 1979], С. Чэтмана [Chatman, 1978], К. Леви-Стросса [Levi-Strauss, 1963], Дж. Принса [Prince, 1987] и Ф. Джэймсона [Jameson, 1981].

Среди таких работ можно выделить «Анализ дискурса современного романа» («当代小说叙事话语范式初探») У Пэйсяня [吴培显, 2003] и «Нарратология эпохи коммуникации: к вопросу о столичной литературе» («对话时代的叙事话语——论京派文学») Ча Чжэнькэ [查振科, 2005].

Дискурсивный подход в теории литературной критики рассматривается в публикациях: «Дискурс древнекитайской литературной теории» («中国古代文论话语») Цао Шуньцина, Ли Цинляна, Фу Юнлия, Ли Сыцюйя [曹顺庆, 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001], «Исследование трансформации дискурса современной китайской литературной теории» («中国当代文论话语转型研究») Ян Цзюньлэя [杨俊蕾, 2003], «Критическая теория и дискурс современной китайской литературной теории: система иллюзий» («幻想的秩序: 批评理论与当代中国文学话语») Чжан Сюйдуна [张旭东, 1997], «Обращение к литературе: исследование жанров дискурса современной китайской литературы» («重返自身的文学: 当代中国文学思潮中的话语类型考察») Цзюнь Чанлуна [君昌龙, 1999].

Исследования в области дискурса литературы, искусства и их историческое и правовое обоснование представлены в монографиях: «Деконструкция: история, дискурс и основной сюжет» («解构的踪迹: 历史、话语与主体») Чэнь Сяомина [陈晓明, 1994], «Художественный и правовой дискурс: дискурс поэзии «фу»⁴ и политика обеих династий Хань» («文学话语与权利话语——汉赋与两汉政治») Ху Сюэчана [胡学常, 2000], «Дискурс и

⁴ Жанр прозапоэтических произведений, отличавшихся возвышенным пафосом, пышной образностью, склонностью к гиперболам. В этом жанре воспевались блески и величие придворной жизни, часто «фу» носили характер поэтической исповеди [Малявин, 2001].

порядок» («话语与秩序») Чжан Цинминя [张清民, 2005], «Исследование китайской литературы 20-40-х гг. XX века» («权利·主体·话语: 20世纪40—70年代中国文学研究») Ли Юйчуня [李遇春, 2007].

3. Исследования массмедийного дискурса (传播话语研究).

Изучение массмедийного дискурса в китайской дискурсологии по аналогии с «западной» традицией выделяется в самостоятельное направление в связи с реализацией средствами массовой информации собственного мировоззренческого ресурса, направленного на когнитивную обработку социума для формирования особой картины мира.

Китайские исследования, проводимые в данной области, в большей степени опираются на труды теоретиков, внесших весомый вклад в развитие аналитических исследований массовой коммуникации – Т.А. ван Дейка [Dijk, 1984, 1988, 1993], Н. Фэрклафа [Fairclough, 1992, 1995], Р. Водак [Wodak, 1996], А. Бэлла [Bell, 2001]: «Собрание исследований дискурса радио и телевидения» («广播电视话语研究选集») У Вэйчжана [吴为章, 1997], «Нарративный дискурс телесериалов» («电视剧叙事话语») Чжан Юйхуа [张育华, 1997], «Теория кино: новое трактование и дискурс» («电影理论: 新的诠释与话语») Чжун Дафэна, Пань Жоцзяня и Чжуан Юйсиня [钟大丰, 潘若简, 庄宇新, 2002], «Тайный дискурс фотоленки: кинодискурс гомосексуальности» («胶片密语——话语电影中的同性恋话语») Бянь Цзина [边静, 2007], «Репрезентация и анализ обобщенного образа китайцев в кинолентах Голливуда» («好莱坞电影中的中国人形象演变及分析») Лю Шэна [刘胜, 2015], «Дискурсивный анализ: новые пути исследования медиадискурса» («话语分析: 传播研究的新路径») Ху Чуньяна [胡春阳, 2007], «Типы дискурса и методы анализа: новый анализ дискурса новостей в английском языке» («话语样类及其整合分析模式: 英语书面新闻系统新探») Ли Мэйся [李美霞, 2004].

4. Исследования дискурса философии (哲学话语研究).

Многогранность понятия «дискурс» обнаружила глобальное и глубокое отражение в философии, которая, по мнению П. Рикера, направлена на то, чтобы «неустанно открывать дискурс навстречу бытию» [Рикер, 1995, с. 121]. Ученые проводят параллели идей древних и современных китайских философов, обращаясь к идеям М. Фуко, который говорит о том, что базисным уровнем онтологической конструкции дискурса является уровень «событий», не отрицая принадлежности дискурса к области знака: «Безусловно, дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто большее, чем просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это «нечто большее» и позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [Фуко, 1996, с. 50].

Исследователи отмечают, что китайский философский дискурс теряет свою замкнутость, его границы начинают размываться, а сама философия становится все более открытой, связывая эти изменения со смещением в область прагматики. В данной исследовательской парадигме можно выделить труды: «Постсовременный философский дискурс: от теории Мишеля Фуко до Эдварда Сэда» («后现代性的哲学话语——从福科到赛义德») Ван Миньяня, Чэнь Юнго и Ма Хайляна [汪民安, 陈永国, 马海良, 2000], «Психоанализ и постсовременный критический дискурс» («精神分析与后现代批评话语») Фан Чэна [方成, 2001], «Ценности и бытие: размышления о дискурсе ценностей» («价值与存在: 价值话语的形上之思») Чжан Цзюня [张军, 2004], «Классовое сознание, общественные деяния и социальная рациональность: современный дискурс общественно-политической теории западного марксизма» («阶级意识、交往行动与社会合理性: 西方马克思主义社会政治理论的现代性话语») Чжу Туцюня, Ли Юаньсина и Жэнь Кайдэна [朱土群, 李远行, 任暲等, 2005], «Описание нижнего слоя: современный дискурс» («价值与存在: 价值话语的形上之思») Лю Сюй [刘旭, 2006].

5. Исследования дискурса культуры (文化话语研究).

Изучение дискурса культуры получило широкое распространение в китайском научном пространстве в 90-е гг. прошлого столетия. Исследованию подвергались такие сферы, как взаимосвязь дискурса, культуры и народа, жизнеспособность традиционной культуры, ее палингенезис – преобразование и возрождение. Тесная взаимосвязь дискурса и культуры в трактовке китайских коллег обусловлена в первую очередь тем, что дискурс является продуктом и носителем культуры, а во вторую – тем, что дискурс «сам по своей природе представляет собой культурную организацию» [陈汝东, 2008, с. 133]. В работах ведется полемика о превосходстве различных культур, противопоставляются «некитайские» культуры совокупности достижений китайской нации в производственном, общественном и духовном отношении, анализируются конфликты «новых» и «традиционных» направлений китайской культурной эстетики, их историческая проекция, в особенности в различные периоды XX века – времени глобальных трансформаций китайской цивилизации.

Среди таких исследований наиболее значимыми представляются «Границы культуры: символ, дискурс и культура народа» («传统的界限：符号、话语与民族文化») Цзян Юаньлуня [将原伦, 1998], «Китайский дискурс: история современной эстетической культуры» («中国话语：当代审美文化史论») Хуан Личжи [黄力之, 2001], «Описание поэтичности духовной культуры правобережья реки Янцзы⁵» («江南文化的诗性阐释») Лю Тулия [刘士林, 2003], «Дискурс Янь Фу⁶ и трансформация китайской культуры периода новой истории» («严复话语系统与近代中国文化转型») Хан Цзянхуна [韩江洪, 2006], «Трансформация духовной культуры и продуцирование дискурса: идеологические ориентиры исследований внутригосударственного дискурса»

⁵ Исторически, экономически и культурно значимая крупнейшая водная артерия КНР, считающаяся местом зарождения цивилизации Южного Китая.

⁶ Известный китайский писатель и переводчик западной литературы, 1853-1921 гг.

(«文化转型与话语增殖：国内后现代主义研究的思想指向») Ян Цзэнхэ [杨增和, 2007], «Дискурс США: трансляция новостей и культуры США» («美国话语——传播美国新闻与文化») Чэнь Бяньчжи [陈卞知, 2006].

6. Исследования дискурса остальных гуманитарных областей (其他学科领域中的话语研究).

К последнему направлению традиционно относят исследования дискурсов политики, социологии, феминизма, истории, коммерции, педагогики, психологии. Здесь рассматриваемое понятие представлено, как многоплановое явление в сопряжении языковых и неязыковых форм реализации действий. Одни исследователи пользуются термином «дискурс» как данным априори, другие отказывают ему в наличии лингвистического содержания. В широком смысле эти дискурсы включают такие формы общения, в которых к указанным сферам относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения: «Революционная современность: обоснование дискурса китайской революции» («“革命”的现代性：中国革命话语考论») Чэнь Цзяньхуа [陈建华, 2000], «К вопросу о модели демократии в Яньань⁷: дискурс и компаративный анализ» («论延安的民主模式——话语模式和体制的比较研究») Жун Цзинбэня, Ло Яньмина и Е Даомэна [荣敬本, 罗燕明, 叶道猛, 2004], «О женском вопросе: западный феминизм и женский дискурс в китайской литературе» («女性视域：西方女性主义与中国文学女性话语») Юй Дун'е [于东晔, 2006], «Социальные изменения древности: опыт дискурсивного анализа» («古村社会变迁——一个话语群的分析试验») Тань Би'юя [谭必友, 2005], «К вопросу о недавней истории: китайские мифы и герои дискурса» («中国语言神话和话语英雄：论晚近历史») Ли Цзе [李劫, 1998], «Неистинное Дао: китайский исторический дискурс 1840-1999 гг.» («非常道：1840-1999 的中国话语») Юй Шицуня [余世

⁷ Городской округ в провинции Шэньси, КНР.

存 , 2005], «Исследование дискурса коммерческих переговоров в межкультурной коммуникации» («跨文化商务洽谈中的话语互动研究») У Юнцина [吴永琴, 2006], «Новые размышления о китайской юрисдикции в аспекте дискурса: права и технологии власти» («在权利话语与权力技术之间中国司法的新思考») Цзо Вэйминя [左卫民, 2002], «В поисках научного дискурса: исторический и философский аспекты» («追思科学——历史与哲学视域中的科学话语») Янь Бина [炎冰, 2002], «Дискурсивный анализ категорий педагогического дискурса: рассуждения о трансформации современного китайского дискурса» («教育学话语现象的文化分析——兼论中国当前教育学话语的转换») Тань Биня [谭斌, 2006], «Дискурс-анализ современного занятия в США» («当代美国课程话语研究») Се Дэнбиня [谢登斌, 2006], «Психология монолога и диалога: две формы психологического дискурса» («独白的心理学与对话的心理学——心理学的两种话语形态») Чжоу Нина [周宁, 2005], «Когнитивные исследования аллюзии: от теории к практике» («隐喻的认知研究——理论与实践») Лю Чжэнгуана [刘正光, 2007].

Необходимо отметить, что описанные нами направления исследований дискурса и дискурс-анализа базируются на «западных» теориях и концепциях, становление которых происходило в XX веке. Однако некоторые китайские теоретики настаивают на включении в «традиционную» дискуртологию всей науки о языке, которая на протяжении длительной истории страны развивалась в таких направлениях, как конфуцианская экзегетика, или учение об истолковании конфуцианских текстов (训诂学; сюньгу-сюэ), включающая толкование канонических книг и тематическое компилирование слов и оборотов языка; литература (文学; вэньсюэ); этимология знаков (词源学; циюань-сюэ); диалектология (方言学; фан'янь-сюэ) и фонетика (音韵学; иньюнь-сюэ). Системное описание слов и оборотов было представлено в

словаре диалектных слов «Фан'янь» («方言») Ян Сюна⁸, этимологическом словаре «Шимин» («释名») Лю Си⁹, толковом словаре «Шовэнь цзецзы» («说文解字») Сюй Шэня¹⁰ и первом систематизированном собрании толкований слов «Эр'я» («尔雅»), в которых аккумулированы основы древней диалектологии, этимологии, иероглифики, комментарии к древним текстам, включающим семантику, лексикологию, экзегетику.

Данное направление «традиционной» китайской дискурсологии именуют старой китайской филологией (小学), или филологическим исследованием текстов, получившим название «сяосюэ» – «малая наука». Эта наука представляла собой комплекс дисциплин, которые принято в современности называть филологическими. Их изучение в Китае считали «предварительным условием для любого серьезного образования» [Чжан, 2013, URL: <http://www.synologia.ru/monograph-899>]. Как указывает китайский мыслитель предсиньхайского периода¹¹ Чжан Бинлинь, элементарное представление о сяосюэ является неременным условием понимания написанного в исторических книгах с исчерпывающей полнотой. В своих рассуждениях он пишет о том, что «главное в литературном произведении – стиль». По его мнению, «в дотанский период все образованные люди были хорошо сведущи в сяосюэ, поэтому их великолепные сочинения затрагивали человеческие чувства. После двух династий Сун, когда малая наука постепенно захирела, все термины и художественные выражения употреблялись как попало, среди них не было таких, которые хоть сколько-нибудь волновали читателя. В конце концов, жители любой страны с интересом читают произведения любой страны. Но они не понимают, например, каковы достоинства стихов греческих и итальянских (поэтов) по сравнению с нашими <...> с нашей точки зрения, безусловно прекрасны

⁸ 杨雄, древнекитайский философ-конфуцианец, литератор, поэт и филолог, 53 г. до н.э.-18 г. н.э.

⁹ 刘熙, китайский литератор, династия Восточная Хань, ок. 200 г.

¹⁰ 许慎, китайский филолог, лингвист, прим. 58-147 гг. н.э.

¹¹ Синьхайская революция 1911-1913 гг. в Китае, приведшая к свержению маньчжурской династии Цин и провозглашению Китайской республики.

только (наши) национальные произведения. Очень жаль, что из-за постепенного увядания сяосюэ художественные произведения не сравнить с теми, что были созданы в прошлом. Если мы займемся пропагандой сяосюэ и добьемся возрождения древнего облика нашей литературы, то любовь к нашей стране и стремление к сохранению нации усилятся многократно» [Чжан, 2013, URL: <http://www.synologia.ru/monograph-899>].

В целом сяосюэ занималась изучением китайской письменности, иероглифики, анализом воплощения письменности в канонах, древних текстах. Важность изучения канонов обусловлена, как отмечает Т.П. Григорьева, тем, что все «последующие тексты являются своего рода расширенным комментарием изначального канона» [цит. по: Зинин, 2002, URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks327480.html].

Использование участниками дискурса канала иероглифической письменности для передачи информации автоматизирует включение иероглифического мышления. В современных теориях интеллекта его принято называть «голографическим», т.е. мышлением, характеризующимся многоракурсностью, холистичностью, четкостью и простотой. Ведь каждый иероглифический знак обладает многомерностью и целостностью, существуя сам по себе и проявляя способность функционировать в различных типах дискурса.

Таким образом, по мнению Чэнь Жудуна, учение об истолковании конфуцианских текстов (训诂学; сюньгу-сюэ), в фокусе внимания которого находилось расшифрование дискурса древних канонов, являлось главным объектом китайской «традиционной» дискурсологии [陈汝东, 2008, с. 131].

Вместе с тем помимо учения об интерпретации канонов выделяют фундаментальный труд, посвященный исследованию организации китайской коммуникации. Трактат теоретика китайской литературы Лю Се¹² «Вэнь синь дяо лун» («文心雕龙» – «Дракон, изваянный в сердце письмен», «Дракон,

¹² 刘勰, ок. 521-465 гг. до н.э.

изваянный в сердце словес», «Резной дракон литературной мысли»), датируемый 501-502 гг. до н.э., по мнению Ши Сюй, «представляет собой первое комплексное произведение, анализирующее жанры и стили изящной словесности, а также ритм, композиционную основу и изобразительные средства» [施旭, 2010, с. 6]. Как считает Тан Цин'е, в произведении Лю Се рассматривается влияние китайской традиционной культуры на язык и его символы [唐青叶, 2009].

Лю Се дифференцирует поэтические жанры на основании наличия в тексте ритмичного строения «юнь» («韵»), подкрепленного рифмой. Автор трактата «распределяет выделенные им жанры изящной словесности по двум группам. К первой относятся собственно «вэнь» («文» – рифмованная или ритмичная проза) и «би» («笔» – кисть для письма). Ко второй – жизнеописания, входящие в историографические и философские сочинения, трактаты, эпистолы, а также сугубо деловые жанры, в том числе различные доклады трону. Однако в целом жанры второй группы по-прежнему включаются Лю Се в изящную словесность» [Кравцова, 2008, с. 251–252].

Построение трактата, по мнению современных ученых, отображено в его названии, которое понимается как авторское указание на «вэнь» («文»). В заглавии используется сочетание «вэнь синь» («文心»), буквально обозначающее «сердце / сердцевина изящной словесности» и на искусство создания литературного произведения, которое автор сравнивает с искусством резьбы по дереву (вторая часть названия «дяо лун» («雕龙») в основном значении – декорирование резьбой с изображением драконов) [Там же, с. 251–252].

По отношению к индивидуальному стилю написания адресанта теоретик использует термин «фэнгэ» («风格»), который порождается симбиозом врожденных наклонностей и практических навыков и является результатом «метатезы» элементов двух групп словесных жанров [Shi, 2014, с. 68]. Термином «фэнгу» («风骨»; букв. «ветер и кость») обозначена специальная

категория «эмоциональной силы и прочности генерирования дискурса» [Сао, 2008, с. 2].

Термин «гу» («骨»; букв. «кость») именуется «костяк» произведения, своего рода остов, сопоставляемый по своим функциям со скелетом человека: «Словам также потребен остов, как [живой] плоти опора на кости...Если замысел хил, а слова тучны, обильны, пестры и утратили связность, это знак того, что остова нет» [Кравцова, 2008, с. 251–252]. Из теоретических воззрений Лю Се и их последующих интерпретаций (в традиционной китайской филологии и в современной научной литературе) следует, что «гу» («骨») ближе всего к европейскому понятию «архитектоника», т.е. определяет принципы построения литературного произведения, исходя из органичного единства всех его композиционных элементов. Продолжая сравнивать художественное произведение с живым организмом, автор говорит о взаимосвязанности всех его элементов и постулирует идею трехчастной его структуры: «Чувства и намерения следует сделать душой произведения, факты и замыслы – его остовом, слова и красоты – его мышцами и кожей» [Там же, с. 251–252]. Затем Лю Се поэтапно анализирует уровни и элементы «литературного организма» в аспекте методов и способов их сотворения. Особое внимание Лю Се обращает на экспрессивность произведения (чувства и красота словес), его ритмическую организацию (порядок звуков), композиционное построение (строфа / параграф и строка / предложение), литературные средства (метафора и аллегория, гипербола) [Сао, 2008].

Трактат содержит структурное описание и характеристики практически всех предшествовавших поэтических явлений и творчества конкретных авторов. По сути он представляет системное описание истории развития литературы древности и эпохи Шести династий¹³ и строения существовавших литературных памятников [Кравцова, 2008]. Однако исследования в данном

¹³ 六朝, 229-589 гг.

направлении не были продолжены в рамках определенной научной школы, предпринимаемые попытки были бессистемны.

В связи с этим, мы можем предположить, что китайская цивилизация, возможно, лишилась своей уникальной, идущей из древности традиции дискурс-анализа, который, благодаря особенностям китайского языка, потенциально мог обладать жизнеспособностью в современной действительности и иметь собственный терминологический аппарат.

В конце 80-х годов XX века, в период проведения политики реформ и открытости, интеграции китайской экономики во внешний мир началось становление и развитие теории дискурса как научного направления в китайском академическом пространстве. Зарождение китайской дискурсологии как новой кросс-дисциплины, специализирующейся на изучении различных форм и видов дискурса, произошло посредством перевода на китайский язык «западных» публикаций, посвященных теории дискурса и дискурс-анализу, их интерпретации синологами и попытками применения методов дискурс-анализа в китайском дискурсивном пространстве.

Вслед за китайскими теоретиками нами были выделены шесть направлений китайской дискурсологии и обозначены основные труды по каждому из них, дифференцируемые предметом изучения и применяемыми методами исследования. Традиционно в рамках этих направлений проводятся исследования в области лингвистического дискурса, исследования дискурса литературного произведения, исследования массмедийного дискурса, исследования дискурса культуры, к последнему направлению относят исследования дискурса политики, социальных отношений, феминизма, истории, коммерции, педагогики, психических феноменов.

Следует отметить, что описанные нами направления исследований дискурса и дискурс-анализа в китайском научном пространстве являются проекцией «западных» теорий и концепций. Как следствие, в китайском гуманитарном знании, как и в «западном» научном сообществе, дискурс и его

анализ «представляет собой чрезвычайно мозаичный конгломерат разрозненных (хотя и не антагонистических) направлений» [Кибрик, 2003, с. 14]. Ко всему прочему, сегодня в китайском научном пространстве актуальными остаются дискуссии о включении в «традиционную» китайскую дискуртологию всей науки о языке, которая на протяжении длительной истории развивалась в таких направлениях, как конфуцианская экзегетика, включающая толкование канонических книг, литература, этимология знаков, диалектология и фонетика.

Несмотря на существующие противоречия, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время теория дискурса в китайском гуманитарном знании вполне институализирована как особое (хотя и междисциплинарное) научное направление.

1.2 Терминологический абрис исследований дискурса в китайском языкознании

Термин «дискурс» (фр. discours, от лат. discursus «бегание в противоположные направления, речь, рассуждение, довод») означает в целом «процесс коммуникации, способ говорения» [Кибрик, 2003, с. 10]. В процессе изучения работ, посвященных китайскими авторами проблематике дискурса, нами было выявлено, что научное сообщество оперирует семнадцатью вариантами этого термина на своем языке, являющимися буквальным переводом и интерпретацией номинаций дискурса во французском и английском языках.

По нашему мнению, причиной закрепления в китайском языке достаточного большого ряда лексических единиц для обозначения понятия «дискурс» является неоднозначное его понимание в различных подходах гуманитарного знания. О.В. Александрова отмечает: «Существует множество определений термина «дискурс», но ни одно из них не признано полным, точным и совершенным» [Александрова, 2017, с. 299].

В данном параграфе мы представляем терминологический абрис обозначений лексической единицы «дискурс»¹⁴, встречающихся в письменных трудах и устных выступлениях китайских исследователей [邢福义, 2000; 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001; 陈汝东, 2004; 陈国明, 2004; 施旭, 冯冰, 2008; 施旭, 2010; 杨娜, 2014; Lu, 2000]:

1. 说法 (шофа) – 1) 宣讲宗教教义; 2) 引申为讲解道理; 3) 说书的方法; 4) 措词; 5) 意见, 见解 / 1) объяснение (толкование) учения буддизма; 2) аргумент; довод; доказательство; 3) способ говорения; 4) заявление, утверждение, изложение, формулировка; 5) версия, взгляд.

2. 观点 (гуаньдянь) – 1) 观察事物时所处的位置或采取的态度; 2) 专指政治观点 / 1) точка зрения, взгляд, подход, позиция; 2) политическая позиция.

3. 看法 (каньфа) – 对客观事物所抱的见解 / подход, точка зрения, мнение; взгляды, воззрение.

4. 说话 (шохуа) – 1) 用语言表达意思; 发表见解; 2) 闲谈; 3) 说理; 交涉; 4) 指责; 非议; 5) 泛指议论, 评说; 6) 话; 言辞; 7) 即近代的说书; 8) 话本; 9) (对人, 对事) 认为不对因而不满意的看法, 看法; 10) 说话的一会儿时间. 比喻时间相当短; 11) 指不正常的男女关系; 12) 事情 / 1) средство выражения мысли; высказывание мнения; 2) болтовня, праздная беседа; 3) обоснование; ведение переговоров; 4) строгая критика; осуждение; 5) сплетни; комментарий; 6) слова, выражения; 7) передача словами содержания рассказа, книги, предания; 8) хуабэнь¹⁵; 9) неблагоприятное впечатление в связи с восприятием кого-л., чего-л. неправильным; 10) аллюзия на недостаток времени; 11) указание на ненормальные межполовые отношения; 12) дело, инцидент.

5. 谈话 (таньхуа) – 1) 两个人或许多人在一起说话; 2) 用谈话的形式发表的意见(多为政治性的) 3) 用谈话形式做思想工作 / 1) беседа, разговор двух и более лиц, ведение разговора; 2) изложение мнения посредством

¹⁴Перевод толкований с китайского языка выполнен И.Г. Нагибиной.

¹⁵ Китайская городская народная повесть, возникшая из устного сказа.

интервью (преимущ. политической направленности); 3) беседа в идеологических целях.

6. 演说 (яньшо) – 1) 推演其说; 2) 向大众讲述自己对于某个问题的见解 / 1) выступать с речью; публичное выступление; доклад, речь; 2) развивать теорию.

7. 发言 (фаянь) – 1) 说话; 2) 发表的意见 / 1) произносить речь, выступать; выступление; 2) высказывать мнение.

8. 文章 (вэньчжан) – 1) 原指文辞, 现指篇幅不很长而独立成篇的文字; 2) 泛指著作作为文章; 3) 比喻曲折隐蔽的含义; 4) 事情; 程序 / 1) статья, сочинение, короткое произведение; 2) письменный труд, произведение; 3) скрытый смысл; 4) способ действий, порядок действий (в отношении чего-л.).

9. 论点 (лундянь) – 论点议论中所持的观点以及支持这一观点的理由 / довод, аргумент, аргументация, утверждение, суждение.

10. 表述 (бяошу) – 叙述, 说明 / изложение, формулирование, высказывание.

11. 言语 (яньюй) – 1) 说话; 说; 2) 吩咐; 命令; 3) 禀报; 4) 争执; 5) 善於辞令; 6) 言辞; 话; 7) 指闲话, 不满意的话; 8) 指词章, 文辞着作; 9) 喻虫鸟鸣叫; 10) 指口头语言; 11) 指不正常的男女关系; 12) 事情 / 1) слова, разговоры; 2) приказ, предписание; 3) доклад (старшему по должности); 4) раздоры, споры; 5) искусный диалог; 6) слова, выражения, речь; 7) недовольный разговор, ропот; 8) литературное произведение; 9) щебетание, чирикание; 10) устная речь.

12. 言说 (яньшо) – 1) 谈论; 说话; 2) 指宣讲佛教的故事和理论; 3) 言辞; 言论 / 1) язык, речь; 2) буддийские проповеди; 3) высказывание; выступление; мнение; 4) раздоры, споры.

13. 言论 (яньлунь) – 1) 言谈; 谈论; 2) 言词; 发表的议论或意见; 3) 犹舆论 / 1) высказывание, суждение; речь, слова; дискуссия, спор; 2) слова, речь; критическое замечание; 3) общественное мнение; людские суждения.

14. 篇章 (пяньчжан) – 1) 篇和章。泛指文字著作; 2) 语言学学术语, 指运用中的语言; 3) 话语: 话语是特定的社会语境中人与人之间从事沟通的具体言语行为, 及一定的说话人与听话人之间在特定社会语境中通过文本而展开的沟通的言语活动 / 1) страницы и главы; книги; литература, сочинения; статья; 2) ход событий; биография; 3) стихи; поэзия.

15. 论述 (луньшу) – 指理论性的描述, 对某一或者许多问题、事件、研究等进行单一的或者归纳性的阐述并提出其中存在的问题或者解决的方法加以自己的话进行叙 / описание, изложение, рассуждение; комментарий.

16. 话语 (хуаюй) – 1) 言语, 人们说出来或写出来的语言; 2) 语言学学术语, 指运用中的语言; 3) 话语: 话语是特定的社会语境中人与人之间从事沟通的具体言语行为, 及一定的说话人与听话人之间在特定社会语境中通过文本而展开的沟通的言语活动 / 1) речь, язык; 2) лингвистический термин в отношении речи, языка; 3) конкретный речевой акт коммуникации в определенном социальном контексте.

17. 语篇 (юйпянь) – 1) discourse 指的是实际使用的语言单位, 是交流过程中的一系列连续的语段或句子所构成的语言整体; 2) 语篇是在语境基础上的具有一定结构的语义单位 / 1) фактически используемое языковое единство, последовательность отрезков речи или синтагм, используемых для осуществления коммуникации или вербальная коммуникация, выстраиваемая посредством фразовых единств; 2) семантическое единство, обладающее определенной структурой и используемое в определенной языковой ситуации [在线汉语词典 (Электронный толковый словарь китайского языка), URL: <http://xh.5156edu.com>; 百度百科 (Электронная научная энциклопедия «Байду байке»), URL: <http://www.baikе.com>].

Приведенные термины включены в тезаурус всех связанных с языком направлений китайских гуманитарных наук: лингвистики, литературоведения, социологии, философии и т.д. Указанные понятия, буквально обозначающие «реальное языковое взаимодействие», на наш взгляд, близки к определению,

предложенному А.А. Кибриком: «Дискурс – это единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Кибрик, 2003, с. 10].

Необходимо отметить, что все номинации встречаются в сочетаниях с прилагательными «中国» / «китайский» или «西方» / «западный», но лишь две последние практически полностью реферируют термины, принятые в «западном» и российском языкознании, более того, на данный момент слово «语篇» (юйпянь) в отличие от других наименований используется китайскими исследователями дискурса только в контексте данной научной области, хотя «语篇» (юйпянь) изначально употреблялось в качестве лингвистического термина «текст». Этот термин применяется в глобальном смысле для обозначения структуры коммуникации, т.е. взаимоувязанности текста как языкового материала с условиями и способами его продуцирования и восприятия. По нашему мнению, лексемы «话语» (хуаюй) и «语篇» (юйпянь) максимально полно раскрывают понятие дискурса, предложенного В.Е. Чернявской, где дискурс рассматривается как «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [Чернявская, 2006, с. 3].

На сегодняшний день наиболее широкой дистрибуцией в китайских работах обладают термины – «语篇» (юйпянь) и «话语» (хуаюй). Остальные номинации, буквально означающие «беседа, рассуждение, аргументация» и «сам процесс осуществления этой деятельности», также активно используются в китайском научном мире как в письменных работах, так и устных докладах, выступлениях и аспирантских семинарах, когда все участники общения включены в контекст и могут соотнести вышеуказанные лексические единицы с понятием «дискурс», принятым в академической практике.

Однако в заглавиях и введениях китайских работ используются именно номинации «语篇» (юйпянь) и «话语» (хуаюй), сопровождаемые вариантом на английском языке «Discourse» при первом упоминании. Если в работах речь идет о дискурсивном анализе и дискурсивных исследованиях, то мы можем наблюдать только сочетания «语篇» (юйпянь) и «话语» (хуаюй) с терминами, обозначающими «анализ» и «исследования» – «分析» (фэньси) и «研究» (яньцзю), а также сопровождение их первичного употребления английскими вариантами «Discourse Analysis» и «Discourse Studies».

Итак, в рамках данного параграфа нами было выявлено, что в китайском научном пространстве существует семнадцать терминов, семантически коррелирующих с понятиями и дефинициями «дискурс» в «западных» гуманитарных науках. Такое обилие номинаций для обозначения понятия «дискурс», теории и методы исследования которого инкорпорируются в пространство китайского гуманитарного знания с конца 80-х годов прошлого столетия, обусловлено во многом несогласованностью взаимодействия научных центров между собой в период становления дискурсологии в Китае. Ученые, предпринимавшие попытки перевести работы западных теоретиков на китайский язык, представить их осмысление и дать им критическую оценку, не имели эффективных каналов передачи и обмена информацией внутри своего сообщества: отсутствовали издание научных журналов и организация конференций по данному направлению. По этой причине при попытке передать значение термина «дискурс» в «западном» гуманитарном знании представители китайских научных школ автономно выбирали наиболее подходящие, с их точки зрения, варианты его перевода, каждый из которых обладает неодинаковой степенью функционирования сегодня, и придерживались его. Тем не менее, достаточно большой терминологический репертуар, существующий в современной китайской дискурсологии, не влияет на понимание и эффективную кооперацию китайских ученых в собственном академическом пространстве.

1.3 Культурологический дискурс-анализ как исследовательская традиция в китайской лингвистике современного этапа

Как мы обозначили в рамках первого параграфа этой главы, период оформления дискурс-анализа как научного направления в Китае начался в конце 80-х годов XX века. Китайские ученые вслед за «западными» школами и направлениями, уже утвердившимися в роли самостоятельных исследовательских сфер, обратились к анализу языковой практики, заимствуя «западные» теории и методологии. Следует отметить, что в основном китайские лингвисты не знакомы с подходами к исследованиям дискурса, представленными в трудах российских ученых. Лингвистические изыскания китайских исследователей проводятся в таких направлениях, как:

- логико-прагматическая теория коммуникации [Brown, Levinson, 1978, 1987; Leech, 1983; Grice, 1991];
- конверсационный анализ [Sacks, Schegloff, Jafferson, 1974; Atkinson, Heritage, 1984];
- этнография коммуникации [Hymes, 1971; Gumperz, 1982];
- теория речевых актов [Austin, 1962; Searle, 1969, 1979];
- когнитивная теория связи дискурса и грамматики [Givón, 1976, 1979];
- системно-функциональная грамматика [Halliday, 1985];
- критический дискурс-анализ [Dijk, 1993; Fairclough, 1992; Wodak, 1996].

В начале XXI столетия в китайской дискурсологии началось формирование нового направления, носящего название «культурологический дискурс-анализ» («文化话语研究»), а затем его ответвления, именуемого «китайский культурологический дискурс-анализ» («中华文化话语研究»).

1.3.1 Общие положения концепции культурологического дискурс-анализа

Один из теоретиков культурологического дискурс-анализа и основоположник китайского направления в этой концепции Ши Сюй, профессор Чжэцзянского университета в г. Ханчжоу, КНР, определяет культурологический дискурс-анализ как вариант критического дискурс-анализа, разработанного Н. Фэрклафом, Т.А. ван Дэйком, Р. Водак. Указанный анализ представляет собой «разновидность дискурс-аналитической процедуры, направленной на изучение, главным образом, способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются, воспроизводятся и сталкиваются с сопротивлением в форме дискурса в социальном и политическом контекстах» [Дейк, 2013, с. 111]. Однако для исследователей дискурса в русле культурологического дискурс-анализа именно культура является той основой, которая специфицирует общение в целом и его частное дискурсивное воплощение. При этом понятие «культура» определяется как «свойственная конкретной цивилизации система восприятия действительности, символов, способов самовыражения, ценностей, правил, речевых моделей, социальных интеракций» [Shi, 2014, с. 27]. Частные и глобальные процессы жизненных практик есть «реализация» культуры, ее производство, трансформация. Как определяет Ши Сюй: «Человеческая реальность – это всегда культурная реальность» [Shi, 2005, с. 53].

Целью культурологического дискурс-анализа является конструирование другого, «альтернативного» дискурса путем демонстрации скрытой или, как ее называет Л.В. Куликова, «подводной» части каждой культуры – места столкновения специфичных для каждого народа или социального актора собственных норм, ценностей, мировоззренческих взглядов [Куликова, 2006, с. 84].

В качестве обоснования своей теории исследователь Ши Сюй рассуждает о «восточном» подходе к изучению дискурса, который, по его мнению, находится в диалектических отношениях с «западным» анализом дискурса, занимающим сегодня господствующую позицию. Более того, возникновение «восточного» подхода частично было основано на существующих «западных» традициях в данной области. Как указывает Ши Сюй, дискурс-анализ в целом является монологической дисциплиной, где главенствует «западный подход» и, практически отсутствует диверсификация исследовательских взглядов [Shi, 2005, 2009, 2013, 2014]. Китайский ученый подчеркивает, что культурологический дискурс-анализ получил импульс развития в «восточном» научном пространстве в первом десятилетии XXI века и находится на стадии становления в настоящее время. В качестве обоснования данного факта исследователь ссылается на публикации ученых в этой области: «Альтернативные дискурсы в научном пространстве Азии: реакция на Европоцентризм» Ф.С. Элэтэса¹⁶; «Диалог культур» Д. Карбо¹⁷; «Коммуникация как культура: очерки о СМИ и социуме» Дж.В. Кэрэй¹⁸; «Межкультурное взаимопонимание: теория гармонии в китайской коммуникации» Г.М. Чэня¹⁹; «Азиатские подходы к коммуникации людей: ретроспектива и перспектива» В. Диссанайяке²⁰; «О несостоятельности теории коммуникации Запада» Р.Д. Гордона²¹; «Эпистемологическая модель буддийского «только лишь сознания» в исследовании внутриличностной коммуникации» С. Иши²²; «Язык и культура» К. Крамша²³; «Переосмысление человеческой природы, культуры и коммуникации: азицентрические замечания и предложения»²⁴ и «Новые горизонты теории коммуникации

¹⁶ Alatas, F. S. *Alternative discourses in Asia social science; Responses to Eurocentrism*, 2006.

¹⁷ Carbaugh, D. *Cultures in conversation*, 2005.

¹⁸ Carey, J. W. *Communication as culture: Essays on media and society*, 2008.

¹⁹ Chen, G. M. *Towards transcultural understanding: A harmony theory on Chinese communication*, 2001.

²⁰ Dissanayake, W. *Asian approaches to human communication: retrospect and prospect*, 2003.

²¹ Gordon, R. D. *Beyond the failures of Western communication theory*, 2007.

²² Ishii, S. *Proposing a Buddhist consciousness-only epistemological model for intrapersonal communication research*, 2004.

²³ Kramsch, C. *Language and culture*, 1998.

²⁴ Miike, Y. *Rethinking humanity, culture, and communication: Asiatic critiques and contributions*, 2004.

Азии»²⁵ Ю. Миике; «Критический и культурологический дискурс-анализ в проекции Латинской Америки» Л. Пардо²⁶; «Африканские реалии языка и коммуникации в межкультурном подходе» К.К. Праха²⁷ [Shi, 2014, с. 25]:

Содержательно-семиотическую общность «восточного» дискурса в парадигме культурологического дискурс-анализа Ши Сюй рассматривает следующим образом [Shi, 2005, 2009, 2013, 2014]:

1. Восточные культуры стран Азии, Африки и Латинской Америки и их диаспоры находятся в одинаковом контексте прошлого колониализма и его последствий, гегемонии и «холодной войны», длившихся, по меньшей мере, до позапрошлого столетия, когда они подвергались доминированию, эксплуатации и исключению в социальных, политических, экономических, академических сферах.

2. В сложившихся условиях восточные сообщества сталкиваются со схожими проблемами и вызовами. Например, низкий уровень индустриализации, малограмотность, нищета, голод, гражданские или племенные войны, загрязнение окружающей среды, контроль рождаемости, экономическая и научная зависимость, обретение суверенитета, самоопределение нации, стремление к мирному существованию и развитию.

3. Глобальная система коммуникации, определяемая европейскими странами и США, включая средства массовой информации, литературу, образование, гуманитарные науки, репрезентирует «восточные» страны «отсталыми», «коррупцированными», «тоталитарными», «погрязшими в междоусобных конфликтах», оппозиционируя их «развитому», «свободному», «демократичному», «миролюбивому» «западному» сообществу.

4. «Западный» подход, как правило, отрицает или игнорирует культурные ценности и нормы восточных сообществ в отношении возраста, родственных связей, гендера, государственного устройства в целом и

²⁵ Miike, Y. New frontiers in Asian communication theory, 2009.

²⁶ Pardo, L. Critical and cultural discourse analysis from a Latin American perspective, 2008.

²⁷ Prah, K. K. African realities of language and communication in multicultural setting, 2010.

языковой коммуникации в частности. Важнейшим принципом поведения и осуществления коммуникации в «восточных» обществах традиционно является сохранение гуманной справедливости и гармонии по отношению к окружающим, природе, универсуму в противовес западным ценностям индивида.

5. При изучении «восточного» дискурса необходимо учитывать существующие различия и дисбалансы между и внутри обществ Азии, Африки и Латинской Америки в социальных, политических и экономических сферах.

Помимо идентичных черт в исторической и экономической проекции дискурс «восточных» стран, как отмечают исследователи, проявляет определенный набор схожих черт текстового порождения и истолкования [Basso, 1990; Kinge'l, 2000; Shi, 2009, 2013, 2014]:

1. Языковой расизм, с которым сталкиваются жители стран Азии, Африки и Латинской Америки на международном уровне.

2. Общая дискурсивная модель построения высказывания, направленная на гармонизацию отношений с собеседником. В качестве иллюстрации Ши Сюй приводит эмоциональные языковые экспликативы «вежливости» / «客气» (кэци) и «лица» / «面子» (мяньцзы) в азиатских странах; шона, или язык межэтнического общения в Зимбабве, главным образом используемый для восстановления гармонии общения; «диалогичность», являющуюся характерной чертой «позитивного восприятия собеседника» в дискурсе [Shi, 2009].

3. «Восточным» дискурсам присущи разнообразные формы, способы, своего рода «соединительные ткани» ведения коммуникации. В Нигерии, например, безмолвие является неотъемлемой частью общения [Shi, 2013].

4. Основными топиками коммуникации в «восточных» странах являются насущные ежедневные вопросы бедности, развития, мирной жизни и т.д.

Таким образом, становление и развитие культурологического дискурс-анализа фундируется его теоретиком критической необходимостью

разработки «восточными» учеными собственной парадигмы, которая может вступить в конструктивный диалог с методологией, принятой в «западных» научных сообществах. Основными возможными шагами для достижения данной цели являются «деколонизация» «восточной» науки, а именно: обращение к собственным культурным нормам и стандартам, изучение их языковых реализаций в локальном и глобальном контекстах, представление полученных результатов на международной академической арене.

В качестве образца «восточного» дискурс-анализа для каждого отдельного государства, обладающего собственной культурной спецификой, основной разработчик культурологического дискурс-анализа Ши Сюй совершает попытку выстроить теорию анализа, ориентированную на интерпретацию китайской коммуникации. Ши Сюй предлагает с целью создания адекватной системы анализа дискурса Поднебесной объединить интеллектуальные ресурсы авторов, изучающих китайский дискурс с внутренней позиции, и ресурсы специалистов, использующих в своих исследованиях «западный» бэкграунд

Компаративный анализ концепций культурологического дискурс-анализа и критического дискурс-анализа Н. Фэрклафа позволил сделать вывод о том, что Ши Сюй по аналогии с английским лингвистом использует понятие «дискурс» двумя способами. В обобщенном смысле Ши Сюй относит «дискурс» к использованию языка как культурной практики. В конкретном применении «дискурс» рассматривается как письменная или устная форма взаимодействия посредством языка и является синонимом слов «коммуникация», или «интеракция», используемая в пределах определенной области, например, дискурс развития или дискурс суверенитета [Shi, 2005, 2009, 2013, 2014; 施旭, 2010].

Модель культурологического дискурс-анализа, разработанная Ши Сюем на основе модели критического дискурс-анализа, представляет собой интерпретативную структуру для эмпирического исследования. Каждое коммуникативное событие содержит три измерения: текст (речь, письмо,

визуальное изображение); дискурсивная практика, включающая производство и воспроизводство устных и письменных текстов и символов; культурно-дискурсивный контекст, или пространство, согласно ориентирам которого выстраивается текст и его производство [Shi, 2005, 2009, 2013, 2014; 施旭, 2010].

Фактически теорию культурологического дискурс-анализа можно рассматривать как разновидность «западных» теорий критического дискурс-анализа Н. Фэрклафа [Fairclough, 1995], Т.А. ван Дейка [Dijk, 1984, 1993], Р. Водак [Wodak, 1996] и исследований М. Фуко и К. Гирца, рассуждавших о неразрывной связи мышления и культуры и концепции «ключевой проблемы», задающей векторную направленность развития дискурса [Фуко, 1996, Гирц, 2004]. Тем не менее, культурологический дискурс-анализ, разработанный Ши Сюем, в китайском научном пространстве не относят ни к одному из шести направлений китайской дискурсологии, обозначенных нами в первом параграфе этой главы. Главная причина заключается в существовании своего рода двух оппозиционных сообществ исследователей дискурса в Китае. Первое из них, изучающее перечисленные направления, не признает теоретического обоснования модели культурологического дискурс-анализа, включающего интерпретацию культурно-дискурсивного пространства как свойственного определенной культуре набора правил и норм осуществления коммуникации. В то время как Ши Сюй и его последователи в свою очередь считают невозможным, «неправильным» приложение «западных» теорий к «восточной» коммуникации вне учета ее культурных отличий [Lu, 2000; 邢福义, 2000; 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001; 陈汝东, 2004; 陈国明, 2004; 施旭, 冯冰, 2008; 施旭, 2010; 杨娜, 2014].

Основной задачей культурологического дискурс-анализа изначально являлось рассмотрение пространства межкультурной коммуникации для выявления существующих дискурсов, доминирующих и подавляемых. Постановку такой задачи китайский исследователь объясняет

«односторонностью» репрезентации подавляемых дискурсов, или дискурсов «восточных» государств. Здесь, по сути, Ши Сюй аккумулирует рассуждения «восточных» ученых в отношении позиции своих стран в существующем логоцентрическом подходе «Запада», занимающем доминирующую позицию во всех сферах, включая информационное поле, где, как правило, «восточные» дискурсы репрезентированы как не уважающие «общемировые» ценности, игнорирующие западные конвенции и фальсифицирующие общепризнанные исторические события. Выявление существующего противоборства дискурсов в свою очередь должно обнаружить «латентность» причин и обосновать формирование именно такого, не соответствующего универсальным стандартам «восточного» дискурса. По этой причине оценка дискурсивных практик в модели культурологического дискурс-анализа осуществляется с учетом контекста конкретной культуры, определяющей коммуникативные техники и приемы. Таким образом, культурологический подход призван дешифровать культурную информацию, скрытую в знаках определенной культуры, и вскрыть «истинные» причины коммуникативного поведения участников дискурса, интерпретировать их согласно собственным культурным конвенциям.

Следует отметить, что в китайском научном пространстве на сегодня существуют публикации, где противостояние дискурсов рассматривается в проекции монокультурного взаимодействия – оппозиционность разных социальных акторов, например, правительства государства и его граждан. При этом под «противостоянием культур» в монокультурной среде подразумевается противостояние совокупности неодинаковых культурных ориентиров и их реализаций, присущих определенной социальной группе, включенной в пространство данного дискурса [施旭, 2010; 杨娜, 2014; 贾珍霞, 强月霞, 2015].

Рассмотрев предложенные ученым теоретические обоснования культурологического дискурс-анализа, мы выявили основные подходы к этой формирующейся традиции в китайском научном сообществе [Shi, 2005, 2009,

2013, 2014]. Во-первых, модель культурологического дискурс-анализа должна находиться в рефлексии с базовыми китайскими культурными и мыслительными конструктами и также быть практически применимой в содействии социально-экономическому росту страны и осуществлении коммуникации с международными сообществами. В качестве второго требования выдвинута открытость по отношению к взглядам и мнениям, принятым в международном сообществе. В-третьих, система анализа китайского дискурса должна иметь свой собственный понятийный и терминологический аппарат, позволяющий вступать в открытый диалог с системами, существующими в «западном» пространстве.

Культурологический дискурс-анализ базируется, в том числе, на контекстуальном подходе, рассматривающем любой фрагмент устного или письменного дискурса как продукт деятельности, которая детерминирована определенной совокупностью коммуникативных ориентиров конкретной культуры. Социальный контекст, заданный культурными ориентирами каждого сообщества, должен непременно быть основой проводимых исследований «восточной» коммуникации. В противном случае, исследователь рискует неверно истолковать текст или устное высказывание, интерпретируя патриотизм как фанатический национализм, контроль рождаемости как нарушение прав человека, выборочное сообщение о текущей обстановке как пропаганду или откровенную ложь. Необходимо отметить, что культурологический дискурс-анализ не только рассматривает сам язык, его использование и его взаимодействие с глобальным миром, но и ориентирован, прежде всего, на выявление и интерпретацию социальных и культурных процессов в конкретном обществе.

1.3.2 Историко-философские предпосылки формирования китайского культурологического дискурс-анализа

Китайский культурологический дискурс-анализ (中华文化话语研究), разработанный китайским исследователем Ши Сюем в рамках концепции культурологического дискурс-анализа (文化话语研究), был предложен ученым в качестве эталонной модели интерпретации «восточной» коммуникации. Теоретики китайского культурологического дискурс-анализа определяют дискурс как важнейшую составляющую культуры, духовным стержнем которой выступает китайская философия, и настаивают на том, что китайская коммуникация должна в первую очередь оцениваться с учетом фактора проявления собственной системы знаний и мировоззренческих идей. По мнению ученых, начиная с древности, принципы продуцирования и организации дискурса являются прямой проекцией китайской философской мысли. Среди этих принципов, или духовных универсалий тысячелетних традиций, выделяют «Гармонию» / «和»; «Вежливость, учтивость» / «客气»; «Репутацию, достоинство» / «面子»; «Этикет, ритуал» / «礼»; «Скрытый смысл» / «含蓄»; «Патриотизм» / «爱国»; «Связи, отношения» / «关系»; «Почитание и усердное выполнение воли предков» / «孝»; «Равно благожелательное отношение к людям» / «仁» [韦政通, 1990; 林语堂, 1994; 葛鲁嘉, 1995; Chen, 2001; 汪凤炎, 郑红, 2013; Shi, 2009, 2013, 2014]. Эти духовные универсалии, определяющие своего рода «правила» выстраивания и наполнения китайской коммуникации, имеют глубокое обоснование в идеологии конфуцианства, буддизма, даосизма, моизма.

Система традиционных коммуникативных ориентиров, составляющих национально-культурного контекста китайской коммуникации в культурологическом дискурс-анализе, во многом базируется на символически репрезентированных в «И цзине», или «Каноне перемен» («易经»), фундаментальных представлениях китайцев о мироздании. Данный источник,

датируемый V-III вв. до н.э., является наиболее авторитетным произведением китайской канонической и философской литературы, оказавшим «фундаментальное нормативное влияние на всю культуру традиционного Китая» [Кобзев, 2006, с. 580].

«Канон перемен» представляет собой не текст в привычном нам смысле, а систему «卦» (гуа). Гуа – это особый графический символ, который состоит из трех или шести «爻» (яо – черта), расположенных по шести «位» (вэй – позиция) [Рыков, 2012]. Эти представления можно вывести в три постулата: каждое явление связано с другим явлением, поэтому явления должны рассматриваться холистически; отношения между явлениями разнообразны; все явления подвержены трансформации. Основываясь на данных постулатах, Ши Сюй подчеркивает, что модель бинарного анализа «текст vs. контекст», «дискурс vs. общество», «язык vs. мышление», «форма vs. функционирование», принятая в «западном» коммуникативно-дискурсивном подходе, вовсе не противоречит китайскому мировосприятию [施旭, 2010, с. 36–44].

Весьма значимым для фундирования китайского культурологического дискурс-анализа, на наш взгляд, представляется описание теории дискурса в «Чжоу и» («周易»), включающем собственно «И цзин» в узком смысле и комментирующую часть «И чжуань» («易传») – каноническое произведение, сохранившее свое центральное методологическое и мировоззренческое значение как для конфуцианства, так и для даосизма. По мнению Чи Чанхая, в «Чжоу и» детерминированы три основных аспекта дискурсивного поведения. Во-первых, коммуникативное действие должно быть направлено на конструирование образа адресанта как человека высших моральных качеств, или благородного мужа²⁸. При этом речевой акт должен быть наполнен изяществом и смыслом, что возможно достичь только «бесконечностью» используемых знаков. Во-вторых, само содержание высказывания должно

²⁸ Конфуцианское понятие.

находиться в тесной взаимосвязи с социальным положением говорящего. И, в-третьих, содержание высказывания должно соответствовать реальным фактам действительности. Более того, как указывает Чи Чанхай, в «Чжоу и» порицаются низкопоклонство, лесть и негуманность, реализуемые в речевых действиях, а главным принципом коммуникации провозглашается достоверность, справедливость и гуманность [池昌海, 2009].

Социально-гносеологическая концепция Конфуция «Чжэн мин» («正名») – необходимое для политико-административного управления требование адекватности реального номинальному, подразумевает обязательность соответствия действительного положения и поведения индивидуума его этико-ритуальному статусу в интересах упорядочения общества [Юркевич, 2006]. Правильность имени или плана выражения являлись для последователей конфуцианской традиции залогом надлежащего управления государством:

«齐景公问政于孔子，孔子对曰：“君君，臣臣，父父，子子。”公曰：“善哉！信如君不君，臣不臣，父不父，子不子，虽有粟，吾得而食诸？” / «Ци(ский князь) Цзин-гун спросил о правлении у Кун-цзы. Тот отвечал с почтением: «(Чтобы, если ты уже) государь (так и будь) государем, чиновник – чиновником, отец – отцом, сын – сыном». Гун сказал: «Прекрасно, (это действительно верно, потому что ежели) не (будут) Государь – Государем, чиновники – чиновниками, отец – отцом, сын – сыном, (то) хотя бы был и хлеб, как мне можно (его) есть?»»²⁹ [论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>].

Конфуцианская традиция рассматривает коммуникацию в качестве главного инструментария формирования социума, а её организация должна находиться в согласованности с социальным порядком, подразумевающим

²⁹ Перевод выполнен В.П. Васильевым.

достижение гармонии. Как указывает ученик Конфуция Цзы-лу³⁰ в «Лунь-юй», главной книге конфуцианства:

«片言可以折狱» / «Несколько слов могут решить дело»;

«一言可以兴邦» / «Одна фраза может сделать государство процветающим»;

«一言而可以丧邦» / «Одна фраза может привести государство к гибели»³¹ [论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>]. Данные «моральные» установки, по мнению Ши Сюя, конституируют всю китайскую коммуникацию, являются самым важным и устойчивым принципом организации дискурса китайского народа [施旭, 2010].

В своих рассуждениях о различиях языковых концепций в Древней Греции и Древнем Китае лингвист Лю Ямэн отмечает, что китайскому дискурсу в отличие от «западного» не свойственны «свободные дискуссии»:

«其持之有故，其言之成理，足以欺惑愚众». Напротив, конфуцианская традиция предписывает заботу о последствиях любого коммуникативного действия, а значит, осторожность в речах [刘亚猛, 2009, с. 52]. Эта традиция объясняет достаточно трепетное отношение носителей китайской лингвокультуры к используемым знакам в речи.

Китайские философские постулаты выполняют роль «цензора» по отношению к участникам дискурса, определяя правила общения: нормы стиля и тональности, социальные и психологические установки. Духовные универсалии, имеющие архетипичную природу, являются дискурсивными конвенциями, индексируемыми в современной китайской коммуникации.

³⁰ 子路, 542-480 гг. до н.э.

³¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной

1.3.3 Исследовательская модель в формате китайского культурологического дискурс-анализа

Культурологический подход к анализу современного китайского дискурса получил достаточно широкую апробацию в современной китайской исследовательской традиции. Доказательством тому служит ряд работ на соискательство степени доктора философских наук и многочисленные статьи, опубликованные в период 2009-2015 гг. в семи выпусках международного журнала «Исследования современного китайского дискурса»³² («Journal of Contemporary Chinese Discourse Studies»), издание которого инициировано Чжэцзянским университетом, г. Ханчжоу, КНР.

В понимание «современного китайского дискурса» Ши Сюй включает «все формы социально-культурной жизнедеятельности современного Китая и использование языка как важнейшего и неотъемлемого инструментария ее проявления» [Shi, 2014, с. 56]. Исследователь делает попытку обозначить позицию китайской парадигмы по отношению к исследованиям дискурса в целом, а также представить общее описание «восточной» парадигмы исследований дискурса. Автор настаивает, что его понимание термина «парадигма» является более глобальным, чем традиционное, и обозначает «исследовательский подход, включающий онтологию, эпистемологию, теорию и методологию, процесс анализа, и, безусловно, профессионалов, вовлеченных в этот процесс» [Shi, 2014, с.36].

Как нами было выявлено, ученые, ученики и последователи теории Ши Сюя, отождествляют с дискурсивным подходом следующие направления:

- анализ китайского дискурса развития, охватывающего такие сферы, как образование, трудоустройство, медицина, обнищание, социально уязвимые слои населения (женщины; законтрактированные рабочие из

³² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

деревни; дети рабочих-мигрантов, оставленные без надзора), современное сельское строительство, урбанизация, экология;

- исследование китайского дискурса профессий, по определению Ши Сюя, включающего дискурс «повседневности» [施旭, 2010, с. 35], а именно: дискурс «проникновения» правительства в сознание населения и благоприятного с ним взаимодействия, стимулирование достижения социальной гармонии посредством коммерческого дискурса, осуществление надлежащей общественной пропаганды в дискурсе массмедиа;

- рассмотрение и оценка китайского национального дискурса, включающего исследования в области механизмов самосохранения целостности китайской культуры и происходящих процессов инкорпорирования «западных» ценностей и традиций;

- анализ китайского дискурса суверенитета – вопрос о независимости Тайваня, движение «Независимость Тибета» или «Независимость Синьцзяна»;

- исследование китайского дискурса кризисных ситуаций, направленного на экспликацию их исторической, культурной и политической основы: атипичная пневмония, свиной грипп, Вэньчуаньское землетрясение, акции, проводимые в поддержку этнического сепаратизма;

- изучение китайского дискурса культурного обмена – последствия инкорпорирования элементов «западной» культуры в результате процессов глобализации;

- анализ кросскультурного дискурса, объясняющий причины межкультурной разобщенности, предрассудков, дискриминации, доминирования и т.д.

Данные публикации выполнены в соответствии с моделью китайского культурологического дискурс-анализа, базирующегося на сочетании таких методологических составляющих, как «деконструкция» и «трансформация».

Первый метод модели культурологического дискурс-анализа, «деконструкция», восходит к понятию «деструкции» М. Хайдеггера – отрицания традиции истолкования для выявления скрытого смысла

[Хайдеггер, 2007], которая получила теоретическое обоснование в работах Ж. Деридды. По мнению французского ученого, истинный смысл может быть сконструирован в процессе восприятия текста, в то время как привычное представление лишено глубины или навязано автором [Деридда, 2000]. Отечественный лингвист М.Л. Макаров определяет этот метод как «стратегию анализа, нацеленную на выявление присущего каждому тексту *бессознательного* <...> ставшей катализатором интерпретативных качественных методик» [Макаров, 2003, с. 49].

В модели китайского культурологического дискурс-анализа «деконструкция», направленная на экспликацию или выявление «культурного подавления», включает ряд задач [Shi, 2005, 2009, 2013, 2014]:

1. Описание смыслового (возможно, эмоционального) «напряжения» вокруг знаков, «соотносящихся с расой, цветом кожи, гендером, национальностью, этничностью, колониальной историей, идентичностью, религией, географическим положением, экономической ситуацией и т.д.» [Переверзев, 2009, URL: [http:// discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml](http://discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml)].

2. Идентификация форм и категорий воспроизводства дискурса подавления, которое, как правило, осуществляется посредством использования определенного кластера лексических, стилистических, риторических приемов в комбинаторике с синтаксической композицией фрагментов текста.

3. Непосредственная критика умолчаний, имплицитности «культурного доминирования» посредством демонстрации использованных в этих целях языковых структур.

Второй структурный элемент модели китайского культурологического дискурс-анализа – «трансформация» – заключается в продвижении дискурсов, способных противостоять дискурсам «культурного подавления», т.е. направленных на выравнивание асимметрии, создание равновесия существующих дискурсов. В этой конструктивной части культурологического дискурс-анализа особенно прослеживается влияние китайского культурно-

дискурсивного пространства, доминантным ориентиром которого является сохранение и поддержание т.н. «Гармонии» (межличностной / межгрупповой / межгосударственной).

В связи с этим в задачи трансформации входит:

1. Озвучивание мнений подавляемых культур, комментарии политических и исторических причин умалчивания или невыражения ими своего мнения относительно спорного вопроса, ставшего поводом конфликта или военных действий.

2. Интерпретация поведения участников коммуникации, подразумевающей выстраивание дискурса согласно культурно-коммуникативным ориентирам, четкий комментарий и разъяснение национальных культурных особенностей поведения всех участников полилога.

3. Попытка создания более «гармоничной» коммуникации посредством изменения дискурсов различных социальных институтов в моно- и межкультурной интеракции.

Китайский культурологический дискурс-анализ основывается на эмпирическом материале, включающем первичные данные (наблюдение, анкетирование, обсуждение проблемы с непосредственными участниками) и вторичные данные (ранее проведенные исследования, отчеты органов статистики и других государственных учреждений, доклады профессиональных ассоциаций, электронные базы данных).

На основании предложенных Ши Сюем «принципов», или «последовательности действий» [施旭, 2010, с. 5–7; Shi, 2014, с. 29], и собственного изучения существующих публикаций мы можем утверждать, что алгоритм решения задач деконструкции и трансформации в модели китайского культурологического дискурс-анализа выстроен следующим образом:

○ определение общего контекста дискурса как структуры характеристик, релевантных для производства и понимания дискурса. Общий контекст включает в себя определение ситуации; пространственно-временные

характеристики; участников, выполняющих различные коммуникативные, институциональные и социальные роли (их социальное / должностное / иерархическое положение); каналы дискурсивного взаимодействия (языковое воплощение дискурса, коммуникация посредством символов, виды СМИ);

- оценка и экспликация институциональных, исторических, идеологических характеристик, являющихся «глобальным» контекстом реализации определенного дискурса;

- анализ культурно обусловленных ритуалов общения как выражения «духовной культуры», знаний и мировоззренческих идей посредством различных систем знаков: включение / невключение традиционных символов, способов самовыражения, ценностей, правил социальных интеракций и построения речевых моделей, т.е. маркеров конкретной культуры, определяющих коммуникацию.

Письменные и устные тексты в модели китайского культурологического дискурс-анализа рассматриваются на различных уровнях и в различных аспектах:

- невербальные структуры: изображения; размеры агитационных плакатов или заголовка газетной публикации;

- звуки: выбор слова с четвертым тоном, производящим впечатление категоричного утверждения или приказа;

- лексика: выбор слов, несущих более или менее положительные и негативные оттенки;

- синтаксис: (де-)акцентуация действующих лиц посредством использования пассивного залога;

- локальные значения (уровень предложений): использование точных и детальных высказываний о поведении миноритарной группы;

- глобальные значения (уровень тем): акцентирование положительных и негативных тем;

- риторические средства: метафора, гипербола, эвфемизм, акцент на контрасте и т.д.

○ взаимодействие: проведение разъяснительных бесед; выражение несогласия с другими; игнорирование.

Ниже приведен краткий анализ содержания и структуры одной из работ, выполненной в парадигме китайского культурологического дискурс-анализа. Диссертационное исследование «Культурологический анализ дискурса прав женщин: анализ, стратегии и принципы» («妇女人权的文化话语研究——剖析与评估中国政府计生话语的特质、策略和原则») [杨娜, 2014] посвящено изучению дискурса противостояния КНР и США в вопросе соблюдения прав человека в Китае. Оно включает историческую проекцию существующих противоречий между государствами в целом, обозначает мотивы и цели, преследуемые правительством КНР в имплементации кампании «Одна семья – один ребенок». В двух основных главах работы, в которых производится анализ внешне и внутренне ориентированного дискурса за права человека, рассматривается сконструированная реальность: участники дискурса, задействованные каналы коммуникации, формы экспликации и китайские традиционные культурно обусловленные ориентиры коммуникации.

В работе осуществляется «деконструкция» позиции авторитета и правды США, обвиняющих КНР в нарушении прав человека. Автор работы посредством указания на использование определенного кластера лексических единиц, стилистических и риторических приемов в комбинаторике с синтаксической композицией фрагментов текста в письменном дискурсе правительства США демонстрирует формирование в изучаемом вопросе «негативного» образа Китая на мировой арене. К примеру, в исследовании приводятся фрагменты ежегодных отчетов правительства США о мерах по сдерживанию рождаемости в Поднебесной:

«Women with one living child who become pregnant a second time were said to be subjected to rigorous pressure to end the pregnancy and undergo sterilization; couples who actually had a second child faced heavy fines, employment demotions, and other penalties. PRC leaders have admitted that coerced abortions and involuntary sterilizations occur» / «Забеременевшие женщины, уже имеющие

ребенка, подвергаются безжалостному давлению прервать беременность и сделать стерилизацию; супружеские пары, у которых есть второй ребенок, платят огромные штрафы, сталкиваются с ограничениями при приеме на работу и прочими санкциями. Лидеры КНР допустили насильные аборты и принудительную стерилизацию»³³ [杨娜, 2014, с. 125].

Основываясь на подобных примерах из ежегодных отчетов правительства США о мерах по сдерживанию рождаемости в Поднебесной и их дискурсивно-семиотический анализ, исследователь показывает актуализацию разных способов критической оценки китайских властей в политическом и массмедийном дискурсах государства Северной Америки.

Параллельно с этим в ходе работы осуществляется «трансформация» дискурса властей КНР путем выявления включенных в китайский дискурс традиционного культурно-коммуникативного ориентира взаимодействия правительства КНР с жителями страны и США, а именно «Скрытый смысл» / «含蓄» (ханьсюй). Указанная, как определяет автор работы, «стратегия» реализуется путем введения метафорических номинаций политики по контролю рождаемости. Например, в дискурсе кампании «Одна семья – один ребенок» планирование семьи метафорично сравнивается с «唱响主旋律» / «пением главной государственной песни», где местное население и принципы регулирования рождаемости являются лейтмотивом, основным идейным и эмоциональным тоном музыкального произведения, конструирующим «счастливую песню всей нации». Позитивный образ государственных служащих, обеспечивающих соблюдение ограничений рождаемости, также формируется путем самономинаций через метафоры «和谐家园» / «семейная обитель, где царит дружба и согласие», «阳光计生» / «счастливое планирование семьи», «开门评议» / «открытые двери для двусторонних обсуждений». Подобные метафоры создают положительный образ правительства Китая путем перенесения на него характеристик отзывчивой,

³³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

непредвзятой, искренней матери, заботящейся о жизнях своих сыновей и дочерей.

В коммуникации правительства Китая с жителями собственного государства также наблюдается дискурсивно-семиотическая реализация конфуцианского принципа «Чжэн мин» / «正名» – правильность имени или плана выражения как залог надлежащего управления государством. А как отмечает исследователь, традиционно образность и рифмованность высказываний являются оптимальным инструментарием правительства для правильной интерпретации его решений жителями Китая, понимания его целей и установок.

Автор работы указывает, что осуществление правительственных мер происходило не путем грубого и насильственного принуждения женщин прервать беременность, как это сконструировано в дискурсе США. Напротив, в целях осуществления правительственных действий реализуется стратегия «Отношения» / «关系» (гуаньси), являющаяся китайским традиционным культурно-коммуникативным ориентиром. Меры по сдерживанию прироста населения, на которые вынуждено было пойти китайское правительство, сопровождались постоянными и длительными беседами с женщинами. Эти беседы были не просто формальными собраниями агитационного характера, а диалогами с каждой отдельной жительницей страны. Представители властей изначально налаживали тесный контакт с адресатом, интимизировали отношения путем включения в коммуникацию рассказов о собственном жизненном опыте. При этом интеракция, как правило, осуществлялась в процессе помощи адресату по хозяйству или в полевых работах.

Исследователь выявляет реализацию культурно-коммуникативных ориентиров в лексических, стилистических, риторических приемах. Автор работы интерпретирует выстроенное согласно китайским культурно-коммуникативным ориентирам поведение участников коммуникации, дает четкий комментарий и разъяснение национальных культурных особенностей поведения всех участников полилога. В итоге осуществляется трансформация

дискурса китайского правительства: оно репрезентировано как «положительный» актор, деятельность которого подчинена целеполагающему принципу китайской цивилизации – «Гармонии» [杨娜, 2014].

В общем можно отметить, что большинство современных исследований, выполненных на материале китайского языка, придерживаются структурного и содержательного подхода в соответствии с моделью китайского культурологического дискурс-анализа.

Основной целью китайского культурологического анализа коммуникации является анализ культурно-дискурсивного контекста с учетом единства ценностей, норм и правил взаимодействия субъектов посредством языковых и неязыковых форм китайской лингвокультуры. Как правило, это относится к ситуациям, когда «западные» исследователи рассматривают дискурсы «Востока», представляя ситуацию с позиции собственной культуры, объявленной эталоном. Как определяет Е.В. Переверзев, тем самым «западные» ученые нивелируют другие культуры, «диктуя свои истины с высоких трибун» [Переверзев, 2009, URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml>].

Итак, модель китайского культурологического дискурс-анализа основывается на факторе культуры китайской цивилизации. В теории культурологического подхода к анализу современного китайского дискурса определен ряд традиционных коммуникативных ориентиров, специфицирующих разнообразные интерактивные практики китайской лингвокультуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Исследование и систематизация основных направлений современной китайской дискурсологии, предпринятые в первой главе, позволили сделать ряд выводов, которые в значительной мере являются определяющими для данной работы.

1. Становление новой синтетической междисциплинарной формы знания в китайской науке, специализирующейся на изучении различных типов дискурса, началось в конце 80-х годов XX века, со времени начала проведения политики внешних реформ и открытости, интеграции китайской экономики во внешний мир, повлекших за собой и академическую интеграцию. Дискурсивное направление в рамках китайского языкознания развивалось по траектории перевода «западных» публикаций, посвященных теории дискурса и дискурс-анализу, на китайский язык, их интерпретации китайскими учеными и попытками применения методов дискурс-анализа на материале дискурсивного пространства Китая.

2. Знакомство с работами китайских исследователей позволило выделить шесть направлений в китайской дискурсологии, дифференцируемых предметом изучения и применяемыми методами исследования: исследования в области лингвистического дискурса (语言话语学研究); исследования дискурса литературного произведения (文艺话语研究); исследования массмедийного дискурса (传播话语研究); исследования дискурса философии (哲学话语研究); исследования дискурса культуры (文化话语研究); исследования дискурса политики, социальных отношений, феминизма, истории, коммерции, педагогики, психических феноменов (政治、社会、女权、历史、商务、教育、心理学科领域中的话语研究).

3. В академическом сообществе Китая сохраняются дискуссии о включении в «традиционную» китайскую дискурсологию всей науки о языке,

т.е. конфуцианской экзегетики (训诂学), литературы (文学), этимологии знаков (词源学), диалектологии (方言学) и фонетики (音韵学).

4. В китайском научном пространстве существуют семнадцать терминов, семантически коррелирующих с понятиями и дефинициями «дискурс» в «западных» гуманитарных науках. Данные термины обладают неодинаковой степенью дистрибуции в теоретических работах и практических исследованиях китайских лингвистов. Обилие синонимичных номинаций обусловлено отсутствием скоординированного взаимодействия членов научного сообщества в период ассимиляции «западных» теорий дискурса и дискурс-анализа. Наиболее употребляемыми являются лексемы «语篇» (юйпянь) и «话语» (хуаюй).

5. В начале XXI столетия в китайской дискурсологии появилось направление «культурологический дискурс-анализ» (文化话语研究), использующее в целом концепцию и методы критического анализа дискурса в его классическом понимании. Культурологический дискурс-анализ, разработанный китайским лингвистом Ши Сюем для всего спектра «восточной» коммуникации, направлен на интерпретацию и объяснение отношений неравенства «западных» и «восточных» культур и социумов.

6. Китайский культурологический дискурс-анализ (中华文化话语研究), получивший далее развитие как составляющая теории культурологического дискурс-анализа, ориентирован на выработку общей модели, перспективы построения дискурсивной теории, методологии и практики в исследовательском пространстве китайской языковой культуры с учетом культурного контекста участников дискурсивного взаимодействия.

7. В качестве теоретического обоснования китайского культурологического дискурс-анализа принято выделять ряд ориентиров, конвенциональных механизмов общения, являющихся архетипами традиционного китайского дискурса и детерминирующих все типы современной китайской коммуникации: «Гармония» / «和»; «Вежливость»,

учтивость» / «客气»; «Репутация, достоинство» / «面子»; «Этикет, ритуал» / «礼»; «Скрытый смысл» / «含蓄»; «Патриотизм» / «爱国»; «Связи, отношения» / «关系»; «Почитание и усердное выполнение воли предков» / «孝»; «Равно благожелательное отношение к людям» / «仁». Однако китайские лингвисты только намечают перспективу развития дискурсивного направления в лингвистике с учетом собственной культурной традиции и специфики, но не предлагают детального аналитического инструментария, четких параметров, позволяющих изучать и описывать формы и содержание дискурсивно-коммуникативного взаимодействия в китайской языковой культуре. В связи с этим целью второй главы данного диссертационного исследования является подробное описание ориентиров китайского культурно-дискурсивного пространства, являющихся стратегическими механизмами производства и адекватной интерпретации китайской коммуникации. При этом основные ориентиры, конституирующие процессы коммуникации в китайском социуме, терминологически обозначены в нашей работе как культурно-коммуникативные векторы.

ГЛАВА 2 КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ КАК КОНСТИТУЕНТЫ ДИСКУРСА В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

2.1 Характеристики китайского дискурсивного пространства: культурно-коммуникативные векторы и «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй) как дискурсивный фонообразующий императив

Для выполнения наших исследовательских задач и описания современного китайского культурно-дискурсивного пространства плодотворна позиция, основывающаяся на трактовке понятия культуры Ю.М. Лотмана, где культура – это общность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения. Формирование культуры осуществляется коммуникационными процессами, которые представляют собой механизм производства и потребления знаков и символов. В связи с этим постижение мира культуры, человека и коммуникации требует многостороннего анализа реальности и ее символического, знакового отображения [Лотман, 1995]. В свою очередь, основу коммуникации составляет «коллективная память, включающая как универсальные, так и культурно-специфические компоненты» [Леонтович, 2002, с. 86]. Подчеркивая идею взаимосвязи культуры и коммуникации, мы вслед за Н. Луманом придерживаемся мнения, что релевантным является определение культуры как «формы общения между людьми, возможной лишь в такой группе, в которой люди общаются» [Луман, 1994, с. 35].

Теоретики культурологического дискурс-анализа считают, что языковое общение в целом, или коммуникация и дискурс в частности, являются неотъемлемым интегративным элементом культуры. По их мнению, культура влияет на всю коммуникацию и все стороны социальной жизни, «пронизывая насквозь каждый элемент человеческого опыта» [Переверзев, 2009, URL: [http:// discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml](http://discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml)]. Ши Сюй указывает: «Человеческая

реальность – это всегда реальность коммуникации и культуры» [Shi, 2005, с. 53].

В целях максимально полного представления культурно-дискурсивного пространства как макрокатегории необходимо описать роль языка, непосредственного инструментария осуществления культурно-коммуникативной деятельности, являющегося основой конкретного национально-дискурсивного пространства.

Культурно-дискурсивное пространство Китая, как и любого другого национального социума, воспроизводится через язык в самом широком смысле слова. Язык в исследовании О.Г. Дубровской рассматривается как «сущность, репрезентирующая результаты познавательной деятельности человеческого сознания, которое, в свою очередь, «погружено» в социокультуру его бытия» [Дубровская, 2015, с. 4].

Б.М. Гаспаров считает, что язык является средой существования человека: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре – представляет собой частицу движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан: коммуникативные намерения автора, всегда множественные и противоречивые и никогда неясные до конца ему самому; взаимоотношения автора и его непосредственных и потенциальных, близких и отдаленных, известных ему и воображаемых адресатов; «всевозможные обстоятельства» – крупные и мелкие, общезначимые или интимные, определяюще важные или случайные, – так или иначе отпечатавшиеся в данном сообщении; общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом, и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности, жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; и наконец – множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия: ассоциаций

явных и смутных, близких и отдаленных, прозрачно очевидных и эзотерических, понятийных и образных, относящихся ко всему сообщению как целому или отдельным его деталям» [Гаспаров, 1996, с. 10].

По мнению Б.М. Гаспарова, коммуникативное пространство – это совокупность всех указанных аспектов, коммуникативная среда, «в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [Там же, с. 297].

Таким образом, можно представить культурно-дискурсивное пространство как среду, в которую говорящие погружаются в процессе коммуникативной деятельности, где культура является не сопутствующим явлением, оказывающим побочное влияние, а непосредственным детерминантом этой деятельности. Иными словами, культурно-дискурсивное пространство определяется нами как континуум потока социального опыта и национальных традиций, в котором на основе интеграции культурных и коммуникативных феноменов и символических кодов образуется специфическое содержательное и функциональное единство.

В данной работе предпринимается попытка смоделировать китайское культурно-дискурсивное пространство как совокупность культурно-коммуникативных векторов, организующих и реализующих особенности общения и стиля в китайской лингвокультуре. В этом случае мы исходим из определения «вектор» (от лат. vector «везущий, несущий»), как «величины, определяющей направление» [Академик, URL: <http://dic.academic.ru>]. Культурно-коммуникативный вектор мы понимаем как традиционный архетипически обусловленный дискурсивный ориентир, имеющий социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, который определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. При этом культурно-коммуникативный вектор может проявляться в интеракции неодинаковыми способами, которые в нашем исследовании мы предлагаем именовать модусами его реализации (от лат. modus «мера, образ, способ»).

В результате проведенного комплексного анализа работ в области китайской коммуникативистики, культурологии, этнопсихолингвистики, комментариев к философским канонам, а также на основе собственного эмпирического опыта в данном исследовании нами выделены восемь культурно-коммуникативных векторов китайского культурно-дискурсивного пространства:

1) культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和» (чжунхэ) – целеполагающий вектор китайской коммуникации;

2) культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» (ляньмянь);

3) культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» (лимао);

4) культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и);

5) культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй);

6) культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси);

7) культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй);

8) культурно-коммуникативный вектор «Патриотизм» / «民族爱国主» (миньцзу айгочжу'и).

В моделировании китайского культурно-дискурсивного пространства мы считаем необходимым обозначить еще один конституент китайской коммуникации – «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй), детерминирующий речевую и поведенческую практику носителей китайского языка. Несмотря на возможную многоплановость интерпретации эстетической категории в китайской лингвокультуре мы считаем правомерным определить её по отношению к языку или речи как тесно связанную с универсальной категорией прекрасного, проявляющуюся, по мнению А.П. Сковородникова,

«в благозвучии, изобразительности, выразительности, эстетически значимой ассоциативности» [цит. по: Копнина, 2012, с. 79]. Именно эстетика является обязательным условием правильной коммуникации в рамках китайской языковой картины мира, дискурсивным императивом, конструирующим культурно-дискурсивный фон: совокупность фонетических, лексических, синтаксических языковых средств.

Итак, «Эстетика речи» / «话语审美» является сквозным фонообразующим конституентом всего китайского культурно-дискурсивного пространства. Данный конституент, как неписанный закон или правило продуцирования дискурса, постулирован в «Чжоу и», наиболее авторитетном произведении китайской канонической и философской литературы. «Чжоу и», которое миссионер-иезуит в Китае Ж. Буве, основатель направления «ицзинистов», считал «библией» китайской культуры, заключающей в себе изначальное Божественное откровение [Кобзев, 2006, с. 582], оказал фундаментальное нормативное воздействие на всю китайскую цивилизацию. Наряду с законами о «тесной взаимосвязи высказывания и контекста» – речевого акта и социального статуса, «высказывания и соответствия его содержания действительности» – речевого акта и подлинности содержащейся информации, «Чжоу и» содержит указание на априорность красоты и изящества плана выражения – всей совокупности материальных средств языка как условия трансляции нравственного и морального, т.е. достижения абсолютной цели коммуникации – порядка и гармонии.

«君子进德修业，忠信所以进德也，修辞立其诚，所以居业也» [周易传文白话解, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/ujpgg77s55hYt.html>]. В современной проекции данное положение трактуют как «Благородный муж – говорящий должен предельно ответственно и с благоговением подходить к выбору формы воплощения задуманного»³⁴ [池昌海, 2009]. Вслед за Н.А. Купиной «Эстетику

³⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

речи» / «话语审美», универсальный языковой феномен китайского дискурса, мы определяем как «предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей эстетического мышления и воздействия на эстетические установки адресата» [Купина, 1980, с. 6].

Следует отметить, что в рамках китайской языковой культуры эстетика дискурса – это двусторонний процесс удовлетворения потребностей эстетического мышления как референта, так и реципиента сообщения [施旭, 2010]. По определению В.В. Бычкова, эстетическая категория обозначает духовно-материальный опыт человека, специфическую систему «неутилитарных взаимоотношений субъекта и объекта, в результате чего субъект получает духовное наслаждение, достигает одной из высших ступеней духовного состояния, катарсиса» [цит. по: Хайрутдинова, 2010, с. 767].

Как описано литературным критиком Лю Се³⁵ в «Вэнь синь дяо лун»³⁶, китайская эстетика коммуникации крайне сопряжена с состоянием «сюйцзин» / «虚静» – просветленного и невосприимчивого к внешним факторам сознания (состояние духовного мира), позволяющего автору как продуценту дискурса воплощать художественную концепцию, задавая и очерчивая границы эстетики произведения [杨国斌, 2003].

Понятие «эстетика» в китайском языке обозначено словом «审美», образованным путем корнесложения по глагольно-объектной модели «审» / «оценивать; бережно относиться; контролировать» и «美» / «красота, изящество; лучшие стороны». В китайской лингвокультуре эстетика дискурса – это наслаждение процессом порождения изящных форм словесности и удовлетворение ее восприятием. При этом в рамках нашей работы под «формами изящной словесности» мы понимаем не совокупность традиционных жанров прозаических малых форм, а совокупность различных

³⁵ 刘勰, ок. 521-465 гг. до н.э.

³⁶ «文心雕龙» – «Дракон, изваянный в сердце письмен», «Дракон, изваянный в сердце словес», «Резной дракон литературной мысли».

типов дискурса, реализуемых выразительными средствами китайского языка – фонетическими, лексическими и стилистическими.

Эстетика китайского дискурса как инструментарий «надлежащего» взаимодействия членов общества является своего рода философско-религиозным догматом успешной коммуникации. Цзо Цюмин³⁷, историк из царства Лу, предполагаемый автор «Цзо чжуань» («左转»), комментариев к приписываемой Конфуцию хронике «Чюньцю» («春秋»), летописи княжества Лу, пятой книге конфуцианского «Пятикнижия» («五经»), указывает:

«言之无文，行而不远» / «Не обладающая изяществом речь далеко не разнесется»³⁸ [周易传文白话解, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/ujpgg77s55hYt.html>].

В «Лунь Юй», или «Беседы и суждения» («论语»), главной книге конфуцианства, эталон надлежащего стиля текста, стихотворения, письма описан следующим образом:

«文质彬彬» / «внешняя красота и внутренние качества совершенны»;

«朗朗上口» / «гладкий и стройный»³⁹ [论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>].

Последнее изречение также характеризует легкие для восприятия тексты, при этом «легкость» подразумевает ритмическую стройность и композиционную гармонию:

«唐朝诗人白居易的作品浅显易懂，当时的老人或孩子多能朗朗上口» / «Стихотворения поэта Бо Цзюйи династии Тан легки для понимания, и старики, и дети могли их понимать»⁴⁰ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Эстетику речи как принцип китайского дискурса лингвист Ян На определяет термином, именующим социально-гносеологическую концепцию Конфуция «Чжэн мин» / «正名», или «Выправление имен», о которой мы

³⁷ 左丘明, 556-451 гг. до н.э.

³⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

³⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁴⁰ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

упоминали в параграфе 1.3.2 первой главы. Исследователь поясняет, что языковое воплощение, которое говорящий выбирает для донесения своей мысли, оказывает немедленное влияние на аудиторию. Масштабы последствий сказанного можно спрогнозировать в зависимости от типа дискурса. По мнению Ян На, слова Конфуция: «名不正，则言不顺；言不顺，则事不成» / «(Если) имя не исправлено, то слово не соответствует (с делом); слово не соответствует, то дело не сделается»⁴¹ – подразумевают направление всех действий на «усовершенствование и ресистематизацию языка» для придания ему большего благозвучия, что положительно скажется на гармоничном социальном взаимодействии [扬娜, 2014, с. 258].

Усовершенствование языка происходит посредством включения ритма, группировки знаков по рифмам, стилистических фигур, структурной организации текста. Традиционным китайским лингвистическим приемом является ритмико-мелодическая парность построения предложений в стиле «пьяньливэнь» («骈俪文»), или «дуйчжан» («对仗») – «украшенный стиль» или «орнаментальный стиль», в основе которого лежат ритмизованные параллельные конструкции из четырех-шести иероглифических знаков. Этот стиль господствовал в китайской литературе в IV-VII вв. [Гольгина, 2008, с. 77].

Параллелизм как фигура речи, для которой характерна полная или частичная тождественность структур двух или более синтаксических единиц, следующих одна за другой [Горелов, 1989], является крайне активной характеристикой всех типов китайского дискурса. Необходимо отметить, что параллелизм присутствует и в задействованных стилистических приемах (метафора, метонимия, риторический вопрос и т.д.). В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем следующий пример. В развлекательном дискурсе китайских СМИ в ежегодной телевизионной передаче, приуроченной к празднованию китайского Нового года (Праздника весны), транслируемой

⁴¹ Перевод выполнен В.П. Васильевым.

Центральным телевидением Китая (CCTV) в 2008 г., каждый из четверых ведущих обратился к зрителям, произнеся отдельную синтаксическую конструкцию:

1. 飞向春天, 春潮澎湃地新» / «Спешим навстречу Весне, скоро зазвонят весенние ручьи».

2. «飞向春天, 春风浩荡山河美» / «Спешим навстречу Весне, весенний ветер преобразит горы и реки».

3. «飞向春天, 春光无限祖国好» / «Спешим навстречу Весне, весенняя пора – бесконечно прекрасное время для нашей родины».

4. «飞向春天, 春意盎然万家乐» / «Спешим навстречу Весне, Весна повсюду радует всех»⁴² [цит. по: 施旭, 2010, с. 65].

Как мы видим, реплики ведущих содержат повтор четырехсложной конструкции «飞向春天» / «Спешим навстречу Весне», а также повтор первого знака «春», обозначающего «весну» в каждой последующей шестисложной конструкции. В данном примере эффект «орнаментального стиля» направлен на усиление сплоченности нации, объединенной общими целями и стремлениями.

Синтаксические конструкции, выражающие билатеральные отношения, характерны для речи, где, как правило, эстетические приемы проявлены наиболее ярко. Однако следует отметить, что устный дискурс также тяготеет к «орнаментальности». Подобные параллельные синтаксические каркасы заучиваются носителями китайской лингвокультуры наизусть и применяются в любой возможной релевантной коммуникативной ситуации.

Компенсация ограниченного фонетического состава китайского языка (от 420 до 900 звуковых комбинаций в разных диалектах) и недостатка слогов для обозначения обилия предметов и явлений производится за счет тонирования – произнесения слова тем или иным тоном, который неразрывно

⁴² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

связан со словом как таковым. Подобная фонетическая система порождает большое количество омонимов в языке [Рубец, 2009]. Это позволяет активно включать в китайский дискурс такой прием, как игра слов, или «художественный прием, основанный на использовании сходно звучащих, но различных по значению слов или различных значений одного слова» [Думанская, 2010, с. 83]. Игра слов реализуется в паронимии как способе нацеленного употребления одного слова вместо другого, сходного с ним по звучанию, но имеющего разное значение. Сходность в звучании проявляется в полном тождестве звучания слога и его тона, частичном тождестве слога – тождестве его структурных частей: инициали – начальном согласном слога, финали – оставшейся части слога, терминали – конечном элементе финали. Также существуют варианты совпадения по звучанию, но расхождению по тоновому маркеру. Например, понимание употребления каждого из смежной пары нижеприведенных омонимов, возможно только в контексте:

«蝙蝠» (biānfú) / «летучая мышь» созвучно со словом «变福» (biànfú) / «счастье», и на этой основе возникает символика «счастье»;

«莲花» (liánhuā) / «лотос» символично с любовными отношениями – «恋话» (liànhuā) / «любовь»;

«莲子» (liánzǐ) / «зерна лотоса» – с рождением детей – «连子» (liánzǐ) / «многодетность»;

«花生» (huāshēng) / «земляные орехи» – с рождением детей обоего пола – «化生» (huāshēng) / «и мальчики, и девочки в семье» и др. [Цун Япин, 2012, с. 69].

Явление омонимии или паронимии активно присутствует в китайском рекламном дискурсе. Например, рекламный слоган бойлера, водонагревающего устройства в системе снабжения горячей водой и теплом, звучит как «随心所欲» (suíxīnsuǒyù). На фонетическом уровне он созвучен с устойчивым выражением «随心所欲» (suíxīnsuǒyù) и буквально воспринимается как «Следуй своим желаниям». В рекламном слогане

используется устойчивое выражение, но при этом последний знак «欲» (yù) / «желание, жажда» заменяется фонетическим омонимом «浴» (yù), имеющим значение «принимать ванну», тематически очень близкому к рекламируемому продукту – бойлеру.

Согласно этому принципу построены девизы рекламных кампаний нижеприведенных товаров.

В слогане электрического утюга – «百衣百顺» (bǎiyībǎishùn) иероглиф исходного устойчивого выражения «百依百顺» (bǎiyībǎishùn) / «понятливый и послушный» – «依» (yī) / «помогать» заменен фонетическим омонимом «衣» (yī), имеющим значение «одежда». Целиком он направлен на восприятие адресатом утюга как прибора «легкого в обращении, позволяющего справиться с измятым бельем».

Рекламный девиз велосипеда «其乐无穷» (qílèwúqióng) воспринимается как «безграничная радость», при этом первый знак в исходном выражении «其乐无穷» заменен иероглифом «骑» (qí), обозначающим «садиться, ездить верхом».

Слоган синтетического химического репеллента «默默无蚊» (mòmòwúwén) отсылает адресата к выражению «默默无闻» (mòmòwúwén) / «безызвестный», ассоциируя продукт со средством, которое позволит забыть о наличии насекомых в помещении, так как последний знак устойчивого сочетания «闻» (wén) / «известность» заменен на омоним «蚊» (wén) / «комар».

Указание на незамедлительное действие лекарства против кашля достигается посредством замены в устойчивом обороте речи «咳不容缓» (kèbùrónghuǎn) / «не допускать ни минуты промедления» знака «刻» (kè), обозначающего «сотая часть суток, измерявшаяся водяными часами», на его омоним «咳» (kè), имеющий значение «кашель» [施旭, 2010, с. 65].

Еще одним языковым маркером, буквально проходящим красной нитью через всю китайскую коммуникацию, является использование чэн'юй –

китайских фразеологизмов, имеющих сжатую форму выражения, «но обладающих глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного воздействия» [Думанская, 2010, с. 86].

Как подчеркивает Ян На в своем диссертационном исследовании, официальные власти конструируют свои идеи, основываясь на знаменитой социалистической программе «Восемь тезисов о славе и позоре»⁴³, выдвинутой председателем Китайской коммунистической партии Ху Цзинтао на 4-й сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая в 2006 г. [杨娜, 2014]. Название программы сконструировано по схеме классического четырехсложного идиоматического выражения. Подобные положения, призванные повысить сознательность граждан, получают большое распространение во внутренне направленном китайском дискурсе:

«以计划生育为荣，以躲生超生为耻» / «Планирование семьи – слава, скрытие рождения и его превышение – позор»;

«以男女平等为荣，以重男轻女为耻» / «Равенство полов – слава, предпочтение мальчиков девочкам – позор»;

«以优生优育为荣，以近亲结婚为耻» / «Евгеника – слава, межродственные браки – позор»;

«以倡导婚检为荣，以无视健康为耻» / «Добрачное обследование здоровья – слава, игнорирование состояния здоровья – позор» [Нагибина, 2016, с. 57–58].

Как показывает наше изучение языковых средств-экспликаторов «эстетики» китайского дискурса, достижение духовного наслаждения осуществляется использованием универсальных языковых средств для построения таких стилистических приемов, как эффект уклончивых слов, усиление динамики действия, гиперболизация событий и явлений. По мнению Ши Сюя, прагматическая направленность стилистических приемов, присущих

⁴³ «八荣八耻».

каждому типу китайского дискурса, может стать одним из основных направлений перспективных изучений современной китайской коммуникации [Shi, 2014]. Более того, как утверждает Цянь Гуаньянь, перспективным направлением может стать изучение релевантности используемых стилистических средств как проявлений «эстетики» в конкретном контексте [钱冠连, 2002].

«Эстетика речи» / «话语审美», точнее инструментарий ее реализации, есть наследие жанров изящной словесности, литературных форм, воплощающих высокое предназначение письменного слова в обществе. Эти жанры можно соотнести с современной типологизацией дискурса, в частности со статусно-ориентированным или институциональным типом. Жанры изящной словесности в основном возникли из обрядового обихода («哀» / «плач по усопшему», «祭文» / «жертвенная речь духу усопшего»), государственного уклада («诏令» / «манифесты и приказы», «碑志» / «мемориальные стелы»), сферы литературной деятельности чиновника-литератора («论辩» / «рассуждения и суждения», «说» / «слово»), полемических речей, философских эссе.

В процессе становления литературы «украшенность» воспринималась как неотъемлемый компонент прекрасного; использование стиля «пяньли» демонстрировало стремление к изысканной литературности, внимание к фразе и ее внутренней структуре. Идея высокого слога, по мнению Г.И. Гольгиной, «доминировала в любых концепциях и при любых толкованиях границ изящной словесности. В истории литературы она стала областью, где создавались нормы литературного языка и литературной техники. Малая форма произведения позволяла зримо воспринять целостность текста, увидеть результат использования тех или иных приемов. Благодаря высокой семиотичности знаковой культуры древности и раннего средневековья, в изящной словесности происходило как бы лабораторное изобретение

технических приемов высказывания, которые органично проистекали из самой формы произведений изящной словесности» [Голыгина, 2008, с. 77–78].

Как показывают эмпирические наблюдения автора данного исследования, эстетический фон китайской коммуникации на начальных этапах погружения в китайскую лингвокультуру воспринимается иностранцами достаточно неоднозначно – создается впечатление чрезмерной «высокопарности» слога, а безукоризненная структурная организация кажется «неестественной».

Современная китайская «Эстетика речи» / «话语审美» реализуется на фонетическом уровне (ритм), лексическом и синтаксическом уровнях (лаконичная выразительность, симметрия структур), а также задействует когнитивный уровень языковой личности, включающий знания о мире, способности мысленного представления объектов, ситуаций, действий, не данных эксплицитно в актуальном восприятии.

Итак, в рамках данного параграфа нами была представлена модель китайского культурно-дискурсивного пространства через совокупность восьми культурно-коммуникативных векторов: «Гармония» / «中和» как целеполагающий вектор, «Лицо» / «脸面», «Вежливость» / «礼貌», «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意», «Диалектический подход» / «辩证思维», «Включение в отношения» / «关系», «Почитание авторитета» / «崇尚权威», «Патриотизм» / «民族爱国主义» и дискурсивного императива, обязательного фонообразующего конституента китайской коммуникации – «Эстетика речи» / «话语审美».

«Эстетика речи» / «话语审美» есть художественное оформление действительности, ритуализация дискурса посредством изящных языковых форм. Ее, безусловно, можно подвергнуть формальной параметризации или исчислению в используемых выразительных языковых средствах, но вряд ли можно подвергнуть измерению мистическое настроение дискурса, создаваемое посредством языковой «орнаментальности»: ведь образы и их

организация воплощают Дао, конфуцианскую мораль, Путь человека, и определены Небом. Эстетика китайского дискурса – это не просто использование средств декорирования речи, а данность, условие правильной коммуникации, обусловленное философско-религиозными догматами.

Описание системы культурно-коммуникативных векторов обеспечивает нам теоретическое обоснование для анализа актуального китайского дискурса, а также дает общее представление о специфике и наполнении дискурсивного взаимодействия с представителями китайской языковой культуры.

Графически модель китайского культурно-дискурсивного пространства мы предлагаем визуализировать следующим образом:

Рисунок 1. Модель китайского культурно-дискурсивного пространства.

2.2 Культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和» (чжунхэ) – целеполагающий вектор китайского дискурса

Как показывает наше исследование, главенствующим принципом современного китайского дискурса является создание и поддержание гармонии. Здесь ученые говорят о коммуникации как о механизме создания и сохранения социальной гармонии, основанной на сбалансированных и дружелюбных отношениях. Теоретики китайского культурологического дискурс-анализа подчеркивают социально ориентированную природу китайской коммуникации как ее основное отличие от «западного дискурса», где первоочередным является индивидуальная автономия, а целью коммуникации выступает воплощение собственных стремлений, убеждение адресата, навязывание ему собственной позиции и т.д. [Lu, 2000; 邢福义, 2000; 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001; 陈汝东, 2004; 陈国明, 2004; 施旭, 冯冰, 2008; 施旭, 2010; 汪凤炎, 郑红, 2013; 杨娜, 2014]. Китайская же коммуникация, детерминированная культурой, имеющей архетипическую основу, направлена на максимальную демонстрацию взаимоуважения, дружелюбия, вежливости. Её целью является выстраивание устойчивых взаимоотношений и их интимизация. Все эти целевые установки аккумулированы в китайской лингвокультуре в понятии «和气», переводимом на русский язык как «мирная атмосфера; миролюбие; дружелюбие, согласие; благожелательность». Понятие «和气» постулировано в 42-ой главе философского трактата «Дао дэ цзин»:

«万物负阴而抱阳，冲气以为和» / «Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию»⁴⁴ [道德经, URL: <http://www.daodejing.org/download.html>].

⁴⁴ Перевод выполнен Ян Хиншуном.

Большой словарь китайских иероглифов содержит двадцать шесть дефиниций лексической единицы «和», которой мы обозначаем культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和» – главенствующий ориентир современного китайского дискурса [汉语大字典, 2010, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967>]. Первое основное (исходное) значение знака «和» (хэ) – это «调味» / «приправлять, сдабривать; специи, приправы». Мы не будем подробно останавливаться на эволюции знака в данном значении, резюмируя только его этимологическое исследование, приведенное в статье этого же словаря: современная форма знака «和» (хэ) состоит из двух графем «禾» / «лакомства, вкусная еда» и «口» / «рот», т.е. исходное значение «和» трактуется как «приятное чувство после съедания пищи» [汉语大字典, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967>].

Вторым основным значением «和» (хэ) является «调声» / «звуковая симфония; консонанс». По аналогии с первым значением знак «和» (хэ) трактуется как «восхитительные звуки, производимые в результате сложения пяти «женских» (четных) и шести «мужских» (нечетных) ступеней китайского хроматического звукоряда» [Там же].

Переносное значение «和» выражает квинтэссенцию китайской культуры и коммуникации – «协调» / «согласованность», «和谐» / «гармония», «适中» / «соответствие», «和解» / «примирение».

Как указывает исследователь китайских культурных концепций Ли Цзунгуй, внутреннее чувство гармонии появляется при условии совершения действий в согласии с собственным физическим и душевным состоянием, а также внешним миром – людьми и природой. Внутреннее чувство гармонии наступает при условии способности вести естественную коммуникацию согласно таким принципам, как «和顺、平和、心平气和、和颜悦色» / «миролюбивость, сдержанность, равновесность,

доброжелательность», «和睦、融洽» / «согласие и лад», «和解、和平、结束战争或争执» / «компромисс, примирение, окончание войны или спора»⁴⁵ [李宗桂, 1988].

Данные принципы восходят к трактатам конфуцианства и даосизма. Основоположник конфуцианской традиции Конфуций, родившийся в 551 г. до н.э. в царстве Лу, согласно дошедшим историческим описаниям жил в крайне смутное время – период непрерывных междоусобных войн. Это оказало большое влияние на развитую им концепцию социальной структуризации и взаимодействия, где большое внимание уделено «礼治», или «управлению государством через социальные институты». Ритуализация управления, общения, коммуникации постулирована главным принципом конфуцианства «礼之用，和为贵礼治» / «Ритуал направлен на сохранение главной ценности – гармонии»⁴⁶. Таким образом, «гармония» / «和» является оптимальным нормативом сосуществования всех предметов и явлений, равно как и координации межличностной интеракции, которая во многом формирует, определяет, задает её тональность. Более того, «гармония» / «和» – это механизм самоконтроля личности, ее вербальных и невербальных действий. Конфуцианское учение рассматривает гармонию не только как идеальную модель взаимодействия членов общества, но и как залог успешного общения кровных родственников, слаженных семейных отношений, т.н. «血缘的亲情». При этом родственные связи, которые априорно рассматриваются как гармоничные и стабильные, сами являются стабилизатором социума.

Китайский антрополог и социолог Фэй Сяотун, размышляя о поведенческих канонах, также пишет о гармонии родственных связей как об условии предупреждения социальных конфронтаций: «Кровное родство, по сути, является социальным ограничением, сдерживающим такие явления, как

⁴⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁴⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

конфликт и конкуренция. Родственники – это свой круг, ветви одного дерева, имеющие общие жизненные интересы, заботящиеся друг о друге и тесно связанные друг с другом» [费孝通, 1988, с. 72].

Как указано в главе «Ли юнь», или «Циркуляция благопристойности» («礼运»), одной из книг конфуцианского «Пятикнижия» («五经»): «何谓人义? 父慈子孝, 兄良弟弟, 夫义妇听, 长惠幼顺, 君仁臣忠, 十者谓之人义。讲信修睦, 谓之人利。争夺相杀, 谓之人惠。故圣人之所以治人七情, 修十义, 讲信修睦, 尚辞让, 去争夺, 舍礼何以治之? » / «Гармония – это любовь родителей к детям и почитание родителей детьми. Будучи старшим братом, нужно быть дружелюбным, будучи младшим братом – уважать старших братьев, будучи мужем высоких качеств – ставить гармонию превыше всего, будучи женой – проявлять троякую покорность и четыре достоинства⁴⁷, будучи друзьями – ценить привязанность, являясь партнерами – держать свое слово, будучи правителем – относиться с уважением к мудрецам и милостиво к простым людям, будучи подданным – проявлять чувство верности и преданности. Лучший способ для Совершенного мудреца, наставляющего людей в надлежащем управлении семью чувствами⁴⁸ и оберегании человеческих отношений, – это напоминание о том, что единственный путь к гармонии лежит через скромные уступки и избегание споров»⁴⁹ [四书五经, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/agRsGDSAAdtjr>].

Ученик Конфуция Цзы-лу⁵⁰ в тексте главной книги конфуцианства «Лунь юй», или «Беседы и суждения» («论语»), рассуждает о гармонии таким образом: «君子和而不同, 小认同而不和» / «Мудрый правитель ладит с другими, но необязательно соглашается с ними, неблагородные люди

⁴⁷ Троякая покорность и четыре достоинства женщины: добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие – традиционная формула требований к женщине в старом Китае.

⁴⁸ Семь чувств в буддийской традиции: радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и половое влечение.

⁴⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁵⁰ 子路, 542-480 гг. до н.э.

соглашаются с другими, но не всегда их отношения гармоничны»⁵¹ [论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>].

Как указано в «Чжун юн», или «Учении о середине», входящем в конфуцианское «Четверокнижие» («四书»), философский трактат, написанный внуком Конфуция Цзы Сы⁵², именно гармония должна являться главным принципом управления порядком сущностей:

«致中和，四经子思天地位焉，万物育焉» / «Гармония – это главный путь управления собой, подчинения Небу, правило расположения вещей»;

«发而皆中节，谓之和» / «Срединность – это безупречное поведение, скрытие радостей и печалей, уняtie своих страстей; гармония – это упрочнение и равновесие»⁵³ [四书, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/BNT3Ckcg1v2L.html>].

Приведенное сравнение понятий срединности и гармонии во многом пересекаются, но гармония рассматривается как абсолют самоконтроля, максима «мягкого» включения себя в контекст объективного мира.

Выдающийся конфуцианский философ династии Сун, основатель китайского неоконфуцианства Чжу Си⁵⁴ рассуждает о равновесности, срединности, трактование которой во многом созвучно пониманию гармонии в китайском обществе:

«中者，不偏不倚，无过不及之名。庸者，平常也» / «Действующий по принципу срединности справедлив и беспристрастен, не склоняется ни на одну, ни на другую сторону, совершает поступки в соразмерности со своими силами, возможностями и намерениями. Разумная середина – это действия согласно обычному здравому смыслу»⁵⁵ [四书, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/BNT3Ckcg1v2L.html>].

⁵¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁵² 子思, ок. 481-402 гг. до н.э.

⁵³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁵⁴ 朱喜, 1130-1200 гг.

⁵⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Несмотря на максимальную противоположность идейных течений конфуцианства и даосизма, в традицию даосского философско-религиозного направления, отмеченного яркими чертами экологической мудрости, также вплетено понятие гармонии. В даосском тексте поздней эпохи Хань (947-950 гг.) «Тайпин цзин», или «Канон Великого Благоденствия» («太平经»), сформулирована мысль о законах равновесности:

«天道常有格三气，其初一者好生，名为阳；二者好成，名为和；三者好杀，名为阴。无阳不生，无阴不杀，无和不成。此三者相须为一家，共成万二千物» / «У небесного Дао есть три ци: первая – это утверждение жизни, ее имя – Ян; вторая – это слаженность и совершенство, ее имя – Гармония; третья – это разрушение жизни, ее имя – Инь. Без Ян не существует жизни, без Инь не существует смерти, без Гармонии не существует порядка⁵⁶. Взаимопроникновение этих трех сущностей создает все вещи и явления»;

«元气有三名，太阳、太阴、中和。形体有三名，天、地、人。天有三名，日、月、星。地有三名，山、田、河。人有三名，父、母、子。治有三名，君、臣、民。欲太平者，此三者常当腹心，不失铢分，使同一优，合成一家，立致太平，延年不疑矣» / «Изначальная Ци имеет три имени: великая сила Ян, великая сила Инь, Гармония. Тело имеет три имени: небо, земля, человек. Небо имеет три имени: солнце, луна, звезда. Земля имеет три имени: гора, низина, река. Человек имеет три имени: отец, мать, сын. Государство имеет три имени: правитель, чиновник, народ. Стремящийся к Великому Благоденствию содержит три основы в сердце и разуме, не разделяя и не отождествляя их. Это единство и есть Великое Благоденствие, составляющее бесконечность существования»⁵⁷ [太平经注译, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/uqhhrjGUCDmx.html>].

Даосская философия рассматривает параллели социальных структур с устройством вселенной. Даосское видение мира взрастило в китайской

⁵⁶ «和» –порядок, спокойствие, мир.

⁵⁷ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

культуре и менталитете стремление к коллективности как к воплощению гармонии, выраженное в изречениях, образное значение которых совпадает с русскими вариантами «одному не по плечу», «в одиночку не справиться», «один в поле не воин». Ниже нами приведен буквальный перевод этих сентенций на русский язык:

«大雁离群难过关，独条鲤鱼难出湾» / «одинокому гусю трудно преодолеть расстояние, одинокому карпу трудно выплыть из залива»;

«独花不成春，独木不成林» / «одному цветку не составить букет, одному дереву не составить леса»;

«寡不敌众，孤掌难鸣» / «малочисленным не устоять против многочисленных, одной ладонью в ладоши не хлопнуть»;

«单弦再响不能成音，独虎在猛不敌群狼» / «издающий звук однострунный инструмент не слышится, одинокий свирепый тигр не может победить стаю волков»;

«单枝易折，多枝难折» / «одну ветвь легко переломить, а несколько – трудно»;

«寒霜打死单草，狂风吹不倒大森林» / «одна травинка гибнет от сильного мороза, большой лес выдержит большую бурю»;

«三个臭皮匠，抵个诸葛亮» / «трое обычных человек дадут отпор Чжу Гэляну⁵⁸»;

«大家一条心，黄土变成金；大家心不齐，黄金变成泥» / «если у всех помыслы едины, желтозём становится золотом; если нет единого мнения, желтозём становится глиной»;

«弟兄三人一条心，黄土也能变成金；弟兄三人三条心，万贯家财不够分» / «если среди троих братьев царит согласие, желтозём становится золотом; если согласия нет, то и богатого имущества недостаточно»;

⁵⁸ Полководец, стратег, герой классического романа «Троецарствие».

«要学蜜蜂共菜花，莫学蜘蛛各牵网» / «нужно подражать рою пчел, собирающих мед, а не одинокому пауку, плетущему паутину»⁵⁹ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

В продолжение этой линии в философском трактате «Мо-цзы» («墨子», V-III вв. до н.э.), излагающем учение школы мо-цзя («墨家»), противопоставляющей свои этические обоснования конфуцианскому учению, восприятие гармонии отображено так:

«离散不能相合和» / «Разлученные не могут существовать в гармонии»⁶⁰ [墨子, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/FFhvkR2kHj5Tx.html>].

Это изречение трактуется с древнекитайского языка следующим образом: «Если члены семьи находятся в разногласиях, происходит вражда. Единственный возможный способ тогда сохранить гармонию – это выстраивать гармоничные отношения между членами общества». Таким образом, даосская философия говорит не только о важности гармоничных отношений в семье, но и о гармоничном, неконфликтном существовании всех людей как гарантии спокойствия.

Кроме того, главная доктрина буддизма также основана на гармонии – гармонии дхарм, в которой «существует некая мистическая причина, предпосылка, порождающая судьбу всего мира (хэту), и связь, порождаемая этой причиной (пратьяя)» [Маслов, 2004, с. 59]. В буддийском сочинении «Да чжи ду лунь шу», или «Истолкование «Махапраджняпарамиты-шастры» («大智度论»), в рассуждении о хэту-пратьяя – «причине и следствии» указано:

«诸法因缘和合生，故无有法；有法无故，名有法空» / «Все на земле существует благодаря порождающему и способствующему, пребывающим в гармонии; ничто не появляется и не существует само по себе»⁶¹ [大智度论, URL: <http://ftp.budaedu.org/ghosa/C006/T0633/ref/T0633.pdf>].

⁵⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁶⁰ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁶¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

По словам современных исследователей Ван Фэн'яня и Чжэн Хуна, «совершенная истина смысла знака «和», являющегося «ключом» к пониманию законов китайского дискурса, скрыта в трех ее типах [汪凤炎, 郑红, 2013, с. 132]. Исследователи выделяют эти типы с позиции вовлеченных межсубъектных отношений:

○ интерсубъективная гармония личности – гармоничное существование духовного и физического мира человека;

○ межличностная гармония – гармоничное существование членов семьи, т.н. «家和万事兴» / «гармония в семье помогает во всех начинаниях; если дома все хорошо, то и вне дома все хорошо»; гармоничное существование соседей, друзей, коллег, а также чиновников и простого народа, т.н. «政通之和» / «гармония «правильного» правительства» или «天下之和» / «гармония Поднебесной»;

○ гармония личности и мира – «天人之和» / «равновесность взаимодействия человека и окружающей среды»;

Во втором и третьем типах гармонии в свою очередь выделяют бинарную оппозицию «истинная равновесность» / «真和» и «квазиравновесность» / «伪和» [汪凤炎, 郑红, 2013, с. 136].

«Истинная равновесность» / «真和» предполагает две модели идеальной межличностной интеракции. Первая модель – это выражение коммуникантами уважения и принятия соответствующих обстановке и высшим принципам индивидуальных особенностей личности друг друга. Вторая модель – поощрение речевыми действиями саморазвития здоровой личности друг друга.

Вторая модель подразумевает действие согласно принципу «心和» / «синьхэ». Семантика «心和» / «синьхэ» упоминается Су Чжэ⁶², ученым, государственным деятелем и писателем династии Сун (960-1279 гг.):

⁶² 苏辙, 1039-1112 гг.

«心中平和，不急不怒。宋·苏辙·既醉备五福论：“醉而愈恭，和而有礼，心和气平，无悖逆暴戾之气干于其间，而寿不可胜计也。亦作心平气和”» / «Эта гармония подобна состоянию после принятия вина, когда мысли спокойны, дух и тело безмятежны и настроены на правильный лад смыслообразования и творения»⁶³ [苏辙文集, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/aKz33Ctz8uQXL.html>].

Сочетание знаков «心和» / «синьхэ» восходит к выражению «心和气», имеющему буквальное значение «спокойствие в душе, согласие в сердце». Осуществление коммуникации по этому принципу подразумевает «проявление братской любви по отношению друг к другу, понимание в глубине сердца морали и нравственности друг друга, руководствуясь которыми совершаются все действия и поступки» [黄曬莉, 2007, с. 73].

Таким образом, выстраивание оптимальных отношений осуществляется через «взаимоемкость» (способность принимать и накапливать духовные принципы друг друга), которая складывается в результате диалога в форме демократичных консультаций или умеренных споров.

По мнению Лю Хунбиня, Хуан Лили, Ван Фэн'яня и Чжэн Хуна, «квазиравновесность» / «伪和» подразделяется на два типа, существование каждого из которых обусловлено своими причинами и способами реализации в дискурсе [刘宏斌, 2005; 黄曬莉, 2007; 汪风炎, 郑红, 2013].

Первый тип «квазиравновесности» / «伪和» – «быть друзьями только на людях» / «面和心不和». Данный способ коммуникации результируется в таких явлениях, как «逆来顺受» / «кроткая покорность» или «听天由命» / «покорение судьбе».

Изучив рассуждения китайских ученых, мы считаем возможным изложить причины применения в дискурсе модуса «быть друзьями только на людях» / «面和心不和» [刘宏斌, 2005; 黄曬莉, 2007; 汪风炎, 郑红, 2013]:

⁶³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

○ иррациональное, противосмысленное восприятие гармонии. Опасение возникновения спора во избежание нарушения гармонии или неготовность ни при каких условиях разрывать отношения окончательно. «Быть друзьями только на людях» / «面和心不和» – это «порочная привычка, которой злоупотребляют в современном китайском обществе» [汪风炎, 郑红, 2013, с. 136];

○ недостаточная компетентность или осведомленность одного из собеседников. Собеседник, занимающий более сильную позицию, демонстрируя свое неуважение к более слабому собеседнику, откровенно проявляет свое доминирование эксплицитными высказываниями, что вынуждает нижестоящего вести себя по принципу «проглатывание обиды» / «忍辱负重» или «скрытие способностей и ожидание своего часа» / «韬光养晦»;

○ неспособность объективно оценить возникшие противоречия, следствием которых является принятие видимых мер для их разрешения, т.н. «имитация действий» / «表面敷衍»;

○ непонимание принципов «истинной равновесности» / «真和», т.е. ошибочное восприятие реализации стратегии «быть друзьями только на людях» / «面和心不和», выдавая их за действия, осуществляемые по моделям «истинной равновесности» / «真和»;

○ обман одного собеседника другим, ведущим себя по образцу «наука о бесстыдстве и коварстве» / «厚黑学»;

○ нежелание обидеть собеседника или действие по принципу букв. «чем больше друзей, тем больше дорог; чем больше врагов, тем больше стен»; обр. «заводить друзей – выгодно, а врагов – опасно» / «多个朋友多条路, 多个敌人多堵墙».

Второй тип «квазиравновесности» / «伪和» – «отождествление равенства и гармонии» / «以“同”代“和”». Китайская философия настаивает на ошибочности такого отождествления, присваивания содержание понятия

«гармония» понятию «равенство». В качестве обоснования данной концепции приводятся рассуждения из главы «Шан тун», или «Почитание единства» («尚同»), философского трактата «Мо-цзы»⁶⁴, излагающего учение школы мо-цзя:

«古者民事生来有刑政之时，盖其语“人异义”。是以一人则一义，二人则二义，十人则十义，其人慈众，其所谓义者亦慈众。是以人是其义，以非人之义，故交相非也。是以内者父子兄弟作怨恶，离散不能相合。天下之百姓皆以水火毒药相亏害，至有余力不能以相劳，腐臭余财不以相分。隐匿良道不以相教，天下之乱，若离兽然。 <...> 天下之百姓皆上同于天子，而不上同于天，则菑犹未去也。今若天飘风若雨溱溱而至者，此天之所以罚百姓之不上同于者也。古者圣王为五刑，请以治其民。譬若丝缕之有纪，罔置之有纲，所（以）连收天下之百姓不尚同其上者也» / «В древние времена, когда люди только появились и на земле не было законов и управления, они облачали слова свои в мнения, среди которых не было единства. У каждого человека было свое разумение, у десяти разных людей существовало десять разных разумений. Никто не принимал суждения другого, что приводило к постоянным разногласиям. Взаимная вражда разделяла членов семьи, не позволяя им жить в единстве. Они начали истреблять и отравлять друг друга. У кого были силы, не желали помогать другим, у кого был избыточный достаток, оставляли его тлеть, но не делились с другими, у кого были знания, скрывали их и не посвящали других. Все привело к хаосу и беспорядочному существованию подобно диким птицам и зверям <...> Люди знали о единстве с сыном Неба – императором, но не знали о единстве с Небом и не знали, как остановить бури, ураганы и наводнения. Поднялся сильный ветер и начался затяжной ливень. Это было наказание обитателям Поднебесной за пребывание вне равновесности с Небом. Тогда совершенномудрый правитель установил пять правил управления людьми, чтобы внести в их существование гармонию, упорядочить их общение. Это управление, подобно сплетению шелковых

⁶⁴ «墨子», V-III вв. до н.э.

нитей, правильно и крепко поддерживает равновесность между людьми»⁶⁵
[цит. по: 孙隆基, 2011, с. 324].

Рассуждения «Мо-цзы» указывают на то, что полифония мнений не есть гармония в китайском восприятии. Гармония – это не единство мнений, а строгое подчинение нижестоящих вышестоящим подобно взаимодействию частей механического разъема, надлежащее соединение которых обеспечивает эффективность работы прибора. При этом одна деталь всегда превосходит другую по размерам, находится в положении «вышестоящего». Равенство же деталей не способно обеспечить жизнеспособность системы.

Гармоничное существование, а значит, взаимодействие, возможно только по принципу подчинения нижестоящего вышестоящему, периферии центру для достижения «сохранения единства с Небом, целостности Китая и его благоденствия» [цит. по: 孙隆基, 2011, с. 324].

Равенство порождает самовластие и диктатуру, так как чаще всего субъекты, уравненные в своих правах естественным образом, уступают друг другу по каким-либо параметрам и, следовательно, неконкурентоспособны в условиях паритетного взаимодействия посредством «неконтролируемой диалоговой» коммуникации [李宗桂, 1988, с. 165]. При этом под «неконтролируемой диалоговой» коммуникацией в противовес коммуникации, принятой в китайском обществе, Ли Цзунгуй понимает крайне демократическую форму высказывания мнения, эгоцентрическую «западную» модель общения, подразумевающую агрессивное навязывание собственной позиции каждым из собеседников [李宗桂, 1988, с. 165].

Помимо скромности в высказываниях по отношению к адресату мы можем выделить несколько модусов реализации китайского культурно-коммуникативного вектора «Гармония» / «中和» на дискурсивно-поведенческом уровне [李宗桂, 1988; 汪风炎, 郑红, 2013]:

⁶⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

1. «Гармония как высшая ценность» / «和为贵». Данный модус отображен в философских изречениях, несущих обобщенную мысль правил общения:

«二人同心，其利断金» / «один в поле не воин; дружба (взаимоподдержка) – большая сила»;

«众心成城，众口铄金» / «воля народа – что крепость (действовать в духе полного единства и сплоченности, представлять собой несокрушимую силу); много ртов и металл расплавят (голос толпы – страшная сила)»;

«内睦者家道昌，外睦者人事济» / «кто обладает внутренней гармонией, имеет процветающую семью; кто гармоничен внешне, успешен в делах»;

«和气生财» / «дружелюбие (благожелательность) приносит богатство»;

«家和万事兴» / «гармония в семье помогает во всех начинаниях»;

«天时不如地利，地利不如人和» / «блага земные лучше возможностей, открываемых небом; а гармония между людьми превосходит земные блага» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Наивысшая положительная характеристика общения описывается через лексемы:

«和易» / «добродушный, покладистый»;

«和柔» / «угодливый»;

«和气» / «дружелюбный, мирный» [Там же].

Высшая степень совершенства установленных взаимоотношений характеризуется словами:

«和一» / «гармоничный, мирный»;

«和谐» / «гармоничный»;

«和平» / «мирный, гармоничный»;

«和合» / «согласный, гармоничный»;

«和洽» / «дружеский, теплый»;

«和勉» / «дружеский»;

«和解» / «компромисс» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Декларирование модуса «Гармония как высшая ценность» / «和为贵» является лейтмотивом китайского политического дискурса. Например, Ху Цзиньтао, председатель КНР с 2003 г. по 2013 г., в своем выступлении в Йельском университете «21» апреля 2006 г. озвучил смену доктринальных приоритетов и трансформацию государственной концепции, сориентированной на преодоление растущих противоречий в социальной среде:

«中华文明历来注重社会和谐，强调团结互助。中国人早就提出了“和为贵”的思想，追求天人和諧、人际和諧、身心和諧，向往“人人相親，人人平等，天下为公”理想社会» / «Китайская цивилизация испокон веков придавала большое значение гармонии общества, ставила во главу угла единство и взаимопомощь. Китайцы издавна следуют идее «Гармония как высшая ценность», стремятся к гармонии природы и человека, межличностной гармонии, гармонии тела и души, строят идеальное общество, где между гражданами царит взаимопонимание и паритет. Поднебесная – есть общественное достояние»⁶⁶ [新华网, URL: <http://www.xinhuanet.com>].

Более того, большинство политических мер, определяющих внутреннюю линию государства, представители правящей партии Китайской Народной Республики дополняют обращениями, в лаконичной форме выражающими идею гармонии как высшего блага.

2. «Ориентация на интересы собеседника / «迎合». Выражение «迎合», независимо от того, что у него существуют варианты перевода на русский язык с отрицательной коннотацией – «угождать; подлаживаться», в китайской лингвокультуре имеет положительное значение и обозначает в первую очередь «способность учитывать интересы адресата».

⁶⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

3. «Беспринципный компромисс, уступка» / «迁就». Приведенный модус является крайней точкой реализации указанного выше модуса «Принятие во внимание намерений собеседника / «迎合». Его соблюдение в большей степени подразумевает смирение, послушание и повиновение в ущерб своим интересам:

«有理让三分» / «разумно – немного уступить»;

«得饶人处且饶人» / «прощать людей по возможности»;

«与人方便, 与己方便» / «создание удобства для других – это удобство для себя»;

«宁让天下人负我, 我不负天下人» / «я буду смиренен, даже если меня обидят»;

«逆来顺受» / «покорно терпеть» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Данные действия, как правило, объясняются страхом «потери лица» и связанной с этим невозможности отказать собеседнику или выразить свое несогласие. В китайском языке данный модус выстраивания дискурса закреплён в устойчивых сочетаниях:

«宽容» / «снисходительность; терпимость; толерантность»;

«尊重对方» / «уважение партнера»;

«体谅» / «вхождение в положение»;

«大方» / «широкая натура»;

«随和» / «легкий в общении, послушный»;

«善解人意» / «понимающий, чуткий, отзывчивый»;

«会为他人考虑» / «способный принимать во внимание других»;

«乐于助人» / «охотное оказание помощи»;

«友善» / «дружелюбные отношения»;

«不斤斤计较» / «немелочность»;

«忍让» / «быть терпеливым и уступчивым»;

« 谦 虚 » / «смиренность и скромность» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Такая форма поведения поощряется в китайском обществе. Исключительно положительной характеристикой, оценкой поведения кого-либо являются такие выражения, как:

«宰相肚里好撑船» / «так великодушен, что можно в душе запустить лодку»;

«大人有大量» / «у больших людей и сердце большое» [Там же].

Однако в крайних случаях абсолютного отсутствия демонстрации своей точки зрения используются негативно окрашенные выражения:

«没有主心骨» / «бесхребетность»;

«没有原则立场» / «отсутствие принципиальной позиции»;

«没有主见» / «отсутствие собственного мнения»;

«城府深» / «неясные помыслы»;

«圆滑» / «непринципиальность»;

«明哲保身» / букв. «мудрый себя оберегает»; *обр.* «ни во что не вмешиваться» [Там же].

4. «Избегание соперничества в общении, спора» / «畏争» как проявление гармонии. Знак «争», обозначающий «конкурентную борьбу» или «дискуссию», обсуждение какого-либо спорного вопроса, имеет отрицательную окраску в китайском языке:

«二虎相争，必有一伤» / «когда дерутся два тигра, один непременно проиграет» [Там же].

Соперничество, следовательно, его вербализация отождествляется с действием, ведущим к деструкции гармоничного существования:

«将相不和，国有大祸» / «высшие военные и гражданские чины государства – в разладе, страна – в беде»;

«将相不和邻国欺» / «разлад высших военных и гражданских чинов государства ведет к риску нападения со стороны сопредельных государств»;

«一争两丑，一让两有» / «в споре двоих оба должны уступить»;

«家不和，家不兴» / «раздор в семье означает ее не процветание»;

«家有一心，有钱买金；家有二心，无钱买针» / «если в семье царит единодушие, то есть средства приобрести драгоценные металлы; если единодушия нет – нет денег даже на иглу»;

«兄弟不和邻里欺» / «если братья не в ладах, то их и в родной деревне обидят» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Данный модус восходит к памятнику китайской философской мысли «Дао дэ цзин» («道德经»), повествующему о формах бытия:

«夫唯不正，故天下莫能与之争» / «А поскольку ни с кем не соперничает – с ним во всей Поднебесной соперничать нет способного»;

«天之道，不争而善胜» / «Дао Небес: Он не соперничает, но искушен в победах»⁶⁷ [道德经, URL: <http://www.daodejing.org/download.html>].

5. «Включение третьей стороны (примирителя, миротворца)» / «企盼和事佬». Необходимость вовлечения посредника для решения спорных ситуаций и ведения дискуссий отображена в пословице «旁观者清，当局者迷» / «Со стороны виднее, в то время как участник игры толком не видит ее изнутри» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. В китайском языке существует специальная номинация действий посредника в конфликтной ситуации – «让大家都有一个台阶下» / «Создать удобный случай для урегулирования (о мирном разрешении проблемы)». Вовлечение примирителя в первую очередь обусловлено риском «потери лица», в данном случае – необходимости самоличной уступки в конфликте или вообще предпринятия попытки его решения.

⁶⁷ Перевод выполнен Юй Каном

Как выявило анкетирование, проводимое исследователями Ван Фэнем и Чжэн Хуном в разные периоды с 2000 г., большинство жителей Китая задействуют посредника для решения спорных ситуаций как в бытовом, так и институциональном дискурсе. Их относят к группе «传统的中国人» / «традиционные китайцы». Однако достаточно много граждан – «现代的中国 人» / «современные китайцы» предпочитают не вовлекать третью сторону для урегулирования конфликтов, мотивируя свои действия следующим образом:

«在与人争执过程中较易发现自身的优缺点, 对于弱点可以改进, 不断完善自己» / «В процессе спора легко обнаружить собственные положительные и отрицательные стороны; это прекрасная возможность исправления недостатков и самосовершенствования»;

«事物总是在矛盾冲突中才能进步、发展» / «Развитие и совершенствование всегда происходят только во время столкновений»;

«只有通过争执才能将双方的观点讲清楚, 事过之后才不会有隔阂, 虽然一时争执, 但对以后交往并非坏事, 否则两人间反而有隔阂» / «Донесение друг другу личных точек зрения возможно только в споре, только таким образом можно преодолеть разобщение; спорная ситуация рано или поздно будет окончена, и она не навредит последующему общению; напротив, ее отсутствие породит отчужденность»⁶⁸ [汪风炎, 郑红, 2013, с. 139–146].

Здесь мы можем видеть активное участие китайцев в конфликтной ситуации, но тем не менее, основополагающей целью такой коммуникации является достижение согласия и гармонии через самосовершенствование.

Агрессивное, зачастую иррациональное ведение споров поясняется только спецификой характера, окказиональным исключением из норм китайского дискурса: «我一向喜欢将对方驳哑口无言» / «склонность доказывать несостоятельность собеседника в споре до онемения»⁶⁹.

⁶⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁶⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

6. «Подчинение большинству» / «从众». Широко наблюдаемое явление в китайском обществе восходит к основным добродетелям даосизма – «三宝» / «три добродетели». В 67-ой главе трактата даосского учения «Дао дэ цзин» («道德经») указано:

«我有三宝，吃而宝之。一曰慈，二曰俭，三曰不敢为天下先» / «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое – это человеколюбие, второе – бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других»⁷⁰ [道德经, URL: <http://www.daodejing.org/download.html>].

Об этом традиционном стремлении «не нарушить нормы поведения и речи» / «怕出格» свидетельствует китайская фраземика, конституирующая сознание китайцев, а значит, языковое поведение, в том числе скромность в высказываниях:

«树大招风» / букв. «большие деревья привлекают ветер»; обр. «успех вызывает зависть и критику»;

«人随大众不挨骂，洋随大群不挨打» / «человек, равно как все люди не терпит брани; баран, равно как и все стадо не терпит побоев»;

«抢打出头鸟» / «взять на себя почин в соревнованиях»;

«人怕出名猪怕壮» / «человек опасается стать известным, как свинья опасается потолстеть» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Следование общественным нормам и ограничениям, обеспечивает безопасное положение – минимизирует его шансы быть замеченным, а значит, подвергнуться критике:

«上游冒险，下游危险，中游保险» / «высокое положение опасно, низкое тоже рискованно, безопасно промежуточное положение»;

«法不责众» / «массовые проступки остаются безнаказанными» [Там же].

Своего рода «притворение большинством» также объясняет характерное для китайского сообщества вовлечение в дискурс больше необходимого

⁷⁰ Перевод выполнен Ян Хиншуном.

количества участников. Например, в случае возникновения какой-либо бытовой сложности в отеле или кампусе университета помимо адресанта и служб, несущих ответственность за данное направление, как правило, задействуется максимальное количество служащих этой организации, вне компетенции которых лежит решение проблемы. Прямые ответственные таким образом создают эффект «массовых обязательств» / «大众负责» и в случае неразрешения проблемы «снимают» с себя вину. По этой причине урегулирование вопросов является более энергозатратным, чем в «западной» культуре.

В целом, по мнению Г. Чэня и Р. Ма, установление китайской межличностной гармонии является общественным действием и зачастую направлено лишь на завуалирование истинных мыслей и намерений коммуникантов. Вербальное поведение, заданное коммуникативным вектором «Гармония» / «中和», вызывает достаточные сложности у некитайцев и нежелание включаться в китайский дискурс по причине отсутствия в нем эксплицитного выражения интенций, свойственного европейской и североамериканской культурам [Chen, Ma, 2002].

Максимальное невступление в конфронтации, характерное для китайского дискурса, создает в китайской социальной интеракции эффект «саркофага» и поддерживает его, т.е. гармония как главная черта благочестивости, следования высшим канонам выступает в роли катализатора «гниения» разногласий, а возможно, и причин, их породивших.

Период интенсивного экономического развития китайского государства, его успешные экономические реформы, за 30 лет возродившие могущество страны, привели к возникновению дискурсов, связанных с проблемами миграции рабочих и их семей в мегаполисы, нетрудоустроенности, нарушения экологического баланса. Эти негативные последствия в свою очередь вызвали ответную реакцию – появление дискурса, направленного на «выстраивание и сохранение гармоничного общества» / «和谐社会». Этот своего рода

макродискурс гармонизации общества, «ратифицированный китайским руководством и направленный на стабилизацию ситуации усугубляющегося идеологического кризиса» [Переверзев, 2014, URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada14.pdf>], реализуется в современном китайском обществе в первую очередь посредством публикации материалов в средствах массовой информации, в т.ч. аналитического характера, посвященных крайней материальной поляризации членов китайского общества, экологической опасности, проблемам национальных меньшинств и обнищания некоторых территорий. Данный феномен озвучивания существующих проблем, несвойственный ранее идеологии китайского государства, можно концептуализировать как «дискурс оказавшихся в слабом положении» / «弱势人群话语». Таким образом, коммуникативный вектор «Гармония» становится легитимирующим культурно-философским ориентиром современной китайской идеологии, реализуемой в дискурсе.

Гармонизация общества реализуется посредством диалектического подхода к освещению событий и поиска способов решения сложившихся ситуаций. Современный Китай, являющийся хранилищем собственных философских и правовых концепций, придерживается равновесия в условиях глобализации путем ассимиляций мировых трендов и идей. Как отмечает Ши Сюй, современный китайский медиа-дискурс за последние годы претерпел значительную реорганизацию. В противовес репортажам о т.н. «радужных» событиях, конституирующих китайский медиа-дискурс до недавнего периода, отмечается освещение «плохих» новостей, которые могут иметь общественный резонанс. «Плохие» новости освещаются не только в региональной прессе, но и в новостных газетах и агентствах ЦК Коммунистической партии Китая – «Жэньминь жибао» («人民日报»), официальной китайской англоязычной общественно-политической газете – «Чайна Дейли» («China Daily») и научных изданиях – «Социологическая

еженедельная газета» («社会科学报»), «Еженедельная газета Гуанмин» («光明日报») [Shi, 2014, с. 86].

Более того, в китайской коммуникации (особенно яркие примеры наблюдаются в политическом дискурсе) гармония часто сохраняется за счет оппозиций мировым главенствующим установкам, в парадигме которых китайская общественная и политическая система является «неправильной», «нарушающей права человека» и т.д. [杨娜, 2014].

Ши Сюй вслед за Г. Чэнем именуется указанный модус культурно-коммуникативного вектора «Гармония» как «сначала – этикет (подарки), потом – оружие (*обр.* «не добром – так силой; не милостью – так кнутом») / «先礼后兵» [Chen, 2004; Shi, 2014]. В качестве иллюстрации дискурса, выстроенного по этому сценарию, исследователи обращаются к фильмам «Превратности Гонконга» («香港沧桑»), «Опиумная война» («鸦片战争»), снятым в Китае, и известным книгам «Китай может сказать НЕТ» («中国可以说不»⁷¹), «Призывы: пять голосов современного Китая» («呼唤: 当今中国的5种声音»⁷²) [Shi, 2014, с. 86].

Ниже мы приводим анализ фрагмента текста статьи «Тревожные мысли о 2004 году», опубликованной «Синьхуа» («新华»), крупнейшим центром информации и пресс-конференций, официальным информационным агентством правительства КНР. По мнению Ши Сюя, этот текст представляет собой образец «достижения культурного баланса»:

«2004 год留给人类的将是一个大问号, 4月份揭露出来的阿布格里卜监狱的虐囚暴行, 激起了全世界的愤慨与忧虑, 你把照片的一半遮起, 见到的是一名美国女兵的笑, 遮住另一半, 是囚犯悲惨的号。一边是天堂, 一边是地狱, 却近在咫尺, 同处一室, 这世界怎么了? 什么苦心? 简言之, 美国正

⁷¹ 宋強, 張藏藏, 喬邊, 古清生, 1996.

⁷² 凌志军, 马立城, 2011.

在从事一项用美国的政治制度和价值观改造世界的“宏图大业”正在建立“美国强权之下的和平”可见，小布什还未上台，推翻萨达姆的计划早已定了。在反恐的旗帜下想打谁就打谁，“单边主义”和“先发制人”理论都变成了行动。中国不谋求霸权，中国愿意同美国及全世界各国交朋友。促进共同发展，实现互利双赢，这才是最好的结果。中国已明确提出在国内构建和谐社会，同样，一个和谐的世界也是中国永恒的追求» / «2004 год поставил перед человечеством большой знак вопроса. (1) Зверские пытки в тюрьме Абу-Грейб вызвали возмущение и ужас во всем мире, (2) прикройте одну половину фотографии, и вы увидите заливающуюся смехом американскую женщину-солдата; прикройте вторую половину, и вы увидите заключенного, режущего от боли, на одной половине – рай, на другой – ад, совсем рядом, в одной комнате, (3) что случилось с этим миром? <...> (4) Что за «отчаянная попытка»? <...> (5) Находясь в ореховой скорлупе, Соединенные Штаты Америки проводят «грандиозную кампанию» по изменению мироустройства согласно собственной политической и моральной системе и установлению мира под американским гнетом. <...> (6) Очевидно, что Джордж Буш решил убрать Саддама до вступления в должность. <...> (7) Под прикрытием «политики против терроризма» американские власти нападают на кого угодно, оправдывая свои действия теориями «превентивных мер» и «унилатерализма». <...> (8) Китай не стремится к гегемонии; он стремится находиться в дружеских отношениях со всеми странами. Лучшим возможным результатом этих взаимоотношений является мировой прогресс и гармония (9)»⁷³ [цит. по: Shi, 2014, с. 87].

Исследователь предлагает следующий вариант интерпретативного анализа данного фрагмента дискурса согласно модели китайского культурологического дискурс-анализа, описанной нами в первой главе работы: «Первое предложение (1), декларируемое как вопросительное, вводит

⁷³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной. В тексте переводе сохранена авторская пунктуация.

контрадикцию с имиджем США, репрезентированном в отечественном массмедийном пространстве. Повествовательное описание «возмущения и ужаса» как результата зверских пыток интенсифицирует дискуссионность вопроса. При этом номинация актора этих действий – США – присутствует только имплицитно. Контрастивность двух образов (3) также вызывает несоответствия моделируемой американцами собственной репутации. Риторические вопросы (4) и (5) выполняют ту же задачу, что и (1). Ряд цитат (5) и (7) используется для придания иронического оттенка и выражения несогласия. Репрезентация американского дискурса, отличного от представленного в самих США во фрагментах (6), (7) и (8), направлена на разоблачение истинных намерений. Представление позиции Китая (9) контрастирует с презентацией США» [Shi, 2014, с. 88]. Таким образом, мы можем видеть, что построение дискурса «на контрасте» посредством лексики и риторических приемов является одним из способов создания и поддержания гармонии в китайской коммуникации.

В исследованиях ученых в рамках китайского культурологического дискурс-анализа отмечается, что модусы, применяемые участниками китайского дискурса, направленные на достижение гармонии, в «западном» подходе расцениваются как манипулятивный маневр правительства Поднебесной для продвижения своих политических интересов:

«中国政府清醒地认识到，中国人口与发展的矛盾依然尖锐，面临诸多困难和挑战：人口数量将在较长时期内继续增长，预计未来十几年每年平均净增 1000 万人以上，给经济、社会、资源、环境和可持续发展带来巨大压力；人口总体素质较低的状况在短时期内难以根本改观，与科学技术迅猛发展的要求不相适应；劳动年龄人口大量增加，就业压力居高不下；在经济尚不发达情况下进入老龄社会，给建立完备的社会保障体系增加了难度；地区间经济和社会发展不平衡现象将长期存在，消除贫困的任务依然艰巨；流动人口增加、农村人口进入城镇以及人口在不同地域间的中心分布，对传统的经济社会管理体制及相关人口政策产生重大影响；在完善社会主义市场经济体制

的过程中, 各种矛盾和问题将进一步显现, 人口与发展问题面临的复杂性依然存在» / «Китайское правительство в полной мере знает о существующих сложностях и противоречиях, связанных с вопросами населения и развития. Население страны будет продолжать увеличиваться в следующие годы. Мы можем предположить, что прирост населения составит более 10 миллионов человек, что создаст опасность для планового развития страны, экономики, потребления ресурсов и негативно скажется на экологии. Представляется достаточно сложным сбалансировать скорость технического прогресса и прирост населения в короткий период. Безработица большого количества людей результируется в возрастании конкуренции за рабочие места. Проблема старения населения также угрожает эффективному продвижению вперед. Преодоление разрыва между богатыми и бедными по-прежнему остается сложной задачей, связанной с дисбалансом экономического и социального развития. Традиционная система плановой экономики и регулирование прироста населения находятся под большим влиянием текучести народонаселения. Массы людей переезжают из деревни в город, формируя новые системы рассредоточения в разных местностях, что приводит к сложным и многоплановым конфликтам»⁷⁴ [杨娜, 2014, с. 186].

В анализе указанного фрагмента текста официального обращения властей КНР к гражданам с позиции китайского культурологического дискурс-анализа, где представители правительства КНР дают прогностический вариант развития государства в случае непринятия протекционистских мер, исследователь Ян На выделяет стратегию «самоуничужения» («self-derogative way of speaking»). На текстовом уровне эта стратегия реализуется использованием кластера лексических единиц, гиперболизирующих опасность, связанную с перенаселением. Эту же функцию выполняют параллельные синтаксические конструкции.

⁷⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Необходимо отметить, что «западные» ученые расценивают эти приемы как логический софизм» («logical fallacy») с позиции принципа «озвучивания правды» («truth-making»), принятого в собственной коммуникации [杨娜, 2014, с. 186]. В противовес им китайские исследователи настаивают на том, что применяемая стратегия «самоуничужения» направлена не на устрашение населения, а на повышение осознания жителями страны необходимости заботиться о ней в долгосрочном периоде. Такая трактовка стратегии «самоуничужения» китайские дискуртологи обосновывают культурным контекстом коммуникации своего государства, где целеполагающим ориентиром является гармоничное сосуществование всех его элементов. В этом конкретном случае гармония достигается посредством выстраивания коммуникации согласно культурно-коммуникативному вектору «Диалектический подход» / «辩证思维», т.е. гармония достигается посредством напоминания о потенциальном неблагоприятном развитии ситуации, мобилизующем национальное сознание в случае реальной угрозы [Chen, 2004; Shi, 2014; 杨娜, 2014]. Тем самым имплицитно определяется деятельность актора дискурса – правительства КНР как созидателя гармонии, сбалансированного сосуществования общества.

В данном параграфе мы представили историко-философскую проекцию формирования культурно-коммуникативного вектора «Гармония» / «中和», определяемого в китайской лингвокультуре как абсолютная цель коммуникации, метафункция человеческой интеракции. Нами также были рассмотрены традиционные типы гармоничного взаимодействия и конкретные модусы реализации этого вектора в современном китайском дискурсе.

Культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和», целеполагающий конституент китайского культурно-дискурсивного пространства, является главным критерием в парадигме китайского культурологического дискурс-анализа для оценки коммуникативных действий

и взаимодействий доминирующих и миноритарных сообществ, включая способы поиска, конструирования и сохранения гармонии между отдельными индивидами, микрогруппами, социумами и государствами.

2.3 Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» (ляньмянь)

Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» и, как следствие, его «сохранение» является квинтэссенцией китайского дискурса, определяющей социально-нормативное поведение человека. По выражению Т.В. Ивченко, «лицо» – это понятие столь же очевидно осязаемое, сколь и неуловимое, именно в силу своей вездесущности и своего «всеприсутствия» [Ивченко, 2014, URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca.html>].

Несмотря на то что коммуникативный вектор «лицо» конституирует китайское повседневное социальное взаимодействие и дискурс, он, по выражению Ван Фэн'яня и Чжэн Хуна, является «замыленным» феноменом» / «熟视无睹现象», который носители китайской культуры воспринимают априорно [汪风炎, 郑红, 2013, с. 225]. Понимание и трактовка этой руководящей идеи вызывает достаточные сложности и противоречия у исследователей. Поясняя перцепцию понятия «лицо» самими китайцами, ученые цитируют высказывания Су Дунпо⁷⁵, писателя и каллиграфа династии Северная Сун: «不识庐山真面目, 只缘身在此山中» / «Не знать истинного облика гор Лушань, потому что сам находишься в горах»⁷⁶ [цит. по: 汪风炎, 郑红, 2013, с. 208]. Приведенное изречение свидетельствует о том, что носители китайского языка и культуры, вербальное и невербальное поведение

⁷⁵ 苏东坡, 1037-1101 гг.

⁷⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

которых с рождения детерминировано данным вектором коммуникации, не осознают сложности его понимания, а действуют интуитивно.

В китайском языке лицо репрезентуется знаками «脸» (лянь), «面子» (мяньцзы), «脸面» (ляньмянь), «表面» (бяомянь), «情面» (цинмянь), «形象» (синсян), «印象» (иньсян), «外表» (вайбяо) [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Их объединяющим семантическим ядром является «социальный статус», «соответствие человека нормам социального поведения», «внешняя сторона, проявляющая это соответствие»:

«有面子» / «пользоваться уважением, иметь престиж (доброе имя)»;

«爱面子» / «заботиться о своей репутации, бояться потерять лицо; самолюбие; самолюбивый»;

«给脸» / «пощадить (чьё-л.) самолюбие, поддержать (чей-л.) престиж»;

«死要面子或受罪» / «до смерти бояться потерять лицо (это сродни наказанию)»;

«失面» / «потерять лицо, честь»;

«给面子» / «уважать чувства (кого-л.), оказать (делать) честь (кому-л.)»;

«死不要脸» / «потерять всякий стыд»;

«真丢脸» / «потерять лицо, осрамиться; сделать из себя посмешище; вызывать к себе презрение»;

«丢人» / «потерять лицо перед посторонними, осрамиться, опозориться»;

«不留情面» / «беспощадный, безжалостный»;

«厚脸皮和撕破脸» / «быть толстокожим (дерзким, наглым, бессовестным, бесстыдным, нахальным) и разорвать отношения, рассориться (букв. разорвать лицо)»;

«人要脸, 树要皮» / «беречь честь человеку необходимо настолько же, насколько дереву нужна кора»;

«不看僧面看佛面» / «не смотри на монаха, смотри на Будду» (о благодеянии, оказываемом ради стороннего лица)»;

«打肿脸充胖子» / «бить по лицу, чтобы оно распухло для придания значительного вида (преувеличивать свои возможности, кичиться, делать что-то, превышающее свои возможности)»;

«面孔» / «престиж, честь, достоинство»;

«笑面虎» / «улыбающийся тигр (*обр.* вероломный, двуличный, коварный, гиена в сиропе, волк в овечьей шкуре)»;

«面目» / «честь, самоуважение»;

«体面» / «честь, достоинство, репутация, престиж; порядочность; приличие, пристойность»;

«面皮» / «деликатность; чувство стыда»;

«颜面» / «совесть; честь, достоинство; репутация»;

«面谱» / «рамки приличия»;

«面貌» / «облик; обличье»;

«装门面» / «украшать фасад (*обр.* сохранить видимость, блюсти фасон, держать марку; для показа, показуха)»;

«青面獠牙和八面威风» / «синяя морда, торчащие клыки (злобный, свирепый, жуткий, кошмарный, чудовищный) и чрезвычайно внушительный; величественный и воинственный» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Как можно видеть из приведенных сочетаний, наиболее употребляемыми знаками в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках являются знаки «面» (мянь) и «脸» (лянь).

Понятие «лицо», восходящее к этико-политической традиции конфуцианства, воспринималось носителями китайского языка и культуры, как догмат, непреложное правило поведения в целом и точно сформулированное изложение коммуникативного поведения в частности. На наш взгляд, именно рефлексивное, догматическое восприятие специфики и наполнения китайского дискурса, детерминированного культурно-

коммуникативным вектором «Лицо» / «脸面», не способствовало появлению изучений этого феномена в самом китайском государстве.

Об этом свидетельствует тот факт, что первым исследователем этого явления стал не китайский представитель академической среды, а Артур Хендерсон Смит⁷⁷, американский протестантский миссионер, проживший в Китае 22 года. Он изложил свои наблюдения в монографии «Особенности китайцев», опубликованной в Нью-Йорке в 1894 г. В одной из 27 глав под названием «Лицо» он описывает «законы» существования лица в китайском обществе [Smith, 1894]. Как отмечает Н.А. Спешнев, произведение А.Х. Смита было типичным для формата повествования в произведениях иностранцев, долгое время наблюдавших за жизнью и дискурсом китайцев. Миссионера А.Х. Смита считают классиком этого жанра, к наблюдениям которого обращаются большинство исследователей этой темы [Спешнев, 2011].

Подчеркивая важность понятия лица в осуществлении китайской коммуникации, А.Х. Смит сравнивал данный вектор с «золотым ключом», который позволит открыть потайные двери особенностей поведения китайцев [цит. по: 汪风炎, 郑红, 2013, с. 208]. Китайское понятие «лицо» переводится на английский язык лексической единицей «face», в русскоязычном варианте мы употребляем номинацию «лицо». В некитайских вариантах «лицо» – это буквально репутация, имя, т.е. создавшееся общественное мнение о достоинствах или недостатках кого-либо. Однако китайские исследователи сходятся во мнении, что знаки «脸» (лянь) и «面» (мянь) содержат более широкий смысл, чем их некитайские варианты [高觉敷, 2005; 郭本禹, 2003; 黄希庭, 1991; 侯玉波, 朱滢, 2002; 汪风炎, 郑红, 2013].

В своих рассуждениях китайский писатель Лу Синь указывает, что потеря «лица» – это поведение, нарушающее рамки принятых регуляций действий людей [鲁迅, 1973, с. 130]. Практически одновременно с Лу Синем

⁷⁷ Smith, A. H. Chinese characteristics, 1894.

литератор и философ Линь Юйтан в своем труде «Китайцы. Моя страна и мой народ («中国人»), описывающем китайскую культуру в корреляции с европейской, рассматривает значение «лица» для китайцев. Он выделяет три «божества», правящих китайской нацией, а именно: «лицо» / «面子», «судьбу» / «命运» и «добродетель» / «恩惠», главным из которых он считает «лицо». По словам Линь Юйтана, его «нельзя умыть и нельзя относиться к нему с пренебрежением, оно абстрактно и неуловимо» [林语堂, 1994, с. 199]. Используя терминологию нашей работы, мы можем интерпретировать определение «лицо», предложенное ученым, как «требующий особого внимания и обходительности» культурно-коммуникативный вектор китайского дискурса.

В китайском культурно-дискурсивном пространстве выделяются модусы моделирования культурно-коммуникативного вектора «Лицо» / «脸面» в порядке межличностного / межгруппового / межгосударственного взаимодействия, формируемого под влиянием моральных ограничений [陶绪, 1994; 杨国枢, 1988, 2004, 2005; 汪风炎, 郑红, 2010].

1. «Откровенная демонстрация лица» / «秀脸面» подразумевает демонстрацию другим, в особенности посторонним, своих достойных поступков. «Демонстрация лица» осуществляется двумя способами: во-первых, приведением собственных достижений в качестве образца или эталона («弄样板»), часто это действие направлено на иностранных гостей или посетителей; во-вторых, приложением максимальных усилий для достижения высоких результатов («衣锦还乡» / букв. «вернуться на родину в расшитых одеждах», *обр.* «вернуться с триумфом»).

2. «Оберегание лица» / «爱脸面», «要脸面» проявляется в осмотрительности китайцев в совершении поступков, зачастую сопровождаемых промедлением (этот механизм довольно часто включается при выполнении каких-либо обязательств, в частности, в политическом или

деловом дискурсе). «Оберегание лица» сопряжено с понятием «脸皮薄», буквально обозначающим «быть легкоранимым, чувствительным к обидам и критике».

3. «Представление себя с лучшей стороны» / «争脸面» реализуется менее откровенной вербализацией собственных результатов, чем «откровенная демонстрация лица», но также направлено на «увеличение значимости своего лица».

4. «Поддержание лица» / «给脸面» предполагает действия, направленные на увеличение престижа собеседника.

5. «Сохранение лица» / «留脸面» – это пощада или поддержание лица собеседника в случае опасности его потери. Данный механизм реализуется китайцами в речевом жанре критики.

6. «Потеря лица» / «丢脸面» означает совершение действия, не соответствующего общественным нормам морали.

7. «Нанесение вреда лицу» / «损脸面» подразумевает совершение действия, наносящего урон репутации, но не разрушающего ее полностью в отличие от «Потери лица» / «丢脸面». Данный механизм реализуется китайцами в речевом жанре критики / «批评». В особенности в академическом дискурсе, когда критике со стороны педагога подвергается ученик по причине неприлежного отношения к учебе и низким результатам. Речевые действия педагога производятся в присутствии других учеников. Однако китайский преподаватель сначала укажет на достижения критикуемого (если они отсутствуют, то подчеркнет положительные личностные качества), а после деликатно подвергнет оцениванию действия студента. При этом по количественному показателю первая часть высказывания будет значительно объемнее части, содержащей осуждение. По признанию многих иностранцев, имеющих опыт обучения в китайских вузах, речевые действия педагогов пробуждают у них большее чувство вины и неловкости по сравнению с

действиями преподавателей в собственном лингвокультурном пространстве, ориентированном на эксплицитность критических высказываний.

8. «Разрыв отношений» (букв. «разорвать лицо») / «撕破脸面» приводится в действие в случае продолжительных критических высказываний, оскорблений, физических конфликтов или убийств. Указанный механизм задействуется в китайской лингвокультуре в крайних случаях.

Автор данного исследования сам стал свидетелем поведения китайского преподавателя по указанному модусу, когда его русский коллега эксплицитно поинтересовался выполнением им запланированного объема работы перед непредвиденным отъездом на родину. Реакция китайского педагога была достаточно категоричной: «我是中国人!» / «Я – китаец!». Использованное выражение подразумевало априорное «сохранение, оберегание своего лица» адресантом, в этом случае – соблюдение своих обязательств, т.к. «лицо» является главной ценностью китайской морали. До произошедшего оба преподавателя, у которых складывались дружественные отношения в течение года, планировали поддерживать связи по окончании срока действия контракта китайского преподавателя. Однако в результате коммуникативного события носитель китайской культуры даже проигнорировал вербализацию прощания с коллегой. Эксплицитный вопрос русского преподавателя был расценен как «нанесение вреда лицу», которое могло привести к «потере лица» перед заведующим кафедрой, вышестоящим по должности, следовательно, необходимости активизации ресурсов со стороны китайца для «восстановления лица» (при отсутствии гарантии, что оно будет восстановлено). Таким образом, крайними мерами, т.е. «разрывом отношений», китайский коллега продемонстрировал свой протест против действия русского преподавателя.

9. «Множественность лица» / «双脸面» обозначает использование не одного, а нескольких зачастую разных способов улучшения своей репутации.

10. «Пренебрежение лицом» / «不要脸面», оппозиционное механизму «оберегание лица», характеризуется пренебрежением совершением поступков, соответствующих общественной этике. «Пренебрежение лицом» сопряжено с понятием «脸皮厚», буквально обозначающим «быть бесстыжим, наглым». Изучением проявления «толстокожести» в коммуникации занимается направление в китайской дискурсологии, т.н. «наука о толщине и черноте» (под «толщиной» понимается «толстокожесть», «отсутствие стыда»; под «чернотой» – «черная душа»), или «наука о бесстыдстве и коварстве» / «厚黑学» [李庆善, 1996].

11. «Смертельная боязнь потерять лицо» / «死要脸面», по мнению специалиста в области социологии и коммуникативистики В. Бенуа, включает четыре основных тактики: во-первых, отрицание или непризнание собственной ошибки; во-вторых, избегание противоречий или превращение больших проблем в маленькие, а маленьких – в ничто; в-третьих, перекладывание вины на других; в-четвертых, симулирование чувства вины. В таких случаях китайцы, как правило, прибегают к использованию выражений подобных этому: «虽不是我的错, 但我也有责任» / «Пусть это не моя вина, но я тоже несу ответственность»⁷⁸ [汪风炎, 郑红, 2013, с. 229].

Ниже мы приводим фрагмент интервью Лю Цзяньчао, официального представителя МИД, воспроизводящего реакцию Пресс-канцелярии Госсовета КНР на материалы ежегодного доклада Госдепартамента США, критикующего другие страны, включая Китай, за нарушения прав человека:

«美国国务院发表的所谓年度国别人权报告, 对中国的人权状况进行无端指责。中国对此表示强烈不满和坚决反对。中国的人权状况如何, 中国人民最有发言权。中国政府坚持以人为本、执政为民, 在扩大民主、加强法治等方面做了大量工作, 中国人民享受各项人权的水平全面提高。我们希望美方

⁷⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

多关注一下自己的人权问题，多做对恢复中美人权对话与交流有益的事» / «В так называемом «Докладе о правах человека в странах мира», опубликованном Государственным департаментом США, присутствует безосновательная критика положения дел в КНР. В связи с этим Китай выражает сильное недовольство и решительное возражение. При любой ситуации, сложившейся с правами человека в Китае, китайский народ имеет право выразить свое отношение к ней. Китайское правительство твердо придерживается главенствующих принципов: «Человек превыше всего» и «Управление, направленное на благо людей». Мы проделали огромную работу по демократизации общества и усилению верховенства права. Жители Китая имеют все права человека и пользуются ими. Мы надеемся, что американская сторона обратит внимание на ситуацию в своей стране на вопрос о правах человека и наладит эффективный китайско-американский диалог по этой проблеме»⁷⁹ [цит. по: 施旭, 2010, с. 154].

На текстовом уровне модус культурно-коммуникативного вектора «Лицо» / «脸面» – «Нанесение вреда лицу» / «损脸面» (в данном случае, протест против содержания доклада США) реализуется через атрибутивные сочетания «强烈不满» («сильное недовольство») и «坚决反对» («решительное возражение»). Более того, номинация доклада США прилагательным «所谓» («так называемый») определяет тональность всего фрагмента текста, ставя под сомнение объективность представленных в официальном документе данных. Эксплицитное указание на собственные вопросы оппонента «多关注一下自己的人权问题» («обратит внимание на ситуацию в своей стране на вопрос о правах человека») является достаточно несвойственной, предельной формой китайской интеракции. По мнению специалистов в области китайского культурологического дискурс-анализа, подобного рода «противостояние» традиционно сдержанных и скромных в речах носителей китайской лингвокультуры воспринимается «западными» СМИ, официальными

⁷⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

властями и дискурсологами как высокоагрессивное, что репрезентируется в «западных» исследованиях китайского дискурса.

Тем не менее, проводимые исследования доказывают, что модус «Сохранение лица» / «留脸面» в китайском дискурсе реализуется активнее, чем «Нанесение вреда лицу» / «损脸面» или «Разрыв отношений» / «撕破脸面»:

«卫亚非表示对欧盟的提议非常失望，希望欧盟部长会议能认真对待此事，给予中国企业一个公正的裁决» / «Вэй Яфэй глубоко разочарован предложением Евросоюза, но выражаю надежду на то, что совет министров Евросоюза сможет с полной серьезностью отнестись к данному вопросу и вынести справедливое решение»⁸⁰ [цит. по: Shi, 2010, с. 154].

Данный текст является фрагментом дискурса между Китаем и Евросоюзом в отношении торгового протекционизма в отрасли обувной промышленности и продления срока действия антидемпинговых мер против китайской кожаной обуви на территории ЕС. В торговом противостоянии с Евросоюзом китайские власти, несмотря на резкость заявлений и принятие санкционных мер, выражают надежду, что оппонент пересмотрит свое решение, тем самым реабилитирует себя, восстановит свой статус. В данном фрагменте модус «Сохранение лица» / «留脸面» реализован сложноподчиненным противительным предложением с включением сочетаний «公正的裁决» («справедливое решение»), «认真对待» («серьезно, ответственно воспринять») и модального глагола «能» («мочь»).

В мировой научной практике понятие «лицо» было подвергнуто изучению с различных перспектив: социологической, психологической, культурной, коммуникативной [Goffman, 1955; 杨国枢, 1988; 金耀基, 1988; 刘兆吉, 1992; 葛鲁嘉, 1995; 曾文星, 1997; 佐斌, 1997; 黄光国, 1988, 1998; 汪风炎, 2000, 2007, 2008, 2013; 朱瑞玲, 1995; 李庆善, 1996; 朱瑞玲, 2006; 胡先晋,

⁸⁰ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

2006; 王登峰, 2012]. В целом исследователи данного феномена сходятся в следующих позициях:

- «лицо» является культурно-психологическим явлением, данным в чувственном созерцании;
- «лицо» всегда погружено в ситуацию;
- взаимодействие «лицом к лицу» происходит по особенному порядку;
- «лицо» является ресурсом, обеспечивающим коммуникацию внутри социума, следовательно, существует необходимость обеспечения его сохранности и защиты.

Китайское и некитайское понятие «лицо» реализуются в коммуникации под действием двух разных интенций. Европоамериканское «лицо» ориентировано на желания индивида и реализуется под действием центробежной силы. В китайской практике это центростремительная сила, так как «лицо» тяготеет к социальному одобрению и детерминировано иерархической зависимостью [Matsumoto, 1988; Mao, 1994; Shi, 2013].

Конфуцианская традиция сделала «лицо» самым сложным, изощренным понятием, «священным» атрибутом, который можно потерять, спасти, подарить и т.д. Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» является одним из главных конститuentов, регулирующих политический, экономический, военный, дипломатический и повседневный дискурсы Китая.

2.4 Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» (лимао)

Китайское понятие «ли» / «礼», переводимое на русский язык как «этикет, приличия; акт учтивости, правила вежливости; учтивость, такт; культурность» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>], является краеугольным камнем конфуцианской философии, принятой в качестве государственной доктрины в эпоху Хань (206 г. до н.э.-220 г. н.э.). Понятие «ли» / «礼»

интерпретируется Конфуцием не как акт почтительной вежливости, а как политес или установленный порядок соблюдения форм этикета, являющийся основным принципом поддержания общественной иерархии.

Следует отметить, что в китайском языке в отличие от русского отсутствует разграничение этикета и вежливости. По словам В.В. Дементьева, «принципиальная разница между ними состоит в том, что нормы этикета не дают человеку свободы выбора и ставят употребление того или иного знака в жесткую зависимость от релевантных социальных отношений (ситуация общения, возраст, интимность, служебное положение, роли говорящего и слушающего и т.д.), тогда как выражение или невыражение вежливого отношения является свободным, факультативным» [Дементьев, 2013, с. 248]. В китайской лингвокультуре «этикет» и «вежливость» обозначаются одним сочетанием знаков, образованным по копулятивной модели: «礼» / «этикет, приличия; акт учтивости, правила вежливости» и «貌» / «поза; манера держаться; достойные манеры, этикет» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Совокупность этих знаков складывается в понятие «礼 貌» / «этикет, вежливость» и имеет буквальное значение «вежливый вид или облик». В заключительном трактате конфуцианского канона «Мэн-цзы» («孟子»), датированном около III в до н.э., правила вежливости сформулированы таким образом:

«礼 貌 未 衰，焉 弗 行 也，则 去 之» / «Намерения и поступки должны быть гармоничны, манеры речи и поведения должны проявлять дружественный настрой и уважение к окружающим»⁸¹ [孟子全文, URL: <http://www.liuxue86.com/a/2688507.html>].

На такое определение этикета в русской лингвокультуре указывают В.С. Храковский и А.П. Володин: «Соблюдая правила речевого этикета, мы не бываем специально учтивы или любезны, мы нейтральны в этом отношении и

⁸¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

иными быть не можем в ситуации принудительного выбора одной из двух форм обращения. Правда, мы можем нарушить правила речевого этикета, но тогда от нейтральной (а не вежливой!) формы обращения мы переходим либо к грубой, либо к странной форме» [Храковский, Володин, 1986, с. 225].

В китайской лингвокультуре вежливость – это не косвенно речевое явление, представляющее собой факультативное «украшение» речи, а абсолютное тождество этикета как языкового явления, при нарушении которого, по мнению В.В. Дементьева, «не может нормально осуществляться коммуникация» [Дементьев, 2013, с. 248].

По словам Л. Мао, ««быть вежливым» («有礼貌» – букв. «иметь лицо») подразумевает «знать, как обращаться с «мяньцзы» («面子») и «лянь» («脸») друг друга и выстраивать речевые акты в соответствии с этими образами. Иными словами, китайцы считаются вежливыми, если они демонстрируют при помощи слов знание «мяньцзы» («面子») и «лянь» («脸»). Такая демонстрация и есть воплощение вежливости для коммуникативного партнера. Быть вежливым без надлежащего понимания «мяньцзы» («面子») и «лянь» («脸») подобно тому, что «устроить вечеринку без гостей» [Мао, 1994, с. 463].

Китайская «вежливость» является самым исследованным и исследуемым вектором китайской коммуникации с начала 80-х годов прошлого столетия. В это время появляются работы социопрагматической и социолингвистической направленности. Монография Ю. Ли-ши «Вежливость в речи и обучение иностранному языку» («Conversational politeness and foreign language teaching») считается первым полным социопрагматическим трудом того периода [Lii-Shih, 1986]. Прагмалингвисты Д. Кадар и Ю. Пань выделяют три основных направления исследований феномена «вежливость» китайского лингвосоциокультурного пространства [Pan, 1995; Pan, Kádár, 2010]:

1. Исследование китайских речевых актов вежливости и других форм межкультурного вежливого общения [Zhan, 1992; Zhang, 1995; Pan, 1995; Hong, 1996; Li, Li, 1996; Chen, 1996, 元庭栋, 2004].

2. Внутрикультурные и межкультурные исследования китайской коммуникации [Ting-Toomey, Gao, Trubisky, Yang, Kim, Lin, Nishida, 1991; Chen, 1993; Yeung, 1997; Spencer-Oatey, 1997].

3. Исследования вежливости в исторической ретроспективе [Kádár, 2007, 2008; Pan, Kádár, 2010].

В данном разделе мы подробнее остановимся на рассмотрении части работ, которые, на наш взгляд, содержат анализ понятия «вежливость» именно как культурно-коммуникативного вектора, определяющего специфику и содержательное наполнение китайской коммуникации.

Китайская система обращений как экспликаторов вежливости достаточно основательно описана в труде выдающегося китайского лингвиста Чао Юаньжэня, родившегося на закате последней династии Среднего государства. В своей монографии «Аспекты китайской социолингвистики» («Aspects of Chinese sociolinguistics»), состоящей из 26 статей, опубликованных в период с 1943 г. по 1976 г., он подробно описывает существующие проблемы китайского языкознания, включая сосуществование путунхуа, официального языка в Китайской Народной Республике, и диалектов на территории государства; компаративный анализ китайского языка с другими, в частности, с английским языком; логику и семантику китайского языка [Chao, 2008]. Его статья «Китайские термины обращения» («Chinese Terms of Address»), вышедшая в свет в 1956 году, является классическим примером исследования терминов обращения как маркеров коммуникативного дистанцирования.

Исследователи Ю. Гу и Ю. Чао в своих рассуждениях приходят к выводу о зависимости выбора языковой единицы номинации адресата от ряда переменных. Эти переменные определяются экспрессивной или оценочно-характеризующей функцией, например, возрастная категория, гендер или формальность / неформальность общения [Gu, 1990; Chao, 2008].

Ученые также отмечают проблемы в межкультурной коммуникации, связанные с различиями функционирования терминов обращения в китайском

и английском языках [Gu, 1990; Chao, 2008]. В первую очередь отмечается разница в порядке следования имени и фамилии в двух языках. Однако данное несовпадение является достаточно «аллювеальной» сложностью, в то время как большие вопросы возникают при употреблении китайцами терминов родства для номинации лиц, с которыми они не имеют кровных связей, таких как «爷爷» / «дедушка», «奶奶» / «бабушка», «叔叔» / «дядя», «阿姨» / «тетя» [Gu, 1990, с. 250]. Данное обращение является неприемлемым в английской культуре, когда в китайском социуме оно является маркером вежливости. В китайской лингвокультуре обращение путем автономной номинации профессии адресата является весьма распространенным явлением («老师» / «преподаватель», «大夫» / «врач», «总经理» / «директор»), а в английской культуре оно может быть интерпретировано как самопредставление.

Формы обращений как маркеры политических и социальных трансформаций в жизни китайского общества с 1949 г. были изучены в работах Х. Фана и Дж. Хэна, включая номинации, характерные для официально-делового стиля; изменение использования традиционных обращений («先生» / «господин», «太太» / «госпожа», «小姐» / «мисс»); употребление стандартной и вежливой формы местоимения второго лица единственного числа «你» / «ты, вы» и «您» / «Вы». В своих публикациях Х. Фан и Дж. Хэн также обратили внимание на изменение форм обращения по отношению к лицам женского пола [Fang, Heng, 1983].

Сходный анализ производится в работе К. Скатоны и В. Чжу, где изучаются модели конструирования обращения с «同志» / «товарищ» и изменение коммуникативных ситуаций языковой формы обращения:

«同志» (собственно номинация) / «Товарищ»;

«王同志» (фамилия + номинация) / «Товарищ Ван»;

«王伟国同志» (полное имя + номинация) / «Товарищ Ван Вэйго»;

«主任同志» (двойная номинация) / «Товарищ директор».

При этом построение обращения по модели «имя + социальный статус» допустимо только по отношению к нижестоящему. К. Скоттон и В. Чжу указывают, что иерархия отношений в данном случае маркируется префиксами «老» / «почтеннейший» или «小» / «младший» [Scotton, Zhu, 1983].

В отечественной лингвистике были выделены основные факторы, влияющие на выбор обращения в китайском языке, которые также имеют важное значение при именовании третьего лица и самоименовании:

1. Характер отношений: родственники / не родственники; свой / чужой; знакомый / незнакомый; дружественные / недружественные / нейтральные; начальник / подчиненный;

2. Возраст коммуникантов: старше / младше / одного возраста; одного поколения / разного поколения;

3. Социальный статус и положение общающихся: равные / выше / ниже адресата; крестьяне / рабочие / служащие / интеллигенция / студенты и т.д;

4. Пол коммуникантов;

5. Атмосфера общения: официальная / неофициальная; торжественная / обычная;

6. Место общения: город / деревня; столица / провинция / промышленный город / свободная экономическая зона; семья / учреждение / общественные места [Курилова, 1997].

Отметим, что система адресации к собеседнику посредством терминов родства в китайском языке проявила свою устойчивость как в традиционном, так и современном дискурсе, включающем дискурс периода раннего правления Коммунистической партии (1949-1969 гг.), дискурс Культурной революции (1969-1979 гг.) и дискурс политики реформ и открытости (1979 г.- наши дни). Патриархальный уклад семьи выступает в качестве основы государственного функционирования во все периоды развития китайской цивилизации. Одним из примеров является активное использование номинации «大哥» / «старший брат» по отношению к собеседнику, не состоящему с говорящим в родственных отношениях, или номинация клиента

персоналом частных магазинов в южной части Китая в целях установления максимально тесного контакта словом «阿嫂» / «жена брата, невестка» [Pan, 1995], т.н. интимизации общения. В целом исследователи сходятся во мнении, что изменение маркеров вежливости является прямым следствием общественных метаморфоз, которые напрямую влияют на систему обращений в китайском дискурсе [Fang, Heng, 1983; Scotton, Zhu, 1983].

Первой комплексной лингвистической работой, рассматривающей историческое обоснование явления «вежливость» в современном китайском языке, а также его реализацию в речевом общении, включая способы номинации адресата, по праву считается статья лингвиста Ю. Гу «Феномен «вежливость» в современном китайском языке» («Politeness phenomena in modern Chinese») [Gu, 1990]. Ю. Гу иллюстрирует соблюдение «ли» («礼») / «этикет; правила вежливости» в эпоху феодальной династии Чжоу⁸² посредством самономинации слугами или рабами лексической единицей «奴才» / «раб, слуга» и обращения подданных к вышестоящему по чину как «大人» / «господин, Ваше превосходительство» или «主子» / «хозяин, господин, Вы» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Ученый отмечает, что нарушение установленного порядка обращений рассматривалось как «выступление против вышестоящих и оскорбление высших» / «犯上», которое каралось строгим наказанием [Там же]. В своих рассуждениях Ю. Гу ссылается на одно из главных произведений конфуцианской канонической литературы, входящее в состав конфуцианского «Пятикнижия», или «У цзин» («五经»), «Записки о правилах благопристойности»⁸³, или «Ли цзи» («礼记»):

«礼也者，理也 / «Политес есть порядок»⁸⁴ [四书五经, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/agRsGDSAAdtjr>]. При этом соблюдение «ли» / «礼»

⁸² ориент. 1045 до н.э.-221 г. н.э.

⁸³ «Книга ритуалов», «Книга установлений», «Книга обрядов», «Трактат о правилах поведения, «Записки о нормах поведения».

⁸⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

подразумевает самоуничижение и подчеркнутую учтивость по отношению к собеседнику [Gu, 1990, с. 238].

Необходимо отметить, что современный термин, обозначающий «вежливость» – «礼貌» является дериватом от конфуцианского «礼» / «этикет, приличия, правила вежливости». Ю. Гу выделяет такие четыре варианта трактовки явления «вежливость» в китайской лингвокультуре, как «уважение», «скромность», «душевность» и «изысканность». При этом «уважение» квалифицируется как «положительное оценивание или восхищение собеседником с учетом «лица», социального статуса и т.д.». «Скромность» трактуется как «самоунижение». «Душевность» рассматривается как «демонстрация доброго отношения, почета, радушия», а «изысканность» – как «поведение по отношению к другим с соблюдением определенных правил». Автор также подчеркивает, что конкретное коммуникативное событие необязательно включает все четыре конструкта одновременно [Gu, 1990, с. 239]. В терминологии данного диссертационного исследования этот факт мы трактуем как возможную реализацию культурно-коммуникативного вектора «Вежливость» / «礼貌» одним из вышеуказанных модусов. Более того, в китайском языке следует разграничивать эксплицитную и имплицитную речевую материализацию данного вектора как дискурс критического характера, т.н. «невежливое» высказывание по информационной наполненности, но реализуемое посредством вежливой формы (уклончивых, не прямых выражений).

В своей работе Ю. Гу заявляет, что в первую очередь он ставит задачу рассмотреть влияние феномена «вежливость» на китайский язык как на абстрактную систему и его реализацию. Он подчеркивает, что делает свои заключения, опираясь на теории Дж. Лича [Leech, 1983, 2005], П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1978, 1987].

Ю. Гу, равно как и Л. Мао, развивший его наблюдения позже, заявляет о том, что понятие «лицо» в теории П. Браун и С. Левинсона представлено достаточно упрощенным образом и не включает специфику восприятия этого

феномена в китайской лингвокультуре. Более того, различные аспекты китайской коммуникации в достаточной степени носят формальный, ритуализованный характер, представляя собой неоднозначное соединение позитивного и негативного лица в европоамериканском восприятии [Gu, 1990; Мао, 1994]. Анализируя положения П. Браун и С. Левинсона относительно угроз «позитивному» и «негативному» лицу, Ю. Гу отрицает универсальность модели речевых актов, создающих угрозу позитивному и негативному лицу (т.н. ФТА – «face threatening acts»), и настаивает на невозможности ее наложения на китайскую коммуникацию. Исследователь говорит о том, что такие речевые акты, как «предложение», «приглашение», «обещание», не рассматриваются в китайском дискурсе как действия, нарушающие свободу собеседника, иллюстрируя утверждаемое следующим примером:

«Китаец S будет настаивать на приглашении H на ужин (данный факт подразумевает оплату S счета за ужин H), даже если H уже эксплицитно выразил свое желание, чтобы S не совершал этого. В указанной ситуации европеец рассмотрит речевое действие S как нарушающее его свободу, китаец же воспримет речевой акт S как чрезвычайное проявление вежливости, и именно длительное настаивание S разделить ужин будет служить очевидным доказательством одного из четырех указанных выше вариантов проявления вежливости – «душевности». Для носителя китайской лингвокультуры в данном случае отсутствует угроза негативному лицу, которая возникает в случаях невыполнения обещания, совершения речевых актов или действий, повлекших нанесение вреда общественному мнению о человеке» [Gu, 1990, с. 242].

Несмотря на то, что в отличие от японского и корейского языков, где вежливость грамматикализована, основными маркерами вежливости в китайском языке являются лексические единицы (обращения, глаголы), вежливость часто реализуется на дискурсивном уровне, как проиллюстрировано в вышеприведенной модели короткой беседы.

Ю. Гу подчеркивает, что феномен «вежливость» включает не только уровень двух коммуникантов, а также социальный уровень нормативных ограничений поведения, определяющих речевые акты, производимые индивидом.

Рассматривая теоретические положения Дж. Лича о существовании определенного набора правил, к которым прибегают люди в процессе коммуникации, Ю. Гу говорит о том, что анализ категории китайской вежливости наиболее эффективен с позиции максим. Он объясняет это достаточной степенью «моральности» китайского феномена «вежливость». В целях квалификации способов реализации вежливости в китайском языке Гу фокусируется на четырех, по его мнению, основных максимах:

- 1) максима самоунижения;
- 2) максима обращения;
- 3) максима такта;
- 4) максима великодушия.

В максиме самоунижения исследователь выделяет две субмаксимы – непосредственно субмаксиму самоунижения, умаления себя и субмаксиму возвышения собеседника. Причем нарушение первой субмаксимы, т.е. умаление не себя, а адресата, расценивается как проявление невежливости и грубости, а нарушение второй – как проявление заносчивости и надменности.

Исследователь иллюстрирует реализацию приведенных субмаксим примером классической китайской коммуникативной формы представления друг другу при первом знакомстве. Гу приходит к выводу о том, что, в отличие от англичан, начинающих представление с самопрезентации, возможно, из-за попытки избежать потенциальной угрозы позитивному или негативному лицу, китайцы прибегают к максиме самоунижения как к возможности первым возвысить собеседника.

В работе приводятся доказательства реализации указанной максимы на лексическом уровне. Слова «拜访», «拜见», «拜望» и «拜谒», обозначающие «нанести визит», объединены компонентом «拜» со значением «кланяться за

оказанную милость, удостоиться, быть обязанным» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Максима самоунижения реализуется при употреблении слова «回拜», переводимого на русский язык «нанести ответный визит», буквально обозначающего «вернуть поклон за оказанную милость». Аналогичным образом слово «拜读» / «ознакомиться с чьим-л. текстом» буквально обозначает «с почтением прочесть», и слово «拜别» / «проститься» отображается в китайском языковом сознании как «с почтением откланяться» и т.д. [Gu, 1990, с. 247].

Языковая реализация стратегии самоунижения и учтивости по отношению к собеседнику рассматривается Р. Сколлан и С. Сколлан в монографии «Межкультурная коммуникация: дискурсивный подход» (*Intercultural Communication: A Discourse Approach*), впервые опубликованной в 1991 г. Специалисты по межкультурной коммуникации постулируют самоунижение и учтивость по отношению к собеседнику как специфику китайской вежливости, проявляющуюся в асимметрии использования стратегий вежливости коммуникантами [Scollon, Scollon, 2001]. Асимметрия используемых стратегий собеседниками, или «иерархическая» вежливость, в современном китайском языке совпадает с диспропорциональной коммуникацией традиционного Китая, т.е. определяется званием, социальным положением, возрастом или полом [Kádár, 2007]. Иными словами, коммуникация осуществляется по модели «вышестоящий – нижестоящий».

Как отмечают в своих наблюдениях Х. Сунь, Ю. Пань и Д. Кадар, в выражении вежливости в современном китайском дискурсе отсутствует позитивная вежливость вышестоящего по отношению к нижестоящему, присутствовавшая в традиционном, «историческом» дискурсе [Sun, 2005; Pan, 2008; Kádár, 2008]. К современному дискурсу относят дискурс с 1949 года, времени основания Китайской народной республики. Д. Кадар в своей статье приводит в качестве примера исторические судебные заседания, где судьи

институционально обязывались использовать выражения почтения, для того чтобы не быть воспринятыми «деспотическими чиновниками» [Kádár, 2008].

При этом в реальной коммуникации, например, с представителями государственных учреждений (отделений банка или почты) мы сталкиваемся с коммуникативной ситуацией, когда вышестоящий не пытается «минимизировать» угрозу «лицу» слушающего (bald-on record politeness). Это происходит при формулировании говорящим требования или тактической ориентации слушающего на решение конкретной задачи. В коммуникативном контексте общения с госслужащими, которые являются представителями государства, а значит, находятся в позиции «вышестоящего», инициирует общение, как правило, абонент услуг. При этом ответная реакция на приветственную реплику абонента в большинстве случаев отсутствует. Согласно собственным эмпирическим наблюдениям автора данной работы, слова приветствия используются персоналом только при контакте с представителем другого государства, который немедленно идентифицируется китайцами по внешним признакам. Но данный факт сложно интерпретировать как проявление позитивной вежливости: приветствие клерка – это попытка определить способность клиента осуществлять общение на китайском языке и сконструировать возможные альтернативы интеракции.

В исследовании Ю. Пань представлены результаты восприятия китайскими эмигрантами текста обращения Бюро переписи населения США, содержащего просьбу пройти анкетирование (хотя в действительности это действие облигаторно для эмигрантов). Китайские эмигранты восприняли текст послания крайне вежливым, исходя из особенностей своего национального коммуникативного стиля, для которого подобное проявление вежливости не характерно [Pan, 2008]. Следует отметить, что самоунижение и почтение собеседника в оппозиции «вышестоящий – нижестоящий» реализуется во всех типах китайского дискурса. Самоунижение активно функционирует в педагогическом дискурсе (автор данной работы лично

принимал участие в научных семинарах и наблюдал реализацию максимы умаления себя китайскими аспирантами).

Другой постулат общения – максима обращения, по мнению Ю. Гу, предписывает адресацию к собеседнику с использованием надлежащей номинации, соответствующей его социальному статусу в данном акте общения и определяющей границы социального взаимодействия между участниками дискурса. Реализация вежливости в первую очередь осуществляется через максиму обращения [Gu, 1990, с. 249]. Именно жесткая иерархичность китайского общества определяет консерватизм системы обращений в современном китайском языке. Максиму такта и максиму великодушия Гу в своих исследованиях иллюстрирует на примере анализа диалога, топиком которого является приглашение на обед одного собеседника другим, включая максимальные усилия приглашаемого отказаться от присутствия на этом мероприятии. Речевой акт приглашения и его принятия определяются в первую очередь культурно-коммуникативным вектором «Лицо» / «脸面», так как оба участника диалога гипотетически могут «потерять лицо». Приглашающий своим предложением буквально «просит адресата дать ему лицо» принятием предложения, а значит, рискует его «лишиться», получив отказ. Принятие предложения в свою очередь тоже содержит опасность «потери лица» приглашенным – существует вероятность быть воспринятым жадным и прожорливым. В данной коммуникативной ситуации риски «потери лица» обеими сторонами минимизируются максимумой такта, максимумой великодушия и вариантом проявления вежливости, «душевностью» (в терминологии нашей работы, модусом реализации культурно-коммуникативного вектора «Вежливость» / «礼貌») [Gu, 1990, с. 252–255].

Исследователь Ю. Ли-ши в своих работах «Вежливость в речи и обучение иностранному языку»⁸⁵ и «Что в действительности означают «Да» и

⁸⁵ Lii-Shih, Y. Conversational politeness and foreign language teaching, 1986.

«Нет» в китайском языке?»⁸⁶ настаивает на том, что «вежливость» не должна определяться лишь как стратегия избегания конфликта, а должна рассматриваться также как стратегия установления гармонии и дружеского взаимодействия [Lii-Shih, 1986, 1994]. Согласно ее мнению, китайский феномен «вежливость» характеризуется проявлением искренности, солидарности, внимательности, сочувствия и скромности. В связи с этим автор предлагает адаптировать модель П. Браун и С. Левинсона для социоцентрических культур, фундаментальной ценностью которых является семья / общество (к этим культурам относят китайскую культуру) [Kasper, 1990]. Дополнив понятие «речевых актов, создающих угрозу лицу» (FTA – «face threatening acts») бинарной оппозицией «речевых актов, сохраняющих лицо» (FSA – «face satisfying acts»), Ю. Ли-ши формулирует правила вежливости следующим образом:

- 1) искреннее совершение FSA;
- 2) несовершение FTA;
- 3) минимизация негативного эффекта путем заглаживания оскорбления в случае совершения FTA.

По мнению Ли-ши, именно оппозиция «FSA vs. FTA» позволяет сохранить равновесие в коммуникации [Lii-Shih, 1994]. На наш взгляд, предложенная трансформация модели П. Браун и С. Левинсона отображает стремление носителей китайской лингвокультуры к реализации культурно-коммуникативного вектора «Диалектический подход» / «辩证思维», или вектора охватывающего парадокс, рассматриваемого в параграфе 2.7 во второй главе работы.

Косвенные исследования культурно-коммуникативного вектора «Вежливость» / «礼貌», специфицирующего социоориентированный дискурс, представлены в работах Л. Юн и С. Ко. Статья Л. Юн посвящена изучению модели аргументации носителями китайской лингвокультуры на английском

⁸⁶ Lii-Shih, Y. What do “Yes” and “No” really mean in Chinese?, 1994.

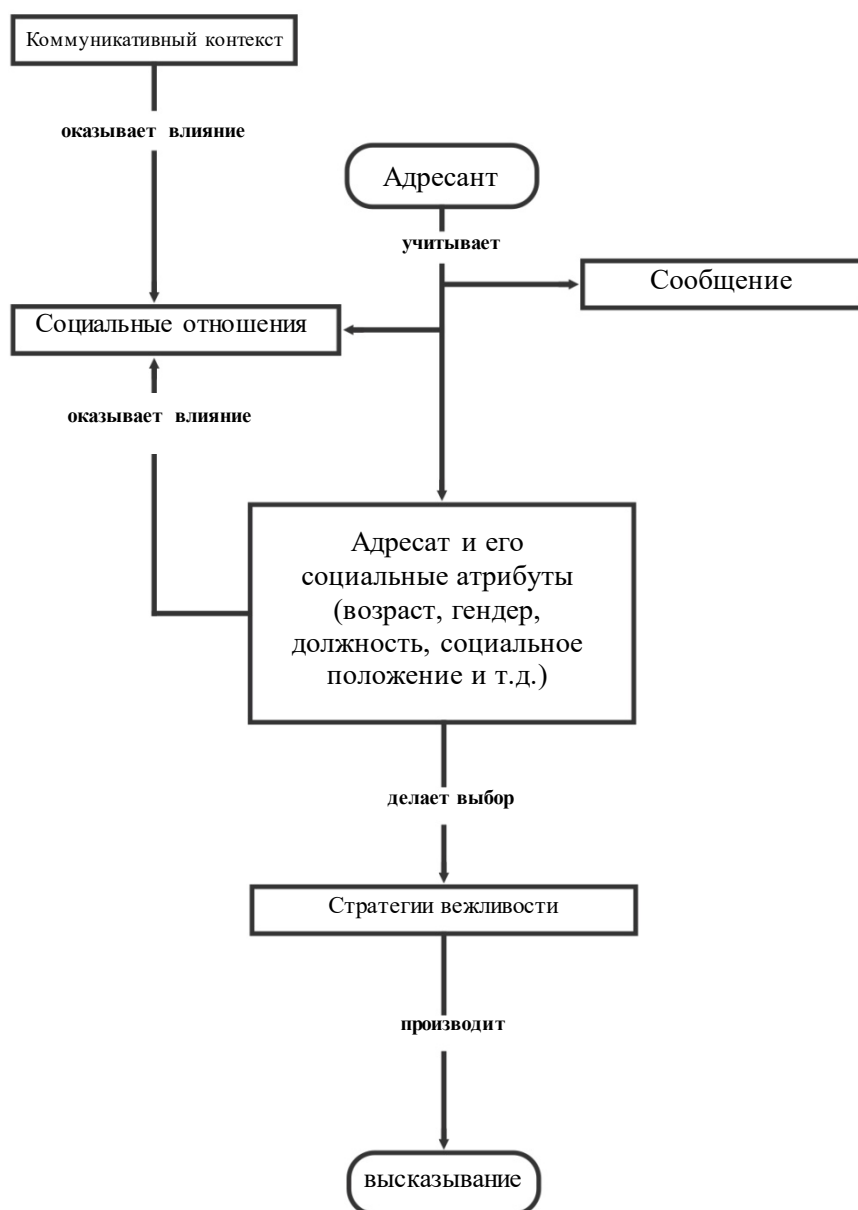
языке в англоязычной среде. В результате исследователем выявлено, что организация аргументации выстраивается носителями китайского языка по собственному образцу – приведение доводов находится в препозиции к умозаключению, что свойственно китайскому дискурсу. Также автор выделяет китайские способы самопрезентации в процессе аргументации [Young, 1982].

Ученый С. Ко в своей диссертационной работе рассматривает вербальную реализацию конфликтов среди китайцев, состоящих в дружеских отношениях. Он отмечает, что, несмотря на применение стратегий несогласия, аргументация определяется нацеленностью на солидарность и сплоченность и не разрушает гармонию коммуникации. Однако исследованные им политические дебаты характеризуются проявлением актов враждебности и гнева. Автор поясняет полярность применяемых стратегий в двух типах дискурса различием коммуникативных целей участников и их взаимоотношений [Кюо, 1992]. По нашему мнению, результаты описания С. Ко стратегий аргументации в китайской лингвокультуре через политический дискурс Тайваня являются достаточно спорными. Несмотря на то что формально Тайвань имеет статус одной из провинций Китая, однако фактически, начиная с 1949 г., он функционирует как независимое государство – Китайская Республика. При этом основной опорой Китайской Республики в противостоянии коммунистическому Китаю являются США, и, как следствие, традиционный китайский дискурс на Тайване эволюционировал, ассимилировав культурные ценности США.

Исследователь Ю. Пань в своей работе предлагает схематическое изображение процесса и условий языковой материализации «вежливости» в китайской лингвокультуре. Результаты проведенного ею анализа вежливости в различных типах дискурса совпадают с выводами антрополога Х. Ху, изучающего китайские лингвокультурные модели поведения: «Доминантой, определяющей функционирование китайского общества, является

взаимозависимость его членов, реализация которой осуществляется на всех уровнях социальной интеракции» [Hu, 1944, с. 46].

Схема языковой материализации вежливости Ю. Пань представлена на рис. 2⁸⁷:

⁸⁷ Источник: Pan, Y. Politeness strategies in Chinese verbal interaction: a sociolinguistic analysis of spoken data in official, business and family settings. Ph.D dissertation / Y. Pan. – Washington, D.C., 1994. – 286 p.

Частично основываясь на заключениях, представленных в исследовании Ю. Пань, рассматривающей реализацию китайской «вежливости» в двух типах дискурса – бытовом и институциональном (административном и деловом дискурсах), в данном параграфе предпринята попытка постулирования основных регулятивов культурно-коммуникативного вектора «Вежливость» / «礼 貌» китайского дискурсивного пространства, определяющих выбор речевого поведения:

1. Различные иерархические отношения реализуются в различных ситуациях коммуникации. Например, административный дискурс определяется отношением «руководитель – подчиненный», бытовой дискурс детерминируется категориями возраста и гендера, а деловой дискурс проявлен в оппозиции «внутренний – внешний».

2. Иерархический «актив» адресата (возраст, гендер, должность) определяет стратегии реализации вежливости адресантом. Если позиция адресата выше, адресант проявляет учтивость, если позиция ниже, использование модуса «Сохранение лица» и «Поддержание лица» минимизируется адресантом.

При этом мы можем отметить, что в китайской лингвокультуре стратегии «вежливости» применяются не по причине желания адресанта следовать второму прагматическому правилу Р. Лакоффа («Be polite» – будь вежлив), включающем аксиомы [Lakoff, 1973]:

- 1) «не навязывай себя и свои желания» (Do not impose);
- 2) «предоставляй выбор» (Give options);
- 3) «веди себя так, чтобы собеседнику было приятно, будь дружелюбным» (Make a feel good – be friendly).

Фактором мотивации выбора приведенных вариантов дискурсивного поведения является конвенциональность иерархической системы в китайском обществе и социальная нормативность «вежливости» как категории социального взаимодействия, что в свою очередь подразумевает жесткие общественные санкции, т.н. «потерю лица», в случае нарушения регулятивов

реализации культурно-коммуникативного вектора «вежливость» [Gu, 1990, с. 253–255]. По этой причине адресант и адресат китайского коммуникативного события крайне тщательно и даже филигранно выражают вежливость «правильному» адресату: общение с облеченным властными полномочиями или находящимся с адресантом в формальных или неформальных отношениях. Если таковые отношения отсутствуют или коммуникативное взаимодействие является временным, случайным контактом, наблюдается достаточно высокая вероятность неразвития интеракции согласно культурно-коммуникативному вектору «Вежливость» / «礼貌», так как личностная позиция коммуникантов не установлена, а значит, отсутствует вероятность быть подвергнутым общественным санкциям.

3. Китайский дискурс определяется «позитивной вежливостью», связанной с языковым выражением солидарности при условии соблюдения иерархии, или «иерархичной солидарностью», где топик общения находится под полным контролем коммуниканта, занимающего более высокое положение.

4. Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» находится в тесном сопряжении с культурно-коммуникативным вектором «Гармония» / «中和», которая достигается посредством соблюдения «иерархичной солидарности». Принцип соблюдения этой солидарности воплощен в классическом китайском выражении «尊长爱幼», которое можно перевести на русский язык как «уважай старших, люби младших» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. С точки зрения реализации стратегий «вежливости», понятия «старшие» и «младшие» включают не только возрастные характеристики, но и гендерные и статусные отношения. При этом данное выражение фактически является скользящей симметрией вектора вежливости, где китаец может занимать позицию как «старшего», так и «младшего» в зависимости от коммуникативного контекста, который обязывает соблюдать перечисленные регулятивные нормы интеракции. Принцип гармонии,

поддерживаемый внутриобщественным соглашением соблюдения правил иерархичной солидарности, обеспечивает китайцу реализацию «надлежащей» вежливости в коммуникативном контексте, где его иерархический статус будет выше «актива» собеседника.

Интерпретация культурно-коммуникативного вектора «Вежливость» / «礼貌» в диалектическом восприятии смены коммуникативного контекста и, следовательно, перехода индивида из позиции «вышестоящий» в позицию «нижестоящий» и обратно изображена на рис. 3:

Смена коммуникативного контекста

Смена коммуникативного контекста

Рисунок 3. Дуалистическая реализация культурно-коммуникативного вектора «Вежливость» / «礼貌».

Итак, в данном параграфе мы рассмотрели культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌», реализация которого происходит в условиях взаимозависимости или иерархических отношений участников общения. Иерархия участников, детерминированная экстралингвистическими факторами, оказывает непосредственное влияние на выбор речевых стратегий. Асимметрия реализации вежливости в китайском коммуникативном пространстве – это осознание всеми коммуникантами своей позиции, строгого вертикального подчинения, в то время как европоамериканская согласованность – это равенство, паритетные отношения, эгалитарная

коммуникация. Сохранение принципа структурной организации социума, т.е. сохранение «ли» / «礼», подразумевает совершение индивидом речевых действий в соответствии со своим статусом.

Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» – это коммуникативная конвенция сохранения лица адресанта и адресата на дискурсивном уровне, проявляемая в самоунижении, умалении своей позиции и возвышении собеседника.

2.5 Культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意»

Коммуникация в китайском языковом пространстве, «детерминированная стилем высококонтекстной культуры», главным образом направлена на адресата сообщения: к его компетенции относится умение «самостоятельно интерпретировать сказанное, поскольку говорящий, активно использующий невербальный код, намеренно отдает инициативу раскодирования посланной информации слушающему» [Куликова, 2006, с. 157]. Зависимость китайского общения от контекста проявляется в «скрытых намеках, иносказательности, образных сравнениях, расплывчатости и неконкретности речи» [Там же, с. 157]. Эти проявления составляют своего рода «тайное соглашение», неофициальную конвенцию по поводу взаимодействия [扬娜, 2014, с. 259]. Общение китайцев как представителей восточной высококонтекстной культуры можно охарактеризовать как речевую интеракцию «только необходимыми намеками» [Поливанов, 1968, с. 296].

Ценность имплицитной информации в китайской лингвокультуре в первую очередь основана на интеллектуальных усилиях, которые адресат уже затратил на ее получение. Извлечение имплицитных смыслов для носителей китайского языка соизмеримо с дешифрованием сакральных, канонических текстов, доступных для понимания только избранным, в нашем случае,

вовлеченным в китайское культурно-дискурсивное пространство. Китайская коммуникация изобилует имплицитностью, в ней мало «поданного на блюде» [Баранов, 1990, с. 16]. По этой причине уровень владения языком в большой степени определяется владением чэн'юй⁸⁸, знанием исторических и мифологических персонажей, ведь аллюзии к ним присутствуют во всех типах дискурса.

Китайская коммуникация характеризуется высокой степенью включения прецедентных имен и текстов – стандартов, в которых «воплощен предшествующий опыт» китайской цивилизации [Иссерс, 2008, с. 18]. По сути, эти явления не «вплетены» в китайский дискурс, а они сами являются канвой китайского дискурса, в которую «вплетаются» информация, релевантная определенному коммуникативному контексту.

Китайская культура – одна из культур, «где все окружающее пространство насыщено и пронизано глубинным смыслом и контекстом» и где «план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения» [Мильруд, 2013, с. 51].

Как отмечает Цао Шуньцин, «сказанное не передает полноты написанного; написанное не передает полноты концептов, единственным способом продуцирования смысла является «создание символов» [曹顺庆, 2002, с. 61]. Создание символов определяется «невыразимостью» в китайском продуцировании смысла – «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意». Данный феномен Ян На определяет как дискурсивную стратегию или дискурсивный принцип [扬娜, 2014, с. 254]; Ши Сюй именуется «правилом расхождения» («rule of discrepancy») [Shi, 2014, с. 89], или «наиболее практическим компонентом китайской философии языка» [Shi, 2013, с. 313].

В рамках данной работы мы определяем феномен китайского дискурса «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» как культурно-коммуникативный вектор, составляющую китайского культурно-

⁸⁸ Как правило, четырехсложные идиоматические выражения.

дискурсивного пространства, характеризующую специфику и содержательное наполнение коммуникации.

Словарная статья выражения «言不尽意» / «смысл вне пределов языковой формы» содержит следующую дефиницию «не выразить словами; всего не высказать; *эпист.* не смог выразить словами моих мыслей и чувств к Вам» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. В современном китайском языке данное выражение используется, как правило, в конце текстов, относящихся к жанру «деловое письмо».

Однако данная комбинация знаков не является просто формальным выражением, которым оканчивают деловое сообщение. Его происхождение восходит к комментариям к «И цзину» («易经»), или «Книге перемен», одной из книг конфуцианского «Пятикнижия» («五经»): «子曰: 书不尽言, 言不尽意。然则圣人之意不可见乎? 子曰: 圣人立象以尽意, 设挂以尽情伪, 系辞焉以尽其言, 变而通之以尽利, 鼓之舞之以尽神» [цит по: 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001, с. 50], что трактуется так: «Письменный текст не выражает речь, речь не выражает смысл, но это не означает, что смысл не может быть выражен»⁸⁹.

В отношении данного вектора китайского общения мы полагаем возможным перефразировать финальный афоризм: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [цит. по: Каримов, 2012, с. 105] «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, представителя аналитической философии, в тезис «О чем невозможно говорить, о том следует либо молчать, либо выражаться иносказательно, либо говорить многократно».

Конфуцианская традиция в целом рассматривает коммуникацию в качестве главного инструментария формирования социума. В соответствии с этой интерпретацией организация коммуникации должна находиться в согласованности с общественным порядком, подразумевающим достижение

⁸⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

гармонии, как указывается последователем Конфуция Цзы-лу⁹⁰ в «Лунь-юй», или «Беседы и суждения» («论语»), главной книге конфуцианства, составленной учениками Конфуция:

«片言可以折狱» / «Несколько слов могут решить дело»;

«一言可以兴邦» / «Одна фраза может сделать государство процветающим»⁹¹ [论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>].

Даосское видение человеческой коммуникации выражено в неопределимом скрещении «言» (янь) / «коммуникация, речь, дискурс; янь», «道» (дао) / «истинно сущий Путь, вездесущее начало, всеобщий закон движения и изменения мира; высший абсолют, источник всех явлений, из которого всё исходит и к которому всё возвращается; дао» и «意» (и) / «смысл, значение» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Указанный лингвистический подход лексикографически закреплен в древних изречениях:

«言有尽而意无穷» / «Речь ограничена, а смысл не имеет пределов»;

«不着一字, 尽在风流» / «Не сказано ни слова, а общение изобилует смыслом»⁹² [百度百科, URL: <http://www.baik.com>].

Философские аксиомы утверждают, что ограниченность «言» (янь) / коммуникация, речь, дискурс», а тем более «文» (вэнь) / «письменный текст» не позволяют адресанту донести в полной мере смысл подразумеваемого, не имеющий предопределений. Письменный или устный дискурс «осязаемь», в то время как смысл требует постоянных своих поисков. Даосское восприятие во многом объясняет глубокое недоверие китайцев к сказанному и серьезное отношение к словам, т.н. «慎言» (шэньянь) / «Молчаливость и уклончивость», характерную для китайского дискурса. Этот модус вектора «Смысл вне

⁹⁰ 子路, 542-480 гг. до н.э.

⁹¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁹² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

пределов языковой формы» / «言不尽意» описан в древнекитайском сочинении мыслителя Янь Чжитуйя⁹³, жившего в Северной Ци – государстве эпохи Северных и Южных династий в Северном Китае. В предисловии его произведения «Домашние наставления господина Яня» («颜氏家训») указано:

«夫圣贤之书，教人诚孝，慎言检迹，立身扬名，亦已备矣» / «Книги совершенномудрых предписывают быть преданным государю и проявлять сыновью почтительность к родителям, быть осторожным в высказываниях, что станет залогом блестящей карьеры и славы»⁹⁴ [颜氏家训全文, URL: <http://www.5156edu.com/page/13-10-29/98186.html>].

Данная моральная цель, по мнению Ши Сюй, является одним из самых важных и устойчивых принципов организации дискурса китайского народа [Shi, 2013]. Ориентация дискурса по культурно-коммуникативному вектору «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» определяется в работах китайских ученых следующими постулатами [曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001; Shi, 2009; 周光庆, 2002]:

- не говори;
- говори мало, будь скуп на слова;
- говори имплицитно;
- говори образно, поэтично;
- используй в речи прецедентные философские притчи, чэн'юй;
- достигай понимания путем многократного прочтения текста;
- достигай понимания, слушая свой внутренний голос;
- достигай понимания через сопереживание;
- достигай понимания, наблюдая за действиями собеседника;
- достигай понимания путем ведения длительного диалога.

⁹³ 颜之推, 550-577 гг.

⁹⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

В качестве примера можно привести цитату из выступления премьера Госсовета Китайской Народной Республики Вэнь Цзябао на открытии Второго китайско-российского экономического форума в июле 2007 г:

«中国有一句成语，叫作“春华秋实”。去年的早春三月，胡锦涛主席和普京总统共同出席了首届中俄经济工商界高峰论坛等一系列丰富多彩的活动，拉开了中俄“国家年”活动的大幕，共同浇灌了深化两国关系的友谊之花。在两国政府和各界朋友的辛勤耕耘下，两年来中俄经贸合作结出了累累硕果» / «В Китае есть выражение «Весной – цветы, осенью – плоды». В марте прошлого года председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России Путин возглавили Первый китайско-российский экономический форум, а также открытие года Китая в России и России в Китае. Эти события будут непременно способствовать процветанию двух государств. По прошествии двух лет дружеские и экономические связи между нашими странами непременно укрепятся»⁹⁵ [华夏经纬网, URL: <http://www.huaxia.com/xw/dl/2007/00710556.html>].

Приведенное метафорическое выражение используется вторым лицом китайского государства для скрытого указания на то, что основа успешного взаимодействия двух стран уже заложена с последующим ожиданием высоких результатов проделанной работы по экономической интеграции государств.

Активное использование классических стихотворений разных династий наблюдается в речи китайцев. Например, в выступлении Ху Цзиньтао относительно позиции Китая в отношениях с США использует строки из стихотворения эпохи Тан:

«中国唐代诗人韩愈有两句诗：“草木知春不久归，百般红紫斗芳菲» / «Китайский поэт династии Тан Хань Юй⁹⁶ написал: «Травы и деревья знают, что весна скоро наступит, они застыли в ее ожидании, чтобы аромат и

⁹⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁹⁶ 韩愈, китайский философ, историк, писатель, поэт, каллиграф, ок. 768-824 гг.

благоухание разнеслись повсюду»⁹⁷ [华夏经纬网, URL: <http://www.huaxia.com/xw/dl/2007/00710556.html>].

Приведенные строки содержат надежду китайского лидера на то, что дипломатическое взаимодействие двух стран в ходе естественного развития приобретет положительный характер, несмотря на существующие сложности и неопределенность отношений в текущем периоде.

В ходе выступления на бизнес-форуме «14» февраля 2012 г. заместитель главы комиссии по внешней политике Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин, находившийся по приглашению вице-президента Джозефа Байдена с пятидневным визитом в США, процитировал классическое стихотворение с указанием на неотступление от намеченных целей вне зависимости от кризисной ситуации:

«希望企业家们“不畏浮云遮望眼”, 不因一时一事的干扰因素而裹足不前, 而应着眼长远, 拿出更多、更好适合两国消费者需求的产品和服务» / «Выражаю надежду, что предприниматели обоих государств «не испугаются плывущих облаков, застилающих взор», не откажутся от первоначальных замыслов, но будут действовать, исходя из долгосрочных перспектив, и обеспечат потребности жителей наших стран в полном объеме»⁹⁸ [Там же].

Выделенные строки косвенно указывают реципиенту на то, что китайско-американские отношения могут продвинуться в своем развитии, но при этом существует опасность возникновения сложностей в понимании друг друга.

В подведении итогов трехлетней работы на государственном посту Вэнь Цзябао, премьер-министр КНР, также прибегает к строкам древнего стихотворения, демонстрируя уверенность в правильности принятых им за период мер: «亦余心之所善兮, 虽九死其犹未悔», которые переводятся на современный литературный язык так: «Все свершенное я очень высоко ценю

⁹⁷ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁹⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

и никогда не буду сожалеть об этом даже на пороге смерти»⁹⁹ [华夏经纬网, URL: <http://www.huaxia.com/xw/dl/2007/00710556.html>].

Оптимистичную тональность речи Си Цзиньпина «29» ноября 2012 г. после осмотра выставки «Дорогой возрождения» в Национальном музее задали строки из произведения поэта древнего Китая Ли Бо¹⁰⁰:

«中华民族的明天, 可以说是“长风破浪会有时”。现在, 我们比历史上任何时期都更接近中华民族伟大复兴的目标, 比历史上任何时期都更有信心、有能力实现这个目标» / «Завтра китайский народ будет, «пользуясь постоянным ветром, рассекает гигантские волны» (обр. «задаваться грандиозными целями»). Сейчас китайская нация как никогда в своем историческом развитии близка к великому возрождению и как никогда имеет веру и силы достигнуть этой цели»¹⁰¹ [Там же].

Во время выступления по случаю пятнадцатилетней годовщины возвращения Гонконга Китаю после почти 150 лет нахождения под властью британской короны Вэнь Цзябао отметил успешность существования данного проекта, подчеркивая цитированием стихотворных строк ценность Гонконга для Китая, несмотря на его незначительную территорию в масштабах страны:

«我是爱香港的。2003 年我曾经去过一次香港, 我在那里用了黄遵宪先生的一句诗来形容: 寸寸河山寸寸金。香港回归 15 年了, 15 年香港发展的变化证明了“一国两制”、“港人治港”、高度自治具有强大的生命力» / «Я люблю Гонконг. В 2003 году я был в Гонконге и произнес строки из стихотворения Хуан Цзуньсяня¹⁰²: «Каждый цунь земли дорог как золото»。Прошло пятнадцать лет после перехода Гонконга под суверенитет Китая. Пятнадцать лет изменений показали высокую степень жизнеспособности режимов «Гонконгом управляют сами гонконгцы» и «Одна страна – две

⁹⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹⁰⁰李白, 701-762/763 гг.

¹⁰¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹⁰² 黄遵宪, поэт и дипломат династии Цин, 1848-1905 гг.

системы»¹⁰³ [中华网, URL: http://www.china.com.cn/policy/txt/2012-03/14/content_24895429_6.htm].

Модус рассматриваемого нами культурно-коммуникативного вектора – «Имплицитность, скрытость высказывания» / «含蓄» – это дискурсивное конструирование смыслов посредством аллюзии и метафоры, когда адресат вынужден «читать между строк» и делать собственные умозаключения из сказанного, по-своему его интерпретировать. Модус «Имплицитность, скрытость высказывания» / «含蓄» конституирован в китайском выражении «耐人寻味» – «заставляющий призадуматься; наводящий на размышления; таящий в себе глубокий смысл; заслуживающий серьезного внимания (подробного ознакомления)» Иными словами, китайский дискурс специфицирован имманентностью конструируемых смыслов, их невыраженностью, «пребыванием внутри».

Высокая имплицитность, невыраженность присутствует в ответе Вэнь Цзябао на вопрос о его дальнейших планах после окончания политической карьеры:

«至于说我什么时候退休，退休以后干什么，我在1998年的时候就讲过，我将勇往直前，义无反顾，鞠躬尽瘁，死而后已。只要我活着，还有一口气，我就要为人民鞠躬尽瘁、死而后已» / «Что касается того, чем я буду заниматься, когда я выйду на пенсию, то в 1998 году я уже говорил, что продолжу мужественно делать свое дело, моральные принципы не позволят мне отступить, я отдам все свои силы и энергию, пока не перестанет биться сердце. Пока я буду жив, я посвящу всего себя народу»¹⁰⁴ [搜狐新闻, URL: <http://news.sohu.com/20090902/n266385967.shtml>].

В своей речи «5» сентября 2016 г. на церемонии открытия саммита «G20», или «Большой двадцатки»¹⁰⁵, посвященного поиску новых путей для

¹⁰³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹⁰⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹⁰⁵ Клуб правительств и глав центральных банков государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой.

мирового экономического развития, хозяин встречи Си Цзиньпин, говоря о протекционистских мерах, делает аллюзию на принятие ядовитого вина, указывая на фатальность этих мер в конечном результате (данное выражение было проигнорировано в официальном переводе выступления на русский язык):

«第四，面对当前挑战，我们应该建设开放型世界经济，继续推动贸易和投资自由化便利化。保护主义政策如饮鸩止渴，看似短期内能缓解一国内部压力，但从长期看将给自身和世界经济造成难以弥补的伤害» / «В-четвертых, столкнувшись с вызовами, мы должны строить глобальную экономику открытого типа, продолжая продвигать либерализацию и упрощение мировой торговли и инвестиций. Протекционистские меры подобны утолению жажды отравленным вином, не на долгое время они снижают внутригосударственное давление, но в долгосрочном периоде наносят непоправимый ущерб как самому государству, так и глобальной экономике»¹⁰⁶ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-09/04/c_129268987.htm].

В докладе, представленном в Законодательной палате Узбекистана «22» июня 2016 г., Си Цзиньпин говорит о необходимости рассмотрения истории в циклической ретроспективе, чтобы предотвратить повторения ошибочных действий, цитируя классический прецедент:

«“明镜所以照形，古事所以知今。”今天，我们回顾历史，不是为了从成功中寻求慰藉，更不是功劳簿上、为回避今天面临的困难和问题寻找借口，而是为了总结历史经验、把握历史规律，增强开拓前进的勇气和力量» / «Как зеркало отражает реальность, так классический афоризм отражает настоящее». Сегодня мы обращаемся к истории не в поисках благодарности за труды и совсем не для того, чтобы любоваться достижениями и оправдывать сложившиеся трудности, а для того, чтобы извлечь уроки истории и укрепить

¹⁰⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

дух новаторства»¹⁰⁷ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politics2016-06/23/c_1119094900.htm].

В своей речи, посвященной выработке мер по борьбе с внутрипартийной коррупцией, на VI пленарном заседании Центральной дисциплинарной комиссии ЦК КПК Си Цзиньпин озвучивает количество планируемых к утверждению законов и, используя фразеологический оборот, имплицитно указывает способы реализации законов, дает аллюзию на возможные меры борьбы:

«第三, 持之以恒纠正“四风”, 党风民风向善向上。党的十八大之后, 党中央讨论加强党的建设如何抓时, 就想到要解决“老虎吃天不知从哪儿下口”的问题。后来决定就抓八项规定, 下口就要真正把那块吃进去、消化掉, 不要这吃一嘴那吃一嘴, 囫圇吞枣, 最后都没有消化» / «В-третьих, необходимо четко следовать линии искоренения «четырёх манер»¹⁰⁸, развивать стиль работы партии. После утверждения на XVIII съезде Центральным комитетом концепции партийного правительства необходимо подумать о решении вопроса «Тигр ест небо, не знает, где откусить». Необходимо принять восемь законов, чтобы «съесть небо целиком» и «полностью переварить его»¹⁰⁹ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-05/03/c_128951516.htm].

Культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» лексикографически закреплён китайскими ритмизированными выражениями, иносказаниями с дидактическим уклоном:

«只可意会不可言转» / «понимание через сочувствие, а не через слова»;

«微言大意» / «мало слов, глубокий смысл»;

«弦外之音» / «звуки вне аккордов»;

«依象尽意» / «излагать мысли образно»;

¹⁰⁷ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹⁰⁸ Четыре вредные манеры членов КПК: формализм, бюрократия, гедонизм, расточительность.

¹⁰⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

«此时无声胜有声» / «повторять сообщение без слов»;
«沉默是金» / «молчание – золото»;
«书不宣意» / «книга не передает смысл»;
«耐人寻味» / «таить в себе глубокий смысл»;
«意味深长» / «скрытая многозначительность»;
«发人深省» / «заставляющий глубоко задуматься» [БКРС, URL:
<http://www.bkrs.info.html>].

Способы передачи и постижения скрытого, эзотерического смысла сформулированы в китайской фраземике [曹顺庆, 2002; 刘金文, 2006]:

«旁敲侧击» / «стучать сбоку и бить со стороны»;
«立象尽意» / «собирать обобщенный образ из всего сущего»;
«依经立意» / «утверждаться в мысли через канонические книги»;
«以少总多» / «в малом сконцентрировать много»;
«虚实相生» / «ложный и фактический, мнимый и реальный порождают друг друга»;
«寻象求意» / «постижение смысла через понимание символа»¹¹⁰.

Так, например, тот, кто читает книгу, не вникая в детали, «проглатывает» книгу, в китайском языке именуется «囫圇吞枣» / «глотающий финик целиком»; приложение недостаточных усилий или применение негодных средств для решения сложностей – «杯水车薪» / «чашкой воды не потушить загоревшегося воза дров»; не сдавший экзамен или не прошедший конкурсный отбор на должность – «名落孙山» / «оказаться в списке позади Сунь Шаня¹¹¹» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Ши Сюй отмечает, что рекламные агентства также часто прибегают к использованию классических сюжетов и цитат канонических источников для продвижения продукции и услуг. Лозунг рекламной компании взломостойких

¹¹⁰ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹¹¹ Последний в списке выдержавший экзамен.

дверей звучит следующим образом: «一夫当关，万夫莫开» / «Один муж удерживает целую заставу, десять тысяч мужей не пройдут» [施旭, 2010, с. 56]. Данное выражение используется в указании на непреступное в стратегическом отношении место и восходит к прецедентному топониму – Цзяньгэ, уезду городского округа Гуанюань провинции Сычуань, о котором упоминается в хрониках как «剑阁峥嵘而崔嵬，一夫当关，万夫莫开» / «Цзяньгэ окружен высокими горами и нагромождением камней; один муж удерживает целую заставу, десять тысяч мужей не пройдут»¹¹² [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Аналогичная технология производства слогана задействована в рекламе китайского вина марки «Дункан»: «千古佳酿，万代留香，中华酒宗，如阳杜康» / «Прошли тысячи лет, аромат по-прежнему остается неизменным, китайское вино, вино «Дукан» уезда Жуюань¹¹³»¹¹⁴. Приведенный рекламный текст использует прецедентное имя из песни китайского полководца, первого министра династии Хань, автора сочинений по военному мастерству и поэта Цао Цао¹¹⁵: «慨以当慷，忧思难忘。何以解忧，惟有杜康» / «Если о чем-то печалишься и тревоги трудно забыть, почему бы не развеять горе? Для этого только нужно вино»¹¹⁶. Лексема «杜康», в древнекитайском языке обозначающая «вино» (по фамилии и имени обожествленного мифического изобретателя вина), маркетологи используют как имя собственное – название марки спиртного напитка [施旭, 2010, с. 56].

В своей статье китайский ученый Ян На настаивает на том, что «смысл высказывания – это и есть вечное Дао, которое не может быть выражено словами и которое находится внутри знака между означаемым и означающим»

¹¹² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹¹³ Городской округ Лоян провинции Хэнань.

¹¹⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹¹⁵ 曹操, 155-220 гг.

¹¹⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

[扬娜, 2012, с. 36]. Предложенное ею схематичное изображение сущности китайского дискурса представлено на рис. 4:

Рисунок 4. Эксплицитность и имплицитность в китайском дискурсивном пространстве.

В указанной публикации китайский исследователь оперирует понятием «象语» (сян'юй). Полного перевода на другие языки данного термина нами не было обнаружено. Буквально знак «象» обозначает «изображение, образ, фигура; признак, явление, знамение, символ», а «语» переводится как язык [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Ян На говорит о том, что символизм, имплицитность высказывания – это особенность и своеобразие китайского дискурса и этот отличительный признак не позволяет «примерять» каркас западных подходов дискурс-анализа на корпус китайского языка. В качестве доказательства в статье приведен пример в форме диалога между матерью и ребенком – носителями китайского языка:

- «妈妈：你不能吃海鲜！» / «Мать： «Тебе нельзя есть морепродукты!»»
- «儿子：为什么不能？» / «Сын： «Почему нельзя?»»
- «妈妈：海鲜是发的» / «Мать： «Они вызывают аллергию.»»

Одно из значений использованного матерью в диалоговом общении знака «发» имеет перевод на русский язык «являться причиной аллергической

реакции» и «to be allergic» в английском варианте. Но при более глубоком рассмотрении его импликатура или скрытый смысл заключается не только в том, что указанный продукт может быть аллергеном, но и в том, что данный знак тесно сопряжен с основными принципами китайской медицины пятью элементами китайской философии – «金、木、水、火、土» / «металл, дерево, вода, огонь, земля» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Таким образом, адресант, используя этот знак, отсылает к своим познаниям о существующих состояниях предмета, обозначение которых происходит из концепции пяти элементов: «生» / «сырой», «冷» / «холодный», «寒» / «ледяной», «虚» / «порожний». Причем сочетание «生冷» может трактоваться и переводиться двумя вариантами: «生冷» – «быть сырым и холодным» или же «生冷» – «перейти в холодное состояние». В этом и заключается символизм китайских знаков – сохраняющаяся взаимосвязь значений знаков в современном дискурсе с их значениями в древних философских трактатах и связанная с этим их имплицитность [扬娜, 2012, с. 36].

В своих исследованиях Ши Сюй и Ян На [施旭, 2010; 扬娜, 2014] выражают несогласие с положением Дж. Серля о том, что «всюду, где иллюкутивная сила высказывания не является эксплицитной, она всегда может быть сделана эксплицитной. В этом проявляется принцип выразимости, гласящий: «что бы ни имелось в виду, может быть выражено» [цит. по: Крюкова, 2012, с. 259]. По мнению Ян На, «принцип выразимости не является универсальным для всех языковых систем» [扬娜, 2014, с. 259]. Здесь ученый указывает на выразимость смысла любых предметов, явлений, процессов, интенций вербальными и невербальными средствами. В китайской лингвокультуре этих средств недостаточно для выражения «象» / «сян», из которого согласно концепции конфуцианства состоит все сущее. Исходя из контекста конфуцианской философии, мы предлагаем транслитерировать на русский язык знак «象» / «сян» как «знамение» или «символ».

Китайское «象» / «сян» – это своего рода конститuent человеческой интеракции. Оно может быть выражено, а может быть не выражено в языке. Часть «象» / «сян», которую нельзя подвергнуть вербализации, в конфуцианской доктрине именуется «无象» / «усян», где «无» – универсальное отрицание книжного литературного языка. Понятие «无象» / «усян», по нашему мнению, коррелирует с утверждением Л. Витгенштейна: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя; это – мистическое» [цит. по: Каримов, 2012, с. 103]. Мистическое в понимании австрийского философа – это то, что мы знаем и чувствуем, но не можем выразить.

М.Л. Титаренко и А.Е. Лукьянов в комментарии к мантической фразе ко второй черте гексаграммы №1 (Цянь – Небо, Творчество) «И цзина» («Канон перемен»): «见龙在田» / «Появившийся дракон находится на поле» называют «象» / «сян» объемными «голограммами» (образами), выстроенными над плоскостными узорами тела дракона, с которых считываются смыслы родовой жизни человека [Титаренко, Лукьянов, 2006, с. 18].

Часть «象» / «сян», подвергаемая вербализации, именуется «象语» / «сян'юй», где второй компонент знака «语» / «юй» можно перевести как «язык» или «код». Часть «象语» / «сян'юй» является «репрезентатором смыслов, позволяющим людям понимать окружающий мир» [扬娜, 2012, с. 33]. Что касается невербализуемой части «无象» / «усян», то донесение его смысла производится через сам «象» / «сян» – «символ», действие которого главным образом основано «на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого» [Якобсон, 1983, с. 113]. В китайском дискурсе «象» / «сян» включает такие действия, как театральные представления, каллиграфия, занятия живописью, пением, танцами. По сути «象» / «сян» наряду с вербальной и невербальной коммуникацией является третьим каналом транслирования информации референтом, некоторые модусы которого частично вербализованы. Например, реплики героев театральных

представлений и слова песен, но их содержание, как правило, содержит лишь аллюзию на факты происходящего. Но чаще этот канал не подвержен вербализации: каллиграфия, танцы.

В своем исследовании Ян На указывает на использование таких символов как способа, применяемого правительством Китая для разъяснения проводимых в государстве мероприятий по ограничению рождаемости, кампании, получившей название «Одна семья – один ребенок», проводимой в КНР с 1979 г. Репрезентации намерений правительства осуществлялась по модусу «Умалчивание» / «慎言»: театральные представления, направленные на трансформацию иллокутивности приказа правительства, т.е. насильно насаждаемых ограничений, в просьбу, обращенную к жителям государства взаимодействовать с правительством, выстраивать гармонию в отношениях [扬娜, 2014].

Такие массовые мероприятия, как танцы или занятия у-шу, воспринимаемые в русской среде как развлекательные или оздоровительные, для китайцев являются одним из способов коммуникации. Они в первую очередь проводятся не с целью совершенствования навыков, а с целью общения. При этом коммуникантами наравне с активными участниками являются и пассивные внешние наблюдатели. В свободное время жители Поднебесной, особенно пенсионеры, предпочитают общаться не посредством small-talks – «пустых разговоров», а посредством символов – «象» / «сян». В беседе с автором данного диссертационного исследования одна из жительниц микрорайона в городе Цзинань призналась, что каждый вечер она приходит с семьей на площадку, где танцуют ее соседи, не для того, чтобы просто посмотреть, а для того, чтобы узнать, как дела у них. По движениям в танцах каждого конкретного соседа она получает обобщенное представление о состоянии его дел.

Коммуникация через символы происходит и у китайца, рисующего утром в парке знаки водой на асфальте или каменной дорожке. Здесь

абсолютно не имеет значения сам знак, его содержание, ведь вода испарится через несколько минут и иероглиф исчезнет. Важным является выражение настроения своими движениями, безмолвное общение с наблюдающими за действиями адресанта. При этом адресат максимально свободен в способе производства перлокутивного акта (как результата неречевого акта) – в восприятии, выводах из интенции адресанта.

Таким образом, «象» / «сян», или символы, создают «意境» / «ицзин» – «художественный идеал» высказывания. Если оперировать понятием остенсивно-инференционной коммуникации в теории Д. Спербера и Д. Уилсон, то «象», или «символы», в китайском общении наравне с вербальной и невербальной речью являются перманентным остенсивным стимулом зрительно-акустической направленности, благодаря которому информативное намерение адресанта становится очевидным для собеседника.

Совокупность вербальных компонентов / 语言, невербальных составляющих / 非语言 и художественного идеала / 意境 формируют китайский дискурс, создают настроение дискурса / 话语意境.

Необходимо отметить, что культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» как величина, характеризующая наполнение культурно-дискурсивного пространства, имеет три модуса реализации: описанный нами модус «Имплицитность, скрытость высказывания» / «含蓄», «Умалчивание» / «慎言» и в противовес им «Избыточность», своего рода «нагромождение» внутритекстовых элементов для выражения одного смыслового компонента, интенции адресанта. Третий модус характерен как для письменного, так и устного китайского дискурса. Особенно часто это прослеживается в письменном дискурсе, где одно послание излагается в нескольких фрагментах – абзацах. В русском языке абзац, как правило, является единицей членения, тема-рематической последовательностью, служащей «для группировки однородных единиц изложения, исчерпывающей какой-нибудь его момент (тематический,

сюжетный и т.д.)» [Литературная энциклопедия, URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/html>].

В китайском дискурсе распространено явление репрезентации какого-нибудь одного момента изложения посредством употребления нескольких полных синонимов или синонимичных словосочетаний, абзацев, при этом различие репрезентации мысли заключается только в разнообразии реализуемых синтаксических структур предложения и задействованных лексических единиц. Обширный синонимичный ряд в китайском языке позволяет это сделать многократно. Данный модус мы предлагаем именовать «Множественный повтор мысли» / «正义多表» как способ продуцирования истинного смысла высказывания. Понимание и в особенности перевод текстов, построенных согласно этому модусу вектора «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意», вызывают определенные сложности. Неноситель китайского языка вынужден несколько раз вычитывать текст в тщетных попытках обнаружить новый смысл, так как согласно, например, текстовой логике русского языка новый абзац должен содержать новый «бит» информации, чего не происходит в китайском языке. Тем самым для неносителей китайского языка создается эффект плеоназма на уровне текста: излишнее употребление дублирующих смысл лексем, сочетаний, предложений, абзацев (текстовых единств), не несущих новой информации. Для китайского дискурса данный модус является типичным способом изложения, донесения мысли. Плеоназм на уровне текста характерен для всех типов китайской коммуникации. Например, китайской научной статье как жанру дискурса, структура которой, по словам Т.А. ван Дейка, имеет не только конвенциональный, но и институциональный характер [Дейк, 1989], свойственно отсутствие одного из трех основных экстралингвистических требований специализированной публикации – краткости. Краткость в научном дискурсе подразумевает, что статья должна включать только необходимую информацию с использованием как можно меньшего количества слов [Михайлова, 1999]. В китайской научной статье как

гуманитарной, так и технической направленности мы наблюдаем неоднократное дублирование одного и того же смысла.

В личной беседе с автором данной диссертации китайский лингвист Ши Сюй сравнил модус «Множественный повтор мысли» / «正义多表» с китайским боевым искусством – системой «Тайцзицюань», или «кулак Великого Предела» («太极拳»), в которую «входит несколько комплексов работы с оружием: с изогнутыми и прямыми мечами, шестами, крюками, топорами, серпами, трезубцами, боевыми граблями, деревянными мечами-палицами». Сопровождаются перечисленные упражнения разнообразными движениями тела: скольжением рук и ног [Маслов, 2003, URL: <http://www.rulit.me/books/tancyuyushchij-feniks-tajny-vnutrennih-shkol-ushu-read-28550-1.html>]. Наблюдающему извне эти приемы кажутся бессмысленными, однако посвященные знают, что только в комплексе многократных повторений можно достичь нужного результата, в переносе на дискурс – понимания адресатом истинного смысла. По этой причине необходимо задействовать максимально возможный арсенал техник, орудий и движений, в нашем случае – несколько дублирующих смысл абзацев, синтаксических структур, синонимичных лексических единиц.

В целом, как мы можем наблюдать, китайская коммуникация тяготеет к иносказанию, стремящемуся «к парадоксальному звучанию тишины или пробелу, где ожидается знак» [Карасик, 2013, с. 12], или наоборот изобилует структурами, повторяющими один и тот же смысл. Опираясь на слова Хань Ци¹¹⁷, военного чиновника и писателя династии Сун: «毫端故意多含蓄» / «Память о прошлых деяниях скрыта на кончике кисти»¹¹⁸ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>], мы предлагаем интерпретировать рассматриваемый вектор китайской коммуникации «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» следующим образом: как бы ни была выражена мысль, сколько бы

¹¹⁷ 韩琦, ок. 1008-1075 гг.

¹¹⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

ни было начертано знаков, ее истинная суть остается в капле туши на кончике каллиграфической кисти, попытаться выразить которую можно иными символами.

2.6 Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй)

Одна из составляющих китайского мировоззрения «辩证思维» (бяньчжэн сывэй) – «диалектическое мышление», или «диалектический подход», базируется на парадоксальной парадигме, где противоположности не взаимоисключают друг друга, а взаимозависят, находятся в вечной борьбе и единстве. Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维», или вектор охватывающего парадокса, совмещения противоположностей, является наиболее сложным для восприятия носителями «западной» культуры. По мнению Чэн Минг-Джера, для постижения этого парадокса необходимо кардинальным образом изменить западную перцепцию бинарных оппозиций «или – или» на антиномичную парадигму «и – и», где семя или ядро одной оппозиции несет в себе основу другой, и весь смысл существующего порядка вещей и происходящих событий в мире есть результат непрерывного взаимопоглощения этих оппозиций [Чэн, 2009].

Упрощенным образом принципы организации бытия, описанные в «И цзине», или «Каноне перемен» («易经»), возможно представить следующим образом [曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈, 2001; Shi, 2009; 周光庆, 2002]:

- единство Вселенной;
- делимость Вселенной на два основных элемента;
- взаимосвязанность этих элементов;
- взаимозависимость этих элементов;
- взаимопроникновение этих элементов;
- оппозиционность этих элементов;

○ трансформация Вселенной как результат оппозиционности ее элементов.

Взаимосвязь и взаимозависимость противоположностей также присутствует в одном из основополагающих трактатов китайской философии «Дао дэ цзин» (道德经, IV-III вв. до н.э.). В философском сочинении представлены такие понятия, как «无为» (у вэй) – «недеяние», суть которого можно соотнести с квиетизмом – мистико-созерцательным направлением в католицизме, отрицающим активность человека, и «无不为» (у бу вэй) – «вседеяние», предполагающее действие. Понятие «无为» (у вэй) провозглашает отказ даосов от своевольного целеполагания и высмеивание веры в исчерпывающее знание. Оно выражается в невмешательстве в естественный порядок вещей и ход событий ни с этической, ни с прагматической позиций [Кобзев, 2006, с. 450–451]. Принцип «无为» (у вэй) органично существует с принципом «无不为» (у бу вэй), воплощенном в целенаправленном процессе деятельности по достижению конкретного состояния. Совмещение этих противоположностей является основой гармоничного существования целого.

В своих работах китайские исследователи Ван Фэн'янь и Чжэн Хун выделяют парадокс охвата в качестве одной из восьми характеристик китайской ментальности наряду с холизмом, сдержанностью, интуитивностью, культом авторитета, прагматизмом, созданием имиджа, круговым мышлением [汪风炎, 郑红, 2013].

Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» реализуется в формах производства и понимания китайского дискурса, типизируемого такими ситуациями, как катастрофы, чрезвычайные ситуации, ошибочность действий, регрессы, кризисы и поиск выхода из них, а также представление собственных достижений. В случае необходимости критической оценки действий сторонних лиц, в первую очередь носители китайского языка эксплицитно укажут на действия этих лиц, достойные

похвалы, либо выделяют положительные характеристики личности / группы лиц / правительства государства. В случае катаклизма или аварии в китайский дискурс будет включено описание возможного положительного исхода. Например, премьер Госсовета Китайской Народной Республики Вэнь Цзябао после землетрясения в провинции Сычуань обратился к жителям Вэньчуань, уезда в Аба-Тибетско-Цянском автономном округе:

«地震过后，汶川人民已经站了起来。历史会记住汶川，记住英雄的汶川人民。要化悲痛为力量，迎难而上，把生活安置好，把家园建设好，以实际行动证明中国人民是不可战胜的 <...> 房子裂了、塌了，我们还可以再修。只要人在，我们就一定能够渡过难关，战胜这场重大自然灾害» / «После землетрясения жители Вэньчуань встанут на ноги. В истории Вэньчуань останется навсегда, мы запомним героизм его жителей. Мы приложим все усилия, чтобы превратить горе в нашу силу, устремимся вперед, несмотря ни на что, наладим быт и возродим родную землю, реальными действиями докажем непобедимость китайского народа» <...> Дома разрушены и стерты с лица земли, но мы в силах их восстановить. Главное, что мы живы, и мы сможем преодолеть все сложности, победить в схватке с ужасным стихийным бедствием, которое обрушилось на нашу страну»¹¹⁹ [新华网, URL: [http:// news.xinhuanet.com/internet/2008-05/27/content_8261075.htm](http://news.xinhuanet.com/internet/2008-05/27/content_8261075.htm)].

В том же ключе Вэнь Цзябао оставил надпись на стене разрушенного дома: «多难兴邦» / «Чем больше трудностей, тем сильнее страна»¹²⁰ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2008-05/26/content_8252965.htm].

В случае возникновения конфликтной ситуации жители Китая также включают в дискурс анализ своих действий, возможно, способствовавших её возникновению. Иными словами, в коммуникацию всегда включены обе оппозиции.

¹¹⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹²⁰ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Реализацию культурно-коммуникативного вектора «Диалектический подход» / «辩证思维» Ши Сюй определяет как «общий диалектический подход к решению проблемы в дискурсе» [Shi, 2013, с. 92]. Типичными способами экспликации этого вектора можно считать следующие [Чэн, 2009; Shi, 2013]:

- максимальное ограничение использования резких утверждений;
- включение в дискурс положительных сторон сложившейся негативной ситуации;
- включение в дискурс других участников действия (особенно применимо к презентации собственных достижений);
- глобальное описание ситуации;
- моделирование позитивного изменения ситуации;
- включение критической оценки своих действий;
- контекстуальное и холистическое восприятие ситуации;
- объективное восприятие происходящего.

Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» лексикографически закреплён в устойчивых выражениях, используемых в современном китайском языке:

«天下没有不散的筵席» / «все дела имеют время окончания»;

«良言逆耳» / «добрый совет приятен слуху»;

«以柔克刚» / «использовать мягкость для преодоления жесткости»;

«塞翁失马，焉知祸福» / *букв.* «старик с границы потерял лошадь, не к счастью ли это (лошадь вернулась, приведя с собой ещё одну)»; *обр.* «нет худа без добра; не было бы счастья, да несчастье помогло; никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь»;

«你中有我，我中有你» / *букв.* «ты – часть меня, а я – часть тебя; мы неотделимы друг от друга»;

«福兮祸所依，祸兮福所至» / *букв.* «счастье есть продолжение беды, а беда – продолжение счастья; *обр.* за горем следует радость»;

«否极泰来» / «когда гексаграмма «Пи» («Упадок») доходит до своего предела, приходит гексаграмма «Тай» («Процветание») – продолжение счастья; *обр.* за горем следует радость»;

«祸福相倚» / «счастье и горе взаимозависимы; *обр.* за горем следует радость»¹²¹ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

Диалектический подход или совмещение противоположностей характерны для всех типов дискурса китайского языка. К примеру, мы можем выделить реализацию этого подхода в коммерческом дискурсе, осуществляемом между Китайской Народной Республикой и Евросоюзом в отношении санкционных ограничений на поставку обуви после вступления во Всемирную торговую организацию в 2001 г. Как правило, китайская сторона прибегает к использованию образных выражений:

«目前中欧歇业已经是“你中有我，我中有你”，对于任何一方的伤害，都必须伤及另一方，结果只能是两败俱伤» / «В существующих условиях производители обуви в Китае и Европе тесно связаны (*букв.* ты – часть меня, а я – часть тебя). Обе промышленности могут быть успешными в одинаковой мере либо в одинаковой мере прийти в упадок»¹²².

«合则共赢，不合则两败俱伤，我们和欧盟并不是你死我的活的关系，我们有很多共同的利益，加强沟通有利于找到双方都能接受的解决办法。/ Вместе мы можем процветать, по раздельности стать убыточными. Наши отношения с Евросоюзом – это не борьба за выживание. Мы должны выработать взаимовыгодные условия соглашений и найти наилучшее решение путем переговоров»¹²³ [цит. по: Shi, 2010, с. 156–157].

Выступление Си Цзиньпина, где он говорит о Войне сопротивления японским захватчикам, наполнено дуалистической интерпретацией сложившейся ситуации. Необходимо отметить, что эта война стала важной

¹²¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹²² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹²³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

частью мировой войны с фашизмом, в которой Китай первым открыл масштабный антифашистский фронт в Восточном полушарии. Война Соппротивления в большой степени надломилась мощь японской державы ценой колоссальных человеческих и экономических жертв в Китае [Дюлюи, Дюлюи, 1998]. Несмотря на то, что политик говорил, какую серьезнейшую цену заплатил китайский народ в невыносимых тяготах противостояния более сильному противнику, его речь направлена на дискурсивное моделирование второй, противоположной, «светлой» стороны описываемых событий – огромной силы и воли китайского народа:

«在中国人民抗日战争的壮阔进程中，形成了伟大的抗战精神，中国人民向世界展示了天下兴亡、匹夫有责的爱国情怀，视死如归、宁死不屈的民族气节，不畏强暴、血战到底的英雄气概，百折不挠、坚忍不拔的必胜信念。伟大的抗战精神，是中国人民弥足珍贵的精神财富，永远是激励中国人民克服一切艰难险阻、为实现中华民族伟大复兴而奋斗的强大精神动力» / «Во время Войны сопротивления японским захватчикам китайский народ стал нацией Великого духа противостояния врагам. Весь мир увидел расцвет и упадок Поднебесной, патриотизм каждого простого жителя, его взгляд смерти прямо в глаза, чувство национального достоинства, не позволяющее предпочесть гибели капитуляцию. Китайский народ не испугался угроз и насилия, проявил героизм до последней капли крови и непоколебимую веру в обязательную победу»¹²⁴ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-09/03/c_1112350054.htm].

Как мы можем видеть в этом примере, китайский политик прибегает к использованию базовой стратегии положительной самопрезентации – панегирик своей стране, безоговорочное восхваление нации или, как определяет Т.А. ван Дейк, националистическое самовосхваление [Дейк, 2013].

¹²⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Китайский лидер также озвучивает сосуществование двух различных, нетождественных друг другу принципов китайско-американских отношений, самых важных отношений в XXI веке. Выступление Си Цзиньпина во время Шестого китайско-американского стратегического и экономического диалога и на Пятом собрании по культурному сотрудничеству в августе 2014 г. подчеркивает существующие сложности, а зачастую антагонистические отношения между странами. Тем не менее, он выстраивает свою речь по принципу полярности, акцентируя внимание на взаимовыгоде всех участников в случае развития отношений двух стран по мирному сценарию. Тем более что данное выступление происходит в условиях развития Китая как сверхдержавы, которая претендует на статус «державы номер один», занимаемый США. Это, как отмечают эксперты, как правило, осуществляется путем конфронтаций, экономической войны и т.д. [Chua, 2007]:

«35 年来, 中美关系虽然历经风风雨雨, 但总体是向前的, 得到了历史性发展。两国建立了 90 多个政府间对话机制。双边贸易额增长了 200 多倍, 去年达到 5200 多亿美元。双向投资存量已经超过 1000 亿美元。两国建立了 41 对友好省州和 202 对友好城市。两国人员往来每年超过 400 万人次。中美合作不仅造福中美两国人民, 而且促进了亚太地区和世界和平、稳定、繁荣。早在 1979 年, 邓小平先生就指出: 两国人民的利益和世界和平的利益要求我们从国际形势的全局, 用长远的战略观点来看待中美关系。今天, 中美两国经济总量占世界三分之一、人口占世界四分之一、贸易总量占世界五分之一。而且, 中美两国利益深度交融, 历史和现实都表明, 中美两国合则两利, 斗则俱伤。中美合作可以办成有利于两国和世界的大事, 中美对抗对两国和世界肯定是灾难。在这样的形势下, 我们双方更应该登高望远, 加强合作, 坚持合作, 避免对抗, 既造福两国, 又兼济天下» / «Несмотря на сложности и неопределенности в китайско-американских отношениях в течение их тридцатипятилетней истории, наши отношения все же нацелены на развитие. Два государства наладили более 90 межправительственных диалоговых

механизмов взаимодействия. Объем торговли увеличился более чем в 200 раз, и в прошлом году достиг более 520 млрд. дол. США. Взаимные инвестиции превышают 1 млрд. дол. США. Подписаны соглашения о дружбе между 41 субъектом обеих стран – провинциями и штатами, 202 города стали побратимами. Более четырех миллионов жителей обеих стран посещают страну-партнера ежегодно. Китайско-американское сотрудничество не только идет на пользу жителям наших держав, но и способствует поддержанию мира, стабильности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на всей планете. Как отметил Дэн Сяопин в начале 1979 года, интересы жителей наших стран равно как сохранение мира во всем мире требуют от нас подходить к двусторонним отношениям с позиции долгосрочной перспективы их существования. На сегодня общий экономический вес двух стран составляет одну третью часть от общемирового оборота, наше население составляет одну четвертую часть от населения Земли, общий торговый объем составляет одну пятую часть от мирового объема. Интересы обеих стран имеют очень тесное переплетение. История и существующая реальность доказывают, что противостояние двух держав может повлечь опасные последствия как для нас самих, так и для всего мирового сообщества, а взаимодействие – стать благом для всех. В связи с чем мы должны «стоять на высоте и смотреть вдаль», усиливая сотрудничество, последовательно выполняя взаимные обязательства, избегая контрпретензий во благо жителей наших стран и всех людей»¹²⁵ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politic/2014-07/09/c_1111530987.htm].

В этом высказывании Си Цзиньпин удостоверяет факт действительно тесного сотрудничества двух государств. При этом китайский политик, используя прием контраста, дискурсивно моделирует полярные сценарии существования как обеих стран, так и всего мирового сообщества. На текстовом уровне китайская диалектика или совмещение противоположностей

¹²⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

реализуется посредством яркой структурной и лексической соотнесенности – приемов параллелизма.

В выступлении на Саммите «Группы Двадцати» в сентябре 2016 г. глава КНР также прибегнул к диалектическому конструированию описываемого положения дел. Политик перечислил максимально возможные преимущества, которые потенциально даст выдвинутая Китаем инициатива создания современных зон экономики Великого шелкового пути и морского шелкового пути. А затем, прибегая к приемам параллелизма с использованием предложений, выражающих противопоставление, обозначил цели, преследуемые государством. Здесь диалектика репрезентации призвана указать на то, что целью КНР является, безусловно, процветание всех государств, а не только личные интересы. Применение данного приема весьма оправдано – именно маскировка лоббирования собственных интересов является причиной неоднократных обвинений Китая другими странами:

«我们将继续深入参与经济全球化进程，支持多边贸易体制。我们将加大放宽外商投资准入，提高便利化程度，促进公平开放竞争，全力营造优良营商环境。同时，我们将加快同有关国家商签自由贸易协定和投资协定，推进国内高标准自由贸易试验区建设。在有序开展人民币汇率市场化改革、逐步开放国内资本市场的同时，我们将继续推动人民币走出去，提高金融业国际化水平。中国的发展得益于国际社会，也愿为国际社会提供更多公共产品。我提出“一带一路”倡议，旨在同沿线各国分享中国发展机遇，实现共同繁荣。丝绸之路经济带一系列重点项目和经济走廊建设已经取得重要进展，21世纪海上丝绸之路建设正在同步推进。我们倡导创建的亚洲基础设施投资银行，已经开始在区域基础设施建设方面发挥积极作用。我想特别指出，中国倡导的新机制新倡议，不是为了另起炉灶，更不是为了针对谁，而是对现有国际机制的有益补充和完善，目标是实现合作共赢、共同发展。中国对外开放，不是要一家唱独角戏，而是要欢迎各方共同参与；不是要谋求势力范围，而是要支持各国共同发展；不是要营造自己的后花园，而是要建设各国共享的

百花园 / «Мы намерены продолжить активное участие в экономической глобализации, поддерживая систему многосторонней торговли. Мы планируем упростить процедуру иностранных инвестиций, содействовать честной и открытой конкуренции, создавая благоприятную экономическую среду. Одновременно с этим мы открыты для подписания с заинтересованными государствами соглашений о свободной торговле и инвестициях, создания экспериментальной зоны свободной торговли внутри страны, а также мы нацелены на проведение реформы коммерциализации валютного курса китайского юаня. Развитие Китая способствует развитию мирового сообщества, обеспечивая его многочисленными общественными благами. Предлагаемый Китаем проект развития «Один пояс – один путь» является благоприятной возможностью для развития сопредельных с Китаем государств и совместного достижения процветания. Строительство экономического коридора пояса Шелкового пути отмечено значительным прогрессом, равно как и создание морского шелкового пути. Учрежденный по нашей инициативе Азиатский банк инфраструктурных инвестиций ведет активную работу в данном направлении. Хочу особо подчеркнуть, что инициатива Китая по созданию этого проекта вовсе не нацелена на «сложение нового очага», поиска нового пути, тем более не нацелена на перенос центра тяжести на кого-либо, а направлена на совершенствование существующего механизма международного взаимодействия. Целью проекта является осуществление взаимовыгодного сотрудничества и развития. Китай открыт внешнему миру. Мы не желаем «петь одни за всех», а с удовольствием примем посильную помощь. Мы не стремимся к единоличному влиянию, а готовы способствовать развитию каждого. Мы не хотим возделывать собственный сад, а желаем возделывать общий сад совместно со всеми государствами»¹²⁶ [新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-09/03/c_1119506256.htm].

¹²⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Вышеприведенные примеры подтверждают стремление китайской коммуникации к диалектической репрезентации происходящих событий и, следовательно, их полярное отображение в лексической и синтаксической структурах дискурса с целью сохранения баланса оппозиций, выдвижения на первый план положительных сторон несчастных случаев, негативных событий, кризисов и конфликтов. Более того, культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» присутствует не только в дискурсе, репрезентующем ситуации и события негативного характера. В китайском культурно-дискурсивном пространстве также присутствует иной, оппозиционный модус рассматриваемого вектора – «При благополучии не забывать об опасности» / «居安思危». Данная философская мысль зафиксирована в комментариях к «И цзину», или «Канону перемен» («易经»): «安而不忘危，存而不忘亡，治而不忘乱» / «В мирные времена нужно помнить о существующей опасности во избежание краха»¹²⁷ [цит. по: 杨娜, 2014, с. 188]. Построение дискурса согласно этому модусу вектора «Диалектический подход» / «辩证思维» имеет своей целью повысить осознание адресатом необходимости помнить о постоянно изменяющемся порядке вещей и носит прагматический характер предупреждения, нежели устрашения и запугивания.

2.7 Культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси)

Исследователи китайской коммуникации в парадигме культурологического дискурс-анализа именуют данный теоретический компонент лексемой «关系». В нашей работе мы предлагаем номинировать рассматриваемый культурно-коммуникативный вектор аналогичной лексемой,

¹²⁷ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

т.е. «Включение в отношения», или «关系» (гуаньси). Вектор «Включение в отношения» / «关系» определяет специфику коммуникации и конструирования дискурса как общение, детерминированное особым отношением адресанта и адресата друг к другу.

Лексема «关系» (гуаньси) переводится на русский язык как «человеческие чувства; особое расположение; благоволение (*напр.* начальства); симпатия; внимание; правила общежития» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. По мнению Цзинь Яоцзи, включенность в отношения является «важной стратегией установления межличностной гармонии» [金耀基, 1988, с. 78].

Западные антропологи и социологи смогли начать академические исследования феномена «гуаньси» только тогда, когда Китай открылся внешнему миру. С точки зрения западных исследователей, основывающихся на представлениях о капиталистическом индивидуалистическом рыночном обществе, повсеместная зависимость от своей сети «гуаньси» и опора на социальные обязательства и долг при получении каких-либо вещей создают новый острый контраст. Корни «гуаньси» лежат в традиционной китайской культуре, с ее упором на конфуцианские ритуальные нормы, на родственные обязательства, на принципы «жэньцин» (人情 – моральный долг) и взаимности [Encyclopedia of Comtemporary Chinese Culture, URL: [http:// www.zoliticalavenu .com/PDF/ENCYCLOPEDIAS/Encyclopedia](http://www.zoliticalavenu.com/PDF/ENCYCLOPEDIAS/Encyclopedia)].

Как указывают антропологи Линь Юйтан, Хуан Гуанго и Цинь Мин'у, термин «гуаньси» описывает социальные отношения, базирующиеся на конкретных, обоюдных обменах одолжениями и подарками между членами семьи и другими. В известном смысле, гуаньси – это способ организации отношений вне семьи, включение посторонних в семейство. Оказывая им покровительство, одолжение, любезность, услугу, тем самым обязывают их на ответные действия. Этот процесс цементирует все псевдосемейные связи. В

идеале все социальные связи должны носить «семейный» характер [林语堂, 1994; 黄光国, 1988; 秦明吾, 2004].

«Включение в отношения» на уровне коммуникации между людьми, не состоящими в родственных или близких отношениях, всегда определено соблюдением ритуала. Данный вектор постулирован в выражениях «Лунь Юй» («论语») Конфуцием как:

«听思聪» / «Слушая, нужно пытаться понять»;

«非礼勿听» / «Речи, в которых нет ритуала, должны быть проигнорированы»;

«不以言举人，不以人废言» / «Не нужно превозносить человека на основании его слов, как и не нужно отталкивать его по этой причине»;

«听其言而观其行» / «Не доверяй словам слепо, а суди по поступкам»¹²⁸ [论语原文译文集赏析, URL: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>].

Указанные изречения отражают диалектику китайского дискурса, совмещение противоположностей: подчеркнута важность не только продуцирования высказывания, но и способов его восприятия. Адресат и адресант в одинаковой мере первостепенны для конструирования дискурса, который всегда является диалоговой формой общения. В связи с этим в осуществлении анализа китайского дискурса в рамках культурологического подхода уделяется большое внимание следующим аспектам:

- «群众反映» / «реакция народных масс»;
- «群众呼声» / «голос толпы»;
- «群众影响» / «эффект, произведенный на народные массы»;
- «人民来信» / «письма от народа или ответная реакция населения».

Воплощение конституента китайского культурно-дискурсивного пространства «Включение в отношения» / «关系» в модели китайского

¹²⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной

культурологического дискурс-анализа по аналогии с конфуцианской концепцией рассматривается в трех модусах этого культурно-коммуникативного вектора:

1. «Отношения семьи и государства» / «家国关系».
2. «Отношения чиновников и простого народа» / «官民关系».
3. «Отношения простых людей между собой» / «民民关系».

При этом с позиции современного социолингвистического подхода первые две проекции относятся к институциональному типу дискурса, а последняя – к персональному. Указанные модусы культурно-коммуникативного вектора «Включение в отношения» / «关系» представляются актуальными при рассмотрении противостояния монокультурных, внутрикитайских дискурсов. Например, как отмечают китайские исследователи в своих публикациях, модус «Отношения семьи и государства» / «家国关系» реализуется посредством метафорического переноса «小家» / «малая семья» в отношении группы живущих вместе родственников и «大家» / «большая семья» в отношении политической организации господствующего класса: «舍小家，为大家» / букв. «пожертвуем малой семьей ради большой семьи». Проявление второго и третьего модусов «Отношения чиновников и простого народа» / «官民关系» и «Отношения простых людей между собой» / «民民关系», как правило, исследователи обнаруживают в работе с первичными данными – интервью, где чиновники эксплицируют оценку своей деятельности в отношении конкретного вопроса, а простые жители повествуют о своем опыте переживания конкретных действий государства. В соответствии с традициями конфуцианства реализация этих модусов базируется на трех принципах: «Человечность» / «人道主义», «Сердечная забота» / «关爱» и «Гуманное управление» / «仁政». Эти принципы, как отмечают исследователи, фундируют «деликатность»

китайского дискурса, в то время как «западный» дискурс характеризуется «рациональностью» и «здоровым смыслом» [扬娜, 2014, с. 255].

Как мы можем видеть, культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» правомерно помещен нами в теоретическое обоснование и модель китайского культурологического дискурс-анализа, в особенности рассмотрения полифоний внутрикитайских дискурсов и их противостояний для выравнивания внутринациональной асимметрии, создания равновесия в отношении конфликтных вопросов.

2.8 Культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй)

Культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» является одним из вариантов реализации древнего принципа регулирования этических норм социального поведения «孝道» / «Преданность (служение) родителям, нормы (принцип) сыновней почтительности»), или «сяодао» [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Грамматологический и семантический анализ слова показывает, что «孝道» («сяодао») – это «путь» или «поведение», основанные на поклонении детей / «子» (цзы, ключевой знак «ребенок, сын») старшим или предкам / «老» (лао, ключевой знак «старость»). Принцип «孝道» («сяодао») описан в одном из канонических текстов конфуцианства «Каноне сыновнего благочестия», или «Каноне сыновней почтительности» («孝经»): «资于事父以事母, 而爱同», что можно трактовать, как «Дети должны в одинаковой мере ухаживать и заботиться об обоих родителях – отце и матери»¹²⁹ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

¹²⁹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Ван Цин и Сунь Шичао в своих рассуждениях, посвященных концепции «孝» / «Усердное исполнение сыновнего долга» («сяо»), говорят о том, что дискурс современного китайского общества по-прежнему выстраивается согласно древним постулатам, определяющим нормы поведения и коммуникацию. В том числе принцип «孝道» / «Преданность (служение) родителям, нормы (принцип) сыновней почтительности» («сяодао»), или «Забота о родителях», остается одним из столпов социального взаимодействия, несмотря на опеку над пожилыми со стороны государства и организации досуга внутри их возрастной группы. Старший по возрасту априорно обладает мудростью – он «мудр, когда находится в добром здравии, равно как и тогда, когда слабнет физически» [王勤, 孙士超, 2006, с.122–124].

По мнению Вэй Чжэнтуня, «孝» / «Усердное исполнение сыновнего долга» («сяо») есть воплощение «仁» / «Человеколюбия, гуманность» («жэнь»), а учение о почитании родителей – «孝学» («сяосюэ») есть учение о «仁学» («жэньсюэ»). Представленный абсолют гармоничного существования – «仁学» («жэньсюэ»), или «Учение о гуманности», реализуется посредством «孝学» («сяосюэ»), проявляясь в поведении и коммуникативных действиях членов общества [韦政通, 1990, с.144].

Исследователь Ян Гошу в сознании китайцев выделяет составляющие понятия «Почитание авторитета», которые мы можем приравнять к составляющим рассматриваемого культурно-коммуникативного вектора «Почитание авторитета» [杨国枢, 2004, с.203]:

- «权威心» / «дух почитания (любовь) авторитета» (высшая духовная составляющая);
- «权威知» / «знание об авторитете»;
- «权威感» / «чувство искреннего почитания (любви) авторитета»;
- «权威意» / «желание почитать авторитет»;

○ «权威行» / «коммуникативные действия, направленные на реализацию почитания авторитета».

Как указано в комментариях к «Ли цзи» («礼记»), одной из книг конфуцианского «Пятикнижия» («五经»), тексты которой регламентируют общественные отношения, религиозные обряды, содержат сведения о системе правления древних правителей, о древнем календаре: «先王之所以治天下者五: 贵有德、贵贵、贵老、敬长、慈幼。此五者, 先王之所以定天下也» / «Прежние (идеальные) государи управляли китайским государством, соблюдая пять постулатов: почитание добродетели, почитание высших, почитание пожилых, равное уважение к старшим и младшим, забота о малолетних. Соблюдение этих пяти постулатов позволяло прежним государям выполнять задачи императорской власти»¹³⁰ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>]. Приведенная сентенция, являющаяся микромоделью государственной системы, обосновывает китайский дискурс, подчеркивая основной принцип иерархии в китайском государстве как залог надлежащего управления страной и семьей.

По сути одной из основ благополучного существования общества является не безмолвное уважение к старшим, а его активная демонстрация. В китайском языке семантика слова «权威» («цюаньвэй») объединяет понятия «авторитетность» и «авторитет», т.е. признанную в обществе осведомленность, компетентность кого-либо в каких-нибудь вопросах и само лицо, обладающее этими характеристиками [百度知道, URL: <https://zhidao.baidu.com>].

Почитание авторитета, восходящее к принципу почитания предков, распространяется в китайском сознании на старших по возрасту; наделенных властными полномочиями; обладающих большим опытом или знаниями; на тех, чей социальный статус выше.

¹³⁰ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

Выражение в китайском языке «人微言轻», буквально обозначающее «человек слаб, слова его ничтожны»¹³¹ («когда человек занимает низкую позицию, его слово ничего не значит»), отчетливо отображает важность авторитетности, реализуемую в коммуникации [周光庆, 2002; Shi, 2009]. Реализация культурно-коммуникативного вектора «Почитание авторитета» / «崇尚权威» находит отражение в китайском дискурсе через такие характеристики, как:

- эксплицитное указание релевантной социальной позиции, возраста, наличия опыта;
- обращение к (или цитирование) авторитетным высказываниям;
- чрезмерная частотность (в сравнении с некитайским дискурсом) обращения к мнению авторитетного лица.

В современном китайском дискурсе мы наблюдаем «обращение к авторитетным лицам» в случае необходимости подтверждения какого-либо заявления или в случае потенциальной опасности, сомнительности этого заявления со стороны реципиента. Члены Государственного Совета и Всекитайского собрания народных представителей КНР, высших органов исполнительной и законодательной власти государства, воплощая абсолютную авторитетность в государстве, со своей стороны обращаются к древним философским изречениям как к источнику абсолютной авторитетности.

Однако характерным является также апеллирование к «мнениям экспертов» при отсутствии необходимости, когда приводимый факт является очевидным и не требует специальных познаний, анализа и умозаключений. Например, в своем сообщении информационное агентство «Синьхуа», анализируя причины меньших масштабов разрушений, вызванных землетрясением в китайской провинции Сычуань, эпицентр которого находился в уезде Вэньчуань, и сравнивая его с произошедшей более тридцати

¹³¹ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

лет назад одной из крупнейших природных катастроф XX века – землетрясением в китайском городе Тайшане провинции Хубэй, неоднократно ссылается на мнение экспертов: «专家说» / «как говорят эксперты»¹³². При этом отсутствует указание конкретной информации об этих экспертах. Исследователь Ши Сюй считает, что информация о том, что причины меньших масштабов первого землетрясения связаны с дневным временем и горной местностью, является очевидной, «фактом здравого смысла», и обращение к экспертным, авторитетным мнениям не является необходимым [Shi, 2013, с. 312].

Следует отметить, что влияние глобализации, средств массовой информации, интернет-тенденций (распространение социальных сетей) проявились в современном китайском дискурсе в частичном обесценивании самого понятия «авторитетность» [周光庆, 2002; Shi, 2009]. Популяризация отдельных личностей, как правило, представителей средств массовой коммуникации или известных актеров и эстрадных исполнителей, наделение полномочиями власти ученых и спортсменов и привлечение их в качестве экспертов и комментаторов событий различных сфер, находящихся вне зоны их профессиональной компетенции, ставит под сомнение авторитетность «авторитетного лица» в современной китайской коммуникации, обесценивая ее.

2.9 Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу’и)

Рассматриваемый культурно-коммуникативный вектор является специфичным маркером китайской коммуникации, проявляющимся во многих типах дискурса. Для обозначения данного направления китайского дискурса

¹³² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

исследователи Ян Ян, Ши Сюй, Ян На используют термин «爱国主义» / «патриотизм» [杨阳, 2001; 施旭, 2010; 杨娜, 2014]. Определение китайского понятия «爱国主义» / «патриотизм» совпадает с русским понятием «патриотизм» – «любовь к родине и готовность ее защитить от врагов, преданность отечеству [Академик, URL: <http://dic.academic.ru>] или английским «patriotism» – «devoted love, support, and defense of one's country» [Английский толковый словарь, <http://engood.ru/anglijskij-tolkovyj-slovar>]. Однако дефиниция китайского «патриотизма» помимо «любви и готовности встать на защиту родины» также включает «又尊重别的国家和民族的权利和自由» / «уважение прав и свободы других наций и стран»¹³³ [БКРС, URL: <http://www.bkrs.info.html>].

В китайском академическом пространстве существуют работы, где это направление обозначено лексемой «民族爱国主义» / «национализм», термином, близкородственным понятию «爱国主义» / «патриотизм». Общими для этих двух концепций являются такие понятия, как «民族利益» / «национальные интересы», «独立自主» / «национальная независимость», «国家安全» / «национальная безопасность», «民族自豪感» / «национальное самосознание» [Там же].

Учитывая негативную окраску, которую приобрел термин «национализм» в современном русском дискурсивном пространстве, в данной работе для определения этого культурно-коммуникативного вектора мы предлагаем использовать номинацию «национальный патриотизм», введенную в русском языке А.И. Солженицыным, определяемую как «цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей» [цит. по: Медведев, Медведев, 2015, с. 130]. На наш взгляд, понятие «национальный патриотизм» отражает позицию Фан Нина, Ван Сяодуна и Сун Цяна, авторов одного из манифестов национализма в современной КНР «Путь Китая в тени

¹³³ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

глобализации» («全球化阴影下的中国之路») [房宁, 王小东, 宋强, 1999], которые, «отчасти опираясь на методологию мирсистемного анализа Иммануила Валлерстайна и сторонников теории зависимого развития» [Габуев, 2011, с. 211], рассматривают китайский национализм как объединяющую народ идеологию и сохранение суверенитета страны путем естественного развития, возможного посредством укрепления военного и научного потенциала.

Как отмечают дискуртологи Чэнь Лицзян, Чэнь Сюйлу, Ши Сюй, Чжан Ювэнь, понятие «национальный патриотизм» / «民族爱国主义» имеет негативную коннотацию в англоязычном массмедийном пространстве и часто в отношении проявлений патриотизма вместо «patriotism» используются термины «fanatism» / «фанатизм», «fascism» / «фашизм», «nazism» / «нацизм». Таким образом, китайский патриотизм коннотируется как проявление агрессивной проповеди национальной исключительности, противопоставление интересов своей нации остальным. Китайские ученые указывают, что «западные» исследователи в описании дискурсивного конструирования образа Китая в современной политической коммуникации, как правило, используют такие термины, как «狭隘的民族主义» / «узкий национализм», «国族主义» / «принцип единого национального государства», «反西方» / «антизападное движение»¹³⁴ [陈丽江, 2007; 陈旭麓, 2008; 张幼文, 2005; Shi, 2013, 2014].

Культурно-коммуникативный вектор «национальный патриотизм» / «民族爱国主义» проявляется наиболее отчетливо в следующих дискурсивных контекстах:

○ празднование Дня образования Китайской Народной Республики – главного государственного торжества Китая;

¹³⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

○ празднование окончания Второй мировой войны и победы над японским милитаризмом;

○ ответная реакция на репрессивные, провокационные и агрессивные выступления со стороны зарубежных стран, в особенности со стороны европейских государств и США;

○ суверенность Китая;

○ национальные научные прорывы и достижения;

○ выдающиеся успехи отдельных граждан государства;

○ кризисная или бедственная ситуация.

Китайские исследователи в качестве краеугольного камня своих рассуждений о «неправильной» интерпретации китайского патриотического дискурса в странах Европы и США цитируют фрагменты статьи, опубликованной в «Хуаньцю шибао», или «Глобал таймс» («环球时报»), еженедельном дайджесте официального печатного издания Центрального Комитета КПК газеты «Жэньминь жибао» («人民日报»):

«中国的民族主义<...>其构成要素包括爱国思想、民族认同、中华文化的自豪感、复兴民族的抱负，以及对分裂祖国势力、外国侵略者和反华势力的反对和抗拒等等 <...> 当代中国依然需要民族主义。民族主义是一种积极进取的思想意识和精神力量，能够激发民族自尊心 and 民族自豪感，强化民族与国家认同，能够号召、动员、凝聚本民族的力量向着伟大的理想迈进<...> 国际秩序中的强国不喜欢弱势国家搞民族主义，甚至不遗余力地诬陷、打压他国的民族主义，这是必然的。因为弱国的民族主义会阻碍他们的霸权。这就是他们自己在大搞扩大性民族主义的同时却对他国放御性民族主义进行妖魔化的原因所在» / « (1) Китайский национализм <...> состоит из таких составляющих, как патриотизм, национальная идентификация, гордость китайской культурой, стремление к возрождению нации, и в равной степени включает в себя противостояние и противление национальному сепаратизму, иностранной агрессии и злостным настроениям по отношению к отечеству <...>

(2) Сегодняшнему Китаю необходим национализм. (3) Национализм – это активная демонстрация самосознания и источник духовных сил. Он стимулирует национальное самоуважение и гордость, возрождает национальную идентификацию, объединяет силы нации для достижения общих великих целей <...> (4) В условиях существующего миропорядка сильные страны «не приветствуют» национальные проявления слабых государств. Они прилагают максимум усилий, чтобы подавить голоса слабых стран или даже ложно обвинить их в экстремистском поведении. (5) Таково положение дел. Причиной тому является опасение, что национализм слабых стран может препятствовать гегемонии и деспотии. (6) И именно поэтому, с одной стороны, сильные державы активно продвигают собственный экспансионистский национализм и, с другой стороны, преувеличивают опасность национализма слабых стран, носящего протекционистский характер»¹³⁵ [цит. по: Shi, 2014, с. 100].

Согласно структурному элементу модели китайского культурологического дискурс-анализа – деконструкции, предложенной Ши Сюем, авторы статьи, противодействуя оппозиционному дискурсу других государств, выделяют позитивные компоненты (1) и функционал национализма (3) посредством использования положительно окрашенных эпитетов и концепций. Данные эпитеты конституируют устойчивое опровержение существующего дискурса, репрезентующего национализм как «мировое зло». Необходимость национализма констатируется в (2), тем самым осуществляется утверждение позиции поддержания. Более того, оппозиционность дискурсов «за» и «против» национализма или «Китай» и «Внешний мир» имплицитно обозначена в описании противостояния «сильных» и «слабых» государств (4). В частности, природа антинационалистического дискурса сильных держав описана как репрессивная и выстроенная на фальшивых обвинениях (5). Таким образом,

¹³⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

подавление и несправедливость, проявляемые в антинационалистических настроениях, обнаруживаются в (4) и (5). В конце текстового сегмента раскрываются негативные намерения и корысть сильных стран (6) и (7) [Shi, 2014, с. 100]. В итоге, используемые лексические единицы и сочетания, а также строение предложений, деконструируют антинационалистический дискурс иностранных стран.

В целом текст представляет собой ответную реакцию на существующий антинационалистический дискурс, выполняя функцию гармонизации миропорядка на межкультурном и международном уровнях. Тексты подобного содержания присутствуют во многих типах китайского дискурсивного пространства – от бытового до академического.

По мнению Фэй Сяотуна, конструирование образа китайского государства как державы, ослепленной привязанностью ко всему своему и отвращающейся от чужого, свидетельствует об умышленном игнорировании китайской истории двух последних столетий, которые стали причиной такой открытой, экспрессивной, «обильной» демонстрации любви к отечеству [费孝通, 1988]. К этим историческим событиям в первую очередь относят колонизацию и экономическую экспансию Китая западными странами в XIX в., а также японскую интервенцию в XX в., последствия которых носили крайне разрушительный характер для всех сфер существования общества. Коллективная память о гегемонии и вооруженном вмешательстве других стран, по мнению Ши Сюя, реализуется в «культурном чувстве любви к родине, размах которого в полной мере соизмерим с масштабом культурного унижения, горечи, негодования, пережитыми китайским народом» [Shi, 2013, с. 310].

По результатам проведенного нами анкетирования, 78 студентами, являющимися гражданами европейских государств, китайская демонстрация патриотизма воспринимается как слишком частое и неоправданно навязчивое явление. По признанию некоторых слушающих, проходящих обучение в Институтах международного образования Шаньдунского университета и

Университета им. Сунь Ят-сена, методические пособия по китайскому языку как иностранному, равно как и онлайн комментарии преподавателей, буквально «пропитаны» любовью китайских граждан к своей стране, что вызывает у европейцев раздражение и недовольство (См. Приложение 1).

В современном Китае вектор реализуется в «мягком» / «软实力», имплицитном противостоянии, оппозиционировании двум ярким «противникам» – Японии и США. Несмотря на огромную экономическую выгоду и дополнительные геополитические возможности взаимодействия Китая и Японии, китайские бизнесмены избегают какой-либо коммуникации, за исключением протокольной. Автор данной диссертации являлся свидетелем неоднократных ситуаций, когда китайские бизнесмены эксплицитно выражали свое нежелание, протест общения с японскими коллегами в таких ситуациях, как совместные ужины или обзорные экскурсии, нацеленные на интимизацию отношений, традиционную для китайской лингвокультуры.

Китайский представитель одной торговой компании выразил свой протест во фразе: «我宁愿呆在挨饿也不分与日本人食物, 即使吃晚饭有助于确保一个更大的利益。我的领导一定会理解我» / «Я предпочту остаться голодным, нежели разделю пищу с японцами, даже если этот ужин способствует получению большей выгоды. И мое руководство меня поймет»¹³⁶. Таким же образом действуют китайские студенты и преподаватели, «вынужденные» поддерживать взаимодействие с японцами: общение осуществляется только в институциональных рамках. Так, например, китайский преподаватель в российском вузе достаточно резко продемонстрировал отказ от участия в мероприятиях, посвященных празднованию Нового Года, узнав о том, что на торжество приглашены преподаватели из Японии, которые также являлись полноправными членами кафедры института: «日本人也会参加这次晚会呢? 那就我一定不去。你们自

¹³⁶ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

已选——我还是日本人去» / «И японцы будут участвовать в этой встрече? В этом случае меня не будет там. Выбирайте сами: или я, или японцы!»¹³⁷ При этом китайцы не используют каких-либо эпитетов, репрезентующих негативную оценку представителей японской нации, а только прибегают к интонационному выделению части высказывания, где присутствуют лексемы «日本人» / «японец» или «日本» / «Япония». Интонационно маркированное использование этих морфем имплицитно выражает негативное отношение китайского народа к носителям японской культуры, осуществлявшей захватнические действия в отношении Китая во время Китайско-японских войн периодов 1894-1895 гг. и 1937-1945 гг.

Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» отчетливо реализуется в политическом или правовом дискурсе в отношении поведенческой линии США. Китай на протяжении многих десятилетий является главной мишенью для правительства США, обвиняющего его в нарушении прав и свобод собственных граждан. Эти обвинения представлены в регулярных отчетах государственного департамента США о нарушении прав человека в зарубежных странах, в частности, в отношении политики «Одна семья – один ребенок» или ограничения миграции аграрного населения.

Китайские власти публикуют тексты этих отчетов с целью их дальнейших комментариев о незаконной интервенции США во внутренние дела государства, а также с целью воспрепятствования формированию отрицательного имиджа Китая на собственном информационном рынке. При этом правительство КНР указывает на фальсификацию выводов, обусловленную простой компиляцией фактов без учета внутренней конъюнктуры развития китайского общества, экономических, исторических, культурных обоснований принимаемых мер. В связи с этим, как указывает

¹³⁷ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

теоретик китайского культурологического дискурс-анализа профессор Ши Сюй, модель рассмотрения и оценки интеракции Китая в межкультурном пространстве должны включать определение общего контекста дискурса как структуры характеристик, релевантных его производству и пониманию дискурса. Это, в свою очередь, может способствовать перспективе изучения диахронического взаимодействия между участниками дискурсивного процесса.

Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» активно представлен в китайском интернет-пространстве, в информационных блогах, размещенных пользователями в социальных сетях и форумах. Достаточно большой резонанс вызвала опубликованная запись молодого китайского писателя Го Цзинмина на своей интернет-странице:

«你们就当我是中国的脑残粉好了。我就是曾经在天安门看升国旗哭了的人，我就是每次看奥运听见国歌就眼红哽咽的人，我就是曾经半夜看网上北京奥运圣火传递时，中国人保护火炬的图片，看得嚎啕大哭的人。你们不用怀疑，这种人是存在的。我的祖国确实有很多问题，但这并不影响我毫无保留地爱它，为它自豪» / «Вы можете посчитать меня обезумевшим фанатом Китая. Но я тот самый, кто рыдает при виде флага, поднимающегося над Тяньаньмэнь; я тот самый, у кого перехватывает дыхание и глаза воспаляются от слез, когда среди ночи слушаю гимн китайских олимпийских игр и смотрю церемонию передачи олимпийского факела. Я тот самый, кто при виде всего этого ревет во весь голос. Не сомневайтесь – такие люди существуют. Хотя в моей стране немало проблем, но это не влияет на мою безоговорочную любовь к ней и гордость за нее» ¹³⁸ [环球网, URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/shanrenping/2012-09/3105325.html>]. Подобные сентенции или их фрагменты немедленно заимствуются другими пользователями интернет-сети, равно как и цитаты из текстов дискурса

¹³⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

высшего руководства Коммунистической Партии Китая. Многие выражения из них стали прецедентными высказываниями и афоризмами.

Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义», являющийся одним из наиболее эффективных способов апелляции к чувствам народа, проявляется в ораторском искусстве китайских политических лидеров. При этом здесь используются различные типы положительной самопрезентации как части социокогнитивной стратегии взаимодействия – выступление политика от лица правительства, выступление от лица страны и выступление от своего лица.

Влияние культурно-коммуникативного вектора «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» настолько сильное, что высказывания против этого явления могут запустить такие модусы моделирования культурно-коммуникативного вектора «Лицо» / «脸面», как «Нанесение вреда лицу» / «损脸面» или «Разрыв отношений» (букв. «Разорвать лицо» / «撕破脸面»), описанные нами в параграфе 2.3 Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» (ляньмянь) во второй главе. Феномен «оберегания и защиты» собственного патриотизма исследуется китайскими теоретиками в научных статьях и монографиях, нацеленных на коррекцию асимметрии, «гармонизацию» общемирового дискурса, продуцированного другими странами, «информационно вторгающимися и негативно комментирующими внутреннюю политику государства» [Нагибина, 2013, с. 137]. Итак, данный культурно-коммуникативный вектор направлен на поддержание доминирующего вектора китайской коммуникации – культурно-коммуникативного вектора «Гармония» / «中和».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ обширного теоретического и эмпирического материала позволил нам смоделировать китайское культурно-дискурсивное пространство через совокупность культурно-коммуникативных векторов, фундирующих особенности общения и коммуникативного стиля в китайской лингвокультуре.

1. Культурно-дискурсивное пространство определяется нами как континуум потока социального опыта и национальных традиций, в котором на основе интеграции культурных и коммуникативных феноменов и символических кодов образуется специфическое содержательное и функциональное единство.

2. Культурно-коммуникативный вектор в рамках данного диссертационного исследования понимается как традиционный архетипически обусловленный дискурсивный ориентир, имеющий социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, который определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. Культурно-коммуникативный вектор проявляется в интеракции вариативными способами, обозначенными в данной работе модусами его репрезентации.

3. «Эстетика речи» / «话语审美» является универсальным языковым феноменом китайской коммуникации, фоновой характеристикой, присущей всем типам дискурса, и определяется как предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей эстетического мышления и воздействия на эстетические установки адресата. Данный императив дискурса реализуется на фонетическом уровне (ритм), лексическом и синтаксическом уровнях (лаконичная выразительность, симметрия структур), а также задействует когнитивный уровень языковой личности, включающий знания о мире, способности мысленного представления объектов, ситуаций, действий, не данных эксплицитно в актуальном восприятии.

4. Китайское культурно-дискурсивное пространство можно охарактеризовать через совокупность органично дополняющих друг друга культурно-коммуникативных векторов: «Гармония» / «中和» (чжунхэ) как целеполагающий вектор, «Лицо» / «脸面» (ляньмянь), «Вежливость» / «礼貌» (лимао), «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и), «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй), «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси), «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй), «Патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и).

5. Культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和», целеполагающий конститuent китайского культурно-дискурсивного пространства, является доминирующим критерием в парадигме китайского культурологического дискурс-анализа для поиска, конструирования, сохранения или деструкции равновесия между отдельными индивидами, микрогруппами, социумами и государствами. Китайская коммуникация включает семь модусов реализации вектора «Гармония» на дискурсивно-поведенческом уровне: «Гармония как высшая ценность» / «和为贵»; «Ориентация на интересы собеседника / «迎合»; «Беспринципный компромисс, уступка» / «迁就»; «Избегание соперничества в общении, избегание спора» / «畏争»; «Включение третьей стороны (примирителя, миротворца)» / «企盼和事佬»; «Подчинение большинству» / «从众»; «Сначала – этикет, потом – оружие» / «先礼后兵».

6. Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面», восходящий к этико-политической традиции конфуцианства, определяет социально-нормативное поведение носителя китайской лингвокультуры. Китайское культурно-дискурсивное пространство конструируют одиннадцать модусов культурно-коммуникативного вектора «Лицо» / «脸面» в порядке межличностного / межгруппового / межгосударственного взаимодействия, формируемого под влиянием моральных ограничений.

7. Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» реализуется во взаимозависимости или иерархических отношениях участников общения, детерминированных коммуникативным контекстом. Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» – это коммуникативная конвенция сохранения лица адресанта и адресата на дискурсивном уровне, проявляемая в самоунижении, умалении своей позиции и возвышении собеседника.

8. Культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» является отличительным маркером китайского дискурсивного пространства, изобилующего имплицитностью, где план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения. Данный вектор специфицирует самостоятельное раскодирование посланной информации адресатом и имеет три модуса реализации: «Умалчивание» / «慎言», «Имплицитность, скрытость высказывания» / «含蓄» и «Множественный повтор мысли» как способ продуцирования истинного смысла высказывания / «正义多表».

9. Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй) проявляется в формах производства и понимания китайского дискурса, типизируемого такими ситуациями, как катастрофы, чрезвычайные ситуации, кризисы, а также представление собственных достижений. Реализация данного вектора осуществляется модусами максимального ограничения использования резких утверждений; глобального описания ситуации; контекстуальной и холистической репрезентации актуальной конъюнктуры; включения положительных сторон сложившейся негативной ситуации и наоборот – модус «При благополучии не забывать об опасности» / «居安思危».

10. Культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси) диагностирует одинаковую первостепенность адресанта и

адресата в конструировании дискурса, который всегда является диалоговой формой общения. В соответствии с конфуцианской традицией реализация этого вектора рассматривается в трех модусах: «Отношение семьи и государства» / «家国关系», «Отношение чиновников и простого народа» / «官民关系», «Отношение простых людей между собой» / «民民关系».

11. Культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй) является одним из вариантов реализации древнего принципа регулирования этических норм социального поведения «孝道» / «преданность (служение) родителям, нормы (принцип) сыновней почтительности»). Ориентация коммуникации по вектору «Почитание авторитета» / «崇尚权威» проявляется посредством эксплицитного указания релевантной социальной позиции, возраста, наличия опыта; обращения (или цитирования) к авторитетным высказываниям; чрезмерной частотности (в сравнении с некитайским дискурсом) обращения к мнению авторитетного лица.

12. Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и) является отличительным маркером китайской коммуникации, проявляющимся во многих типах дискурса. В современном Китае вектор реализуется в «мягком» / «软实力», имплицитном оппозиционировании двум ярким «противникам» – Японии и США. Особенно данный вектор репрезентирован в ораторском искусстве китайских политических лидеров, где используются различные типы положительной самопрезентации: выступление политика от лица правительства, выступление от лица страны и выступление от своего лица.

13. Конституенты дискурса в китайской лингвокультуре имеют глубокое и многостороннее обоснование в классических философско-религиозных канонических произведениях Китая, не утративших своей детерминирующей силы в актуальном культурно-дискурсивном пространстве.

14. В результате исследования нам удалось инструментализировать и придать прикладной характер исследовательской модели в формате китайского культурологического дискурс-анализа. Во второй главе представлено культурно-философское обоснование каждого выявленного культурно-коммуникативного вектора, определяющего специфику и содержательное наполнение процессов коммуникации и разных типов дискурса в китайской лингвокультуре. В данной работе предпринята попытка выделить модусы или дискурсивные варианты реализации основных составляющих коммуникации носителей китайского языка, не представленные в концепции Ши Сюя, ориентированной на интерпретацию китайского дискурса. Предложенная модель китайского культурно-дискурсивного пространства имеет комплексный и верифицируемый характер, т.к. она опирается на исследования, выполненные в традиции культурологического анализа китайского дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации предпринята попытка проанализировать и системно описать общие тенденции развития китайской дискурсологии, становление которой совпало с периодом начала политики реформ и открытости¹³⁹ в конце 80-х годов XX века.

Изучение обширного теоретического материала позволило выделить шесть направлений в китайской исследовательской традиции, дифференцируемых предметом анализа и применяемыми научными методами: исследования в области лингвистического дискурса (语言话语学研究); исследования дискурса литературного произведения (文艺话语研究); исследования массмедийного дискурса (传播话语研究); исследования дискурса философии (哲学话语研究); исследования дискурса культуры (文化话语研究); исследования дискурса политики, социальных отношений, феминизма, истории, коммерции, педагогики, психических феноменов (政治, 社会, 女权, 历史, 商务, 教育, 心理学科领域中的话语研究). В своих работах китайские дискурсологи оперируют семнадцатью терминами, семантически коррелирующими с дефинициями «дискурс», принятыми в «западных» гуманитарных науках. Номинации, используемые китайскими учеными, обладают разной степенью дистрибуции в научной литературе, при этом наиболее употребляемыми являются лексемы «语篇» (юйпянь) и «话语» (хуаюй).

В исследовании выявлено, что в большинстве публикаций в области лингвистического подхода к анализу китайского дискурса применяются теоретические модели и методология, разработанные в рамках «западной» традиции дискурс-анализа. Между тем параллельно с проведением исследований китайскими авторами в русле «западных» концепций с начала

¹³⁹ Экономические реформы, осуществляемые правительством КНР с 1978 г.

XXI века в китайской дискурсологии формируется новое глобальное направление – «культурологический дискурс-анализ» (文化话语研究), использующее идеи и методы критического анализа дискурса. Культурологический дискурс-анализ направлен на интерпретацию и объяснение отношений неравенства «западных» и «восточных» культур и социумов.

Одновременно с обоснованием теории культурологического дискурс-анализа его основоположник, исследователь Ши Сюй, разрабатывает теорию китайского культурологического дискурс-анализа в качестве специальной модели для интерпретации «восточной» коммуникации. Основной целью китайского культурологического анализа коммуникации является исследование культурно-дискурсивного контекста с учетом единства ценностей, норм и правил взаимодействия субъектов посредством языковых и неязыковых форм китайской лингвокультуры, где основным инструментарием выступают методологические элементы – «деконструкция» и «трансформация», направленные на выявление китайских культурно-коммуникативных ориентиров и выравнивание существующей асимметрии дискурсов разных социальных групп, а также «гармонизацию» дискурсов китайского национального и межнационального пространств.

В данной работе на основании анализа обширного теоретического и эмпирического материала нами представлена модель китайского культурно-дискурсивного пространства через совокупность культурно-коммуникативных векторов, фундирующих особенности общения и стиля в китайской лингвокультуре. Культурно-дискурсивное пространство является средой, в которую говорящие погружаются в процессе коммуникативной деятельности, где культура является непосредственным детерминантом этой деятельности. Культурно-дискурсивное пространство определяется нами как континуум потока социального опыта и национальных традиций, в котором на основе интеграции культурных и коммуникативных феноменов и символических кодов образуется специфическое содержательное и

функциональное единство. При этом культурно-коммуникативный вектор мы понимаем как традиционный архетипически обусловленный дискурсивный ориентир, имеющий социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, который определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. Культурно-коммуникативный вектор может проявляться в интеракции неодинаковыми способами, номинированными в нашем исследовании модусами его реализации, т.е. дискурсивными вариантами составляющих китайской коммуникации.

Китайское культурно-дискурсивное пространство представляет собой совокупность восьми культурно-коммуникативных векторов: «Гармония» / «中和» (чжунхэ) как целеполагающий вектор, «Лицо» / «脸面» (ляньмянь), «Вежливость» / «礼貌» (лимао), «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и), «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй), «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси), «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй), «Патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и) и дискурсивного императива, фонообразующего конституента китайской коммуникации – «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй).

Конституенты дискурса в китайской лингвокультуре имеют глубокое и многостороннее обоснование в классических философско-религиозных канонических произведениях Китая, не утративших своей детерминирующей силы в актуальном культурно-дискурсивном пространстве. Положения древних китайских канонов, фундирующие выделенные нами базовые ориентиры китайской лингвокультуры, постулируют принципы природного и цивилизационного развития китайского общества. Они и сегодня цементируют китайское культурно-коммуникативное пространство, являются его параметрическими элементами, согласно которым выстраивается модель китайского культурологического дискурс-анализа.

Современный китайский дискурс находится в прямой зависимости от культуры и ее трансформации в историческом процессе. Китайская культурно-коммуникативная традиция по своей сути – это сложнейшая комбинация философско-религиозных учений конфуцианства, буддизма и даосизма, национального патриотизма, противостояния интервенции других государств и влияния теории марксизма. Необходимо признать, что в условиях мировой глобализации китайское культурно-дискурсивное пространство становится открытым для влияния иных, «западных» дискурсов, но при этом экстраполирует только внешние, формальные признаки чужеродной коммуникации: иноязычная лексика функционирует в соответствии с законами китайского, изолирующего языка. Несмотря на облачение китайских бизнесменов и политиков в одежду европейского покроя и соблюдение ими «западного» делового этикета, выстраивание их дискурса осуществляется согласно культурно-коммуникативным векторам собственного дискурсивного пространства, генерированным на основании архетипов мифо-ритуального общения и природных энергийных ритмов инь и ян, совмещающих в себе внутреннюю тайну культуры, ее внешнее осознание и практическое воплощение. Это означает, что анализ китайского дискурса должен осуществляться с применением инструментария, учитывающего специфику национальной коммуникации.

Выполненное в рамках данной работы системное описание формирования и развития парадигмы дискурсивной лингвистики в китайском языкознании, а также предложенная авторская модель параметризации китайского дискурсивного пространства могут создать продуктивную перспективу для дальнейших исследований различных типов китайского институционального общения (например, массмедийного, академического, юридического, делового, коммерческого дискурсов), а также дискурсивных практик повседневной китайской коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Алексахин, А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка / А. Н. Алексахин. – М.: Издательство АСТ: Восток–Запад, 2006. – 204 с.
2. Алексеев, В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / В. М. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 258 с.
3. Алимов, И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И. А. Алимов. – СПб: Наука, 2008. – 284 с.
4. Баранов, А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание) / А. Н. Баранов. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
5. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Сб: М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 428–472 с.
6. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
7. Белозерова, В. Г. Искусство китайской каллиграфии: анализ культурной традиции: дис. ... д-ра. искусствоведения: 24.00.01 / Белозерова Вера Георгиевна. – М., 2004. – 447 с.
8. Воропаев, Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Воропаев Николай Николаевич. – М., 2012. – 27 с.
9. Габуев, А. Т. Национализм интеллектуалов современной КНР: оппозиционный или провластный? / А. Т. Габуев // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. – 2011. – № 3. – С. 209–211.
10. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

11. Гирц, К. Интерпретация культур. Пер. с англ. / К. Гирц – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 560 с.
12. Гольгина, Г. И. Изящная словесность (вэнь) / Г. И. Гольгина // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2008. – 855 с. – С. 76–78.
13. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
14. Готлиб, О. М. О природе и видах синкретизма в современном китайском языке / О. М. Готлиб // Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. – М.:1 Ин-т языкознания РАН, 1994. – С.36–40.
15. Дашевская, Г. Я., Кондрашевский, А. Ф. Китайский язык для делового общения / Г. Я. Дашевская, А. Ф. Кондрашевский. – М.: ИД «Муравей», 2000. – 352 с.
16. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
17. Дейк, ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
18. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и грамматике / В. В. Дементьев. – М.: Глобал Ком, 2013. – 336 с.
19. Деррида, Ж. О грамματοлогии. Пер. с фр. / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
20. Драгунов, А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка / А. А. Драгунов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – 270 с.

21. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи / А. А. Драгунов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 232 с.
22. Дубровская, О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Дубровская Ольга Георгиевна. – Тамбов, 2015. – 42 с.
23. Думанская, К. С. Лингвистические и культурные особенности печатной и наружной социальной рекламы в Китае / К. С. Думанская // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 82–91.
24. Дюлюи, Р. Э., Дюлюи, Т. Н. Всемирная история войн / Р. Э. Дюлюи, Т. Н. Дюлюи. – СПб, М.: АСТ, 1998. – Т. 4. – 1120 с.
25. Зинин, С. В. История древнекитайской литературы в вопросах и ответах [Электронный ресурс] / С. В. Зинин. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2002. – 176 с. – Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks327480.html.
26. Ивченко, Т. В. Лицо китайца [Электронный ресурс] / Т. В. Ивченко // Отечественные записки. – 2014. – № 1 (58). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca.html>.
27. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
28. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
29. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры: монография / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 319 с.
30. Каримов, А. Р. Введение в аналитическую философию: учебное пособие / А. Р. Каримов. – Казань: Казанский университет, 2012. – 115 с.
31. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1983. – 295 с.

32. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – М., 2003. – 90 с.
33. Кобзев, А. И. У Вэй / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2006. – 727 с. – С. 450–451.
34. Кобзев, А. И. Чжоу И / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2006. – 727 с. – С. 580–583.
35. Колпачкова, Е. Н. Акциональные классы глаголов в современном китайском языке: грамматика и комбинаторика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Колпачкова Елена Николаевна. – Спб., 2011. – 473 с.
36. Колпачкова, Е. Н. Грамматика и семантика восточного текста. Квантитативные характеристики / Е. Н. Колпачкова // Китайский язык / Отв. ред. В. Б. Касевич. – СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011. – С. 111–122.
37. Копнина, Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография / Г. А. Копнина. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 576 с.
38. Коротков, Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка: Грамматическая природа слова / Н. Н. Коротков. – М.: Наука, 1968. – 400 с.
39. Кравцова, М. Е. Вэнь синь дяо лун / М. Е. Кравцова // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2008. – 855 с. – С. 250–254.

40. Крюкова, И. В. Перформативные высказывания и перформативный глаголы [Электронный ресурс] / И. В. Крюкова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/performativnoe-vyskazyvanie-i-performativnyy-glagol.html>.
41. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Куликова Людмила Викторовна. – Красноярск, 2006. – 327 с.
42. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л. В. Куликова. – М.: Флинта, 2009. – 288 с.
43. Купина, Н. А. Лингвистический анализ художественного текста / Н. А. Купина. – М.: Просвещение, 1980. – 79 с.
44. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М.: Цитадель-трэйд, 2006. – 576 с.
45. Курилова, К. А. Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]: 10.02.22 / Курилова Конкордия Александровна. – Владивосток, 1997. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/obrascheniya-v-sovremennom-kitayskom-yazyke#ixzz4HgWtARgj.html>.
46. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002. – 344 с.
47. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю. М. Лотман // Новая литература по культурологии. – 1995. – № 3. – С. 30–42.
48. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии / под ред. А. А. Броноева. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 25–42.
49. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 632 с.

50. Маслов, А. А. Танцующий феникс. Тайны внутренних школ [Электронный ресурс] / А. А. Маслов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/tancuyushchij-feniks-tajny-vnutrennih-shkol-ushu-read-28550-1.html>.
51. Маслов, А. А. Классические тексты Дзэн (перевод, исследование, комментарий) / А. А. Маслов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 479 с.
52. Маяцкий, Д. И. Обсуждение во второй половине 50-х годов 20-го века проблемы идейного содержания знаменитой пьесы «Пипа цзи» китайского драматурга Гао Мина (1304?–1370?) / Д. И. Маяцкий // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы I-й Международной научной конференции. – СПб., 2004. – С. 104–112.
53. Маяцкий, Д. И. Знаменитая пьеса в жанре наньси «Пипа цзи» Гао Мина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Маяцкий Дмитрий Иванович. – СПб., 2009. – 231 с.
54. Маяцкий, Д. И. Об изучении пьесы «Пипа цзи» в Китае в XX – начале XXI века / Д. И. Маяцкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение, африканистика. – СПб., 2010. – № 13 (2) – С. 120–126.
55. Медведев, Р., Медведев, Ж. Нобелевские лауреаты России / Р. Медведев, Ж. Медведев. – М.: Время, 2015. – 799 с.
56. Мирульд, Р. П. Язык как символ культуры / Р. П. Мирульд // Язык и культура. – 2013. – № 2. – С. 43–60.
57. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Михайлова Елена Владимировна. – Волгоград, 1999. – 22 с.
58. Нагибина, И. Г. Опыт анализа китайского исследования внешне и внутренне ориентированного дискурса о политике ограничения рождаемости в КНР / И. Г. Нагибина // Известия Южного федерального университета. – 2016. – № 3. – С. 52–60.

59. Ошанин, И. М. Учебник китайского языка / И. М. Ошанин. Военное издательство МВС СССР, 1946. – 252 с.
60. Переверзев, Е. В. Современный культурологический анализ дискурса [Электронный ресурс] / Е. В. Переверзев // Современный дискурс-анализ. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.shtml>.
61. Переверзев, Е. В. Китай: реконцептуализация в идеологии и культуре [Электронный ресурс] / Е. В. Переверзев // Современный дискурс-анализ. – 2014. – № 14. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/ada14.pdf>.
62. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс в когнитивном и структурно-функциональном аспектах / С. Н. Плотникова. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. – 244 с.
63. Поливанов, Е. Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка [Электронный ресурс] / Е. Д. Поливанов // Сб.: Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – Режим доступа: <http://xn--e1aaifpcds8ay4h.com.ua/pages/view/806.html>.
64. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
65. Рогова, К. А., Рогова, К. И., Колесова, Д. В., Шкурина, Н. В. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / К. А. Рогова, К. И. Рогова, Д. В. Колесова, Н. В. Шкурина. – СПб.: Златоуст, 2015. – 465 с.
66. Родионов, А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР / А. А. Родионов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2010. – № 13 (2). – С. 137–149.
67. Родионова, О. П. Творчество современного китайского писателя Чжан Сяньляна: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Родионова Оксана Петровна. – М., 2003. – 296 с.

68. Родионова, О. П. Столкновение китайской традиции с западной мыслью как первый шаг к появлению детской литературы в Китае / О. П. Родионова // Сборник материалов 4-й международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». – Спб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – Т. 2. – С. 263–281.
69. Рыков, С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций [Текст] / С. Ю. Рыков. – М.: ИФРАН, 2012. – 312 с.
70. Рубец, М. В. Влияние китайского языка на мышление и культуру его носителей / М. В. Рубец // История философии. – 2009. – № 14. – С. 111–122.
71. Семенов, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенов. – М.: Муравей, 2000. – 312 с.
72. Семенов, А. Л. Лексикология современного китайского языка / А. Л. Семенов. – М.: Наука, 1992. – 279 с.
73. Серебряков, Е. А., Родионов, А. А., Родионова, О. П. Справочник по истории литературы Китая (XII до н.э. – начало XXI в.) / Е. А. Серебряков, А. А. Родионов, О. П. Родионова. – М.: Восток–Запад, 2005. – 333 с.
74. Серебряков, Е. А., Родионов, А. А. Постижение в России духовного и художественного мира Лу Синя / Е. А. Серебряков, А. А. Родионов // Проблемы литератур Дальнего Востока: Материалы V Международной научной конференции – Спб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – Т. 2. – С. 13–32.
75. Симоненко, Н. Ю. Нарративная песня в китайской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Симоненко Наталья Юрьевна. – Волгоград, 2015. – 187 с.
76. Солнцева, Н. В. Страдательный залог в китайском языке: Проблемы морфологии / Н. В. Солнцева. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 101 с.
77. Солнцева, Н. В., Солнцев, В. М. Теоретическая грамматика китайского языка (Проблемы морфологии) / Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. – М.: ВКИ, 1978. – 152 с.

78. Сомкина, Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений / Н. А. Сомкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение, африканистика. – Спб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – № 13 (2). – С. 77–86.
79. Сомкина, Н. А. Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность) / Н. А. Сомкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение, африканистика. – Спб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – № 13 (1). – С. 30–46.
80. Спешнев, Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. – СПб.: КАРО, 2011. – 330 с.
81. Сторожук, А. Г. Буддийские концепты в китайской художественной литературе эпохи Тан. Осмысление проблем творчества / А. Г. Сторожук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология, востоковедение, журналистика. – Спб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – № 9 (1). – С. 81–89.
82. Сторожук, А. Г. Художественные концепты и творчество в литературе эпохи Тан: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.03 / Сторожук Александр Георгиевич. – Спб, 2006. – 610 с.
83. Титаренко, М. Л., Лукьянов, А. Е. Духовная культура Китая / М. Л. Титаренко, А. Е. Лукьянов // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2006. – 727 с. – С. 13–32.
84. Фролова, М. Г. Китайский язык. Справочник по глаголам / М. Г. Фролова. – М.: Живой язык, 2010. – 224 с.
85. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с.
86. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2007. – 624 с.

87. Хайрутдинова, Г. А. О семантике и эстетических ресурсах категории рода существительных (на материале художественной речи) [Электронный ресурс] / Г. А. Хайрутдинова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-i-esteticheskikh-resursah-kategorii-roda-suschestvitelnyh-na-materiale-hudozhestvennoy-rechi.html>.
88. Храковский, В. С., Володин, А. П. Семантика и типология императива: Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
89. Цун, Япин. Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте [Электронный ресурс] / Цун Япин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 1 (17). – Режим доступа: http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2012/tsun_yapin.pdf.
90. Чжан, Бинлинь. Избранные произведения: 1894 – 1913 гг. Пер. с кит. [Электронный ресурс] / Чжан Бинлинь. – М.: Наука - Вост. лит., 2013. – Режим доступа: <http://www.synologia.ru/monograph-899>.
91. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
92. Чэн, Минг-Джер. Китайский бизнес изнутри / Минг-Джер Чэн. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
93. Юркевич, А. Г. Чжэн мин / А. Г. Юркевич // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2006. – 727 с. – С. 598–599.
94. Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика. – 1983. – С. 102–117.

95. Яхонтов, С. Е. Результатив в китайской языке / С. Е. Яхонтов // Типология результативных конструкций. / Под ред. В.П. Небялкова. Л.: Наука, 1983. – С. 67–80.
96. Яхонтов, С. Е. Служебные слова и морфемы в изолирующих и других языках / С. Е. Яхонтов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сборник статей / Ред. В. С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко. – М.: Знак, 2004. – С. 520-530.
97. Яхонтов, С. Е. Китайский: язык без грамматических категорий / С. Е. Яхонтов // Грамматические категории: Иерархия, связи, взаимодействие: Мат-лы междунар. науч. конференции. СПб, 22–24 сент. 2003 г. / Отв. ред. В.С. Храковский. – СПб., 2003. – С. 174–176.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

98. Aleksandrova, O.V. On the Problem of Contemporary Discourse in Linguistics / O.V Aleksandrova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2017. – № 3. – P. 298–302.
99. Austin, J. L. How to Do Things with Words: The William James lectures delivered at Harvard University in 1955 / J. L. Austin. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 174 p.
100. Atkinson, J. M., Heritage, J. Structures of social action / J. M. Atkinson, Heritage J. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 464 p.
101. Basso, E. B. Native Latin American cultures through their discourse / E. B. Basso. – Bloomington: Folklore Institute, Indiana University, 1990. – 304 p.
102. Bell, A. Approaches to Media Discourse / A. Bell. – London: Sage, 2001. – 304 p.
103. Brown, P., Levinson, S. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson / ed. E.N. Goody // Questions and politeness: strategies in social interactions, 1978. – P. 56–289.

104. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
105. Cao, S-q. The discourse of literary theory and the dialogue between Western and Chinese literary theories / S-q. Cao // Journal of Multicultural Discourses, 2008. – № 3. – P. 1–15.
106. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 392 p.
107. Chao, Y. Aspects of Chinese sociolinguistics / Y. Chao. – Stamford, CA: Stamford University Press, 2008. – 415 p.
108. Chatman, S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film / S. Chatman. – Ithaca and London: Cornell UP. – 1978. – 277 p.
109. Chen, G-m. Towards transcultural understanding: A harmony theory of Chinese communication / G. M. Chen // Transculture: perspectives on cross-cultural relations, 2001. – P. 55–70.
110. Chen, G-m., R. Ma. Chinese Conflict Management and Resolution: Advances in Communication and Culture / G-m. Chen, R. Ma. Westport: Ablex Pub., 2002. – 346 p.
111. Chen, G-m. The two faces of Chinese communication / G-m. Chen // Human Communication, 2004. – P. 25–36.
112. Chen, R. Responding to Compliments: A Contrastive Study of Politeness Strategies between American English and Chinese Speakers / R. Chen // Journal of Pragmatics, 1993. – №20. – P. 49–75.
113. Chen, R. Food-paying and Chinese Politeness / R. Chen // Journal of Asian Pacific Communication, 1996. – №7. – P. 143–155.
114. Chua, A. Day of Empire: How Hyperpowers Rise to Global Dominance – and why They Fall / A. Chua. New-York: Doubleday, 2007. – 432 p.

115. Dijk, van T. A. Prejudice in Discourse: An analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation / T. A. van Dijk. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. – 177 p.
116. Dijk, van T. A. News as Discourse / T. A. van Dijk. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1988. – 200 p.
117. Dijk, van T. A. Elite discourse and racism / T. A. van Dijk. – London: Sage Publications, 1993. – 320 p.
118. Fang, H., Heng, J-h. Social changes and changing address norms in China / H. Fang, J-h. Heng // Language in Society. – 1983. – № 12 (4). – P. 495–509.
119. Fairclough, N. Discourse and social change / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, Blackwell, 1992. – 259 p.
120. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough. – London, 1995. – 224 p.
121. Genette, G. Narrative Discourse / trans. J.E. Lewin // G. Genette, J. E. Lewin. – Oxford: Blackwell, 1980. – 285 p.
122. Givón, T. Topic, pronoun, and grammatical agreement / T. Givón // In: Subject and topic, ed. C. Li. – New York: Academic Press, 1976. – P. 149–188.
123. Givón, T. Syntax and Semantics: Discourse and syntax / T. Givón. – New York: Academic Press, 1979. – 553 p.
124. Greimas, A.-J., Courtés, J. Semiotics and Language: An Analytical Dictionary / A.-J. Greimas, J. Courtés. – Bloomington: Indiana UP, 1979. – 368 p.
125. Grice, P. Studies in the Way of Words / P. Grice. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 406 p.
126. Goffman, E. On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction / E. Goffman // Psychiatry: Journal of the Study of Interpersonal Processes, 1955. – №18 (3). – P. 213–231.

127. Gu, Y-g. Politeness phenomena in modern Chinese / Y-g. Gu // *Pragmatics*, 1990. – №14. – P. 237–257.
128. Gumperz, J. *Discourse strategies* / J. Gumperz Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 224 p.
129. Halliday, M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English* / M.A.K Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – 374 p.
130. Halliday, M.A.K. *An introduction to functional grammar* / M.A.K Halliday. – London: Arnold, 1985. – 800 p.
131. Hong, W. *An Empirical Study of Chinese Request Strategies* / W. Hong // *International Journal of the Sociology of Language*, 1996. – P. 127–138.
132. Hopper, P. J. *Emergent grammar* / P. J. Hopper // *Berkeley Linguistic Society*, 1987. – № 13. – P. 139–157.
133. Hopper, P. J., Traugott, E. C. *Grammaticalization* / P. J. Hopper, E. C. Traugott. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 296 p.
134. Hu, H-c. *The Chinese Concept of “Face”* / H-c. Hu // *American Anthropologist*. – 1944. – P. 45–64.
135. Hymes, D. *Sociolinguistics and the ethnography of speaking* / D. Hymes // *Social Anthropology and Language*. – Routledge, 1971. – P. 47–92.
136. Jameson, F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act* / F. Jameson. – Ithaca, N.Y.: Cornell UP, 1981. – 305 p.
137. Kádár, D. Z. *Terms of (Im)politeness: On the Communicational Properties of Traditional Chinese (Im)polite Terms of Address* / D. Z. Kádár. – Budapest: University of Budapest Press, 2007. – 183 p.
138. Kádár, D. Z. *Power and Formulaic (Im)politeness in Traditional Chinese Criminal Investigations* / D. Z. Kádár // *It’s the Dragon’s Turn: Chinese Institutional Discourses* / ed. H.Sun, D. Z. Kádár. – Berne: Peter Lang, 2008. – P. 127–180.
139. Kasper, G. *Linguistic politeness: current research issues* / G. Kasper // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – № 14. – P. 193–218.

140. Kinge'l, K. Language development research in 21st century Africa [Электронный ресурс] / К. Kinge'l // African Studies Quartely. – 2000. – №. 3. – Режим доступа: <http://web.africa.ufl.edu/asq/v3/v3i3a3.htm>.
141. Kuo, S. Conflict and its management in Chinese verbal interactions: casual conversations and parliamentary interrelations. Ph.D dissertation / S. Kuo. – Georgetown University, 1992. – 312 p.
142. Lakoff, R. The logic of politeness: or minding your p's and q's / R. Lakoff // Proceedings of the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – 1973. – P. 292–305.
143. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London: Longman, 1983. – 345 p.
144. Leech, G. Politeness: Is there an East-West Divide? [Электронный ресурс] / G. Leech // Journal of foreign languages. – 2005. – №. 6. – P. 1–30. – Режим доступа: <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/geoff/leech2006politeness.pdf>.
145. Lévi-Strauss, C. Structural Anthropology / tran. C. Jacobson, B. G. Schoepf // C. Lévi-Strauss. – New York : Basic Books, 1963. – 410 p.
146. Li, W., Li, Y. “My stupid wife and Ugly daughter”: The Use of Pejorative References as a Politeness Strategy by Chinese Speakers / W. Li, Y. Li // Journal of Asian Pacific Communication. – 1996. – №7 (3/4). – P. 129-142.
147. Lii-Shih, Y. Conversational politeness and foreign language teaching / Y. Lii-Shih. – Taipei: The Crane Publishing Co., Ltd, 1986. – 316 p.
148. Lii-Shih, Y. What do “Yes” and “No” really mean in Chinese? / Y. LiiShih // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics: Educational Linguistics, Crosscultural Communication, and Global Interdependence / ed. J.A. Alatis. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1994. – P. 128–149.

149. Lu, S-m. Chinese perspectives on communication / S-m. Lu // Chinese Perspectives in Rhetoric and Communication / ed. R. Heisey, 2000. – P. 57–65.
150. Mann, W., Thompson, S. A. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization / W. Mann, S. A. Thompson // Text. – 1988 – № 8. – P. 243–281.
151. Mao, L. M. Beyond Politeness Theory: “Face” Revisited and Renewed / L. M. Mao // Journal of Pragmatics. – 1994 – № 21. – P. 451–486.
152. Matsumoto, Y. 1988. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese / Y. Matsumoto // Journal of Pragmatics. – 1988 – №12. – P. 403–426.
153. Pan, Y. Politeness strategies in Chinese verbal interaction: a sociolinguistic analysis of spoken data in official, business and family settings. Ph.D dissertation / Y. Pan. – Washington, D.C., 1994. – 286 p.
154. Pan, Y. Power behind Linguistic Behavior: Analysis of Politeness Phenomena in Chinese Official Settings / Y. Pan // Journal of Language and Social Psychology – 1995. – №14 (4). – P. 462–481.
155. Pan, Y. Terms of (im)politeness: a study of the communicational properties of traditional Chinese (im)polite terms of address / Y. Pan // Journal of Politeness Research. – 2008. – № 4. – P. 327–330.
156. Pan, Y., Kádár, D. Z. Politeness in Historical and Contemporary China / Y. Pan, D. Z. Kádár. – London/New York: Continuum, 2010. – 224 p.
157. Prince, G. A Dictionary of Narratology / G. Prince. – Lincoln and London : Nebraska UP, 1987. – 126 p.
158. Sacks, H., Schegloff, E., Jefferson, J. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation / H. Sacks, E. Schegloff, J. Jefferson // Language, 1974 – № 50. – P. 327–330.
159. Scollon, R., Scollon, S. Intercultural Communication: A Discourse Approach / R. Scollon, S. Scollon. – Cambridge: Blackwell, 2001. – 336 p.

160. Scotton, C., Zhu, W. Tongzhi in China: language change and its conversational consequences / C. Scotton, W. Zhu // *Language in Society*, 1983. – № 12 (4). – P. 77–94.
161. Searle, J. R. *Speech acts: An essay in the philology of language* / J. R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
162. Searle, J. R. *Expression and Meaning: Studies in the theory of speech acts* / J. R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 204 p.
163. Skewis, M. Mitigated Politeness in Hongloulou: Directive Speech Acts and Politeness / M. Skewis // *Journal of Pragmatics*. – 2003. – № 35. – P. 161–189.
164. Shi, X. *A cultural approach to discourse* / X. Shi. – New York: Basingstoke, 2005. – 223 p.
165. Shi, X. *Reconstructing eastern paradigms of discourse studies* / X. Shi // *Journal of Multicultural Discourses*, 2009. – № 4. – P. 29–48.
166. Shi, X. *Discourse and culture: From discourse analysis to cultural discourse studies* / X. Shi. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2013. – 420 p.
167. Shi, X. *Chinese Discourse Studies* / X. Shi. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – 223 p.
168. Smith, A. H. Chinese characteristics [Электронный ресурс] / A. H. Smith. – 1894. – 394 p. – Режим доступа: <https://archive.org/details/chinese-character00smithala.html>.
169. Spencer-Oatey, H. Unequal Relationships in High and Low Power Distance Societies: A Comparative Study of Tutor-student Role Relations in Britain and China / H. Spencer-Oatey // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1997. – № 28. – P. 284–302.
170. Sun, H. Collaborative strategies in Chinese telephone conversation closings: balancing procedural needs and interpersonal meaning making / H. Sun // *Pragmatic*. – 2005. – № 15. – P. 109–128.

171. Ting-Toomey, S., Gao, G., Trubisky, P., Yang, Z. Z., Kim, H. S., Lin, S. L., Nishida, T. Culture, Face Maintenance, and Styles of Handling Interpersonal Conflict: A Study in Five Cultures / S. Ting-Toomey, G. Gao, P. Trubisky, Z. Z. Yang, H. S. Kim, S. L. Lin, T. Nishida // *International Journal of Conflict Management*. – 1991. – P. 275–296.
172. Wodak, R. Disorders in Discourse / R. Wodak. – London: Longman, 1996. – 288 p.
173. Yeung, L. N. T. Polite Requests in English and Chinese Business Correspondence in Hong Kong / L. N. T. Yeung // *Journal of Pragmatics*, 1997. – № 27 (4). – P. 505–522.
174. Young, L. W. L. Inscrutability revised / L. W. L. Young // *Language and social identity* / ed. J. Gumperz. – Cambridge University Press, 1982. – P. 72–84.
175. Zhan, K. The Strategies of Politeness in the Chinese Language / K. Zhan. – Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California. – 1992 p. – 188 p.
176. Zhang, Y. Indirectness in Chinese Requesting / Y. Zhang. // *Pragmatics of Chinese as Native and Target Language, Second Language Teaching & Curriculum Center* / ed. G. Kasper. – Honolulu: University of Hawaii. – 1995. – P. 69–118 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

177. 博修延 (Бо Сюянь). 文本学—文本主义文论系统研究 (Текстология: анализ системного подхода) [Электронный ресурс] / 博修延 (Бо Сюянь). – 2004. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/36964612.html>.
178. 边静 (Бянь Цзин). 胶片密语——话语电影中的同性恋话语 (Тайный дискурс фото пленки: кинодискурс гомосексуальности) [Электронный ресурс] / 边静 (Бянь Цзин). – 2007. Режим доступа: http://yuedu.163.com/source/bc8aa40060af48699dd0190703b9f886_4.html.

179. 王得杏 (Ван Дэсин). 英语话语分析与跨文化交际 (Дискурсивный анализ английского языка и межкультурная коммуникация) [Электронный ресурс] / 王得杏 (Ван Дэсин). – 1998. Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/8012944.html>.
180. 汪民安, 陈永国, 马海良 (Ван Миньань, Чэнь Юнго, Ма Хайлян). 后现代性的哲学话语——从福科到赛义德 (Постсовременный философский дискурс: от теории Мишеля Фуко до Эдварда Сэда) / 汪民安, 陈永国, 马海良 (Ван Миньань, Чэнь Юнго, Ма Хайлян). – 杭州: 浙江人民出版社, 2000.
181. 王敏勤 (Ван Миньцин). 亨利·詹姆斯小说理论与实践研究 (Теория и практический анализ романов Генри Джеймса) / 王敏勤 (Ван Миньцин). – 长沙: 湖南人民出版社, 2007.
182. 王福祥 (Ван Фусян). 汉语话语语言学初探 (Первые исследования лингвистики китайского текста) / 王福祥 (Ван Фусян). – 北京: 商务印书馆, 1989.
183. 王勤, 孙士超 (Ван Цин, Сунь Шичао). 中日“孝”观念之比较·(Сравнительный анализ китайской и японской концепции «Сяо» – «Почитание предков») / 王勤, 孙士超 (Ван Цин, Сунь Шичао) // 商丘职业技术学院学报. – 2006. – № 1. – 89–91 页.
184. 汪凤炎 (Ван Фэн'янь). 中国传统心理养生之道 (Пути сохранения традиционной психологии китайцев) / 汪凤炎 (Ван Фэн'янь). – 南京: 南京师范大学出版社, 2000.
185. 汪凤炎 (Ван Фэн'янь). 中国传统德育心理学思想及其现代意义 (Китайская традиционная идеология морального воспитания и ее современная интерпретация) / 汪凤炎 (Ван Фэн'янь). – 上海: 上海教育出版社, 2007.

186. 汪凤炎 (Ван Фэн'янь). 中国心理学思想史 (История психологии) / 汪凤炎 (Ван Фэн'янь). – 上海: 上海教育出版社, 2008.
187. 汪凤炎, 郑红 (Ван Фэн'янь, Чжэн Хун). 荣耻心的心理学研究 (Слава и позор: интерпретация с точки зрения психологии) / 汪凤炎, 郑红 (Ван Фэн'янь, Чжэн Хун). – 北京: 人民出版社, 2010.
188. 汪凤炎, 郑红 (Ван Фэн'янь, Чжэн Хун). 中国文化心理学 (Китайская культурная психология) / 汪凤炎, 郑红 (Ван Фэн'янь, Чжэн Хун). – 广州: 暨南大学出版社, 2013.
189. 王虹 (Ван Хун). 戏剧文体分析—话语分析的方法 (Исследование театрального стиля как способ дискурсивного анализа) / 王虹 (Ван Хун). – 上海: 上海外语教育出版社, 2006.
190. 文心雕龙 (Дракон, изваянный в сердце письмен) / 刘勰 (Лю Се) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/sRja5gK-xijqM.html>.
191. 韦政通 (Вэй Чжэнтун). 儒教与现代中国 (Конфуцианство и современный Китай) / 韦政通 (Вэй Чжэнтун). – 上海: 上海人民出版社, 1990.
192. 文旭 (Вэнь Сюй). 反讽话语的认知语用研究 (Исследование прагматики дискурса иронии) / 文旭 (Вэнь Сюй). – 北京: 中国社会出版社, 2004.
193. 高觉敷 (Гао Цзюэфу). 中国心理学史 (История китайской психологии) / 高觉敷 (Гао Цзюэфу). – 北京: 人民教育出版社, 2005.
194. 郭本禹 (Го Бэньюй). 当代心理学的新进展 (Новый этап развития современной психологии) / 郭本禹 (Го Бэньюй). – 济南: 山东教育出版社, 2003.
195. 葛鲁嘉 (Гэ Луцзя). 心理文化论要—中西心理学传统跨文化解析 (К вопросу о психологической культуре – анализ межкультурного

- пространства Китая и иностранных государств) / 葛鲁嘉 (Гэ Луцзя). – 大连: 辽宁师范出版社, 1995.
196. 丁言仁 (Дин Яньжэнь). 语篇分析 (Дискурс-анализ) [Электронный ресурс] / 丁言仁 (Дин Яньжэнь). – 2000. – Режим доступа: <http://wenku.baidu.com/link?url=E80wK2nUJ0civBBNcmsFICBxYjpf0JDjWOIurXHDrN47GuEG2LSvOVPnShe1FF2-JlyRfkie1j9RLjLUBxTBNocj-iYZN9MjyeBDkvSsa73.html>.
197. 荣敬本, 罗燕明, 叶道猛 (Жун Цзинбэнь, Ло Яньмин, Е Даомэн). 论延安的民主模式——话语模式和体制的比较研究 (К вопросу о модели демократии в Яньань: дискурс и компаративный анализ) / 荣敬本, 罗燕明, 叶道猛 (Жун Цзинбэнь, Ло Яньмин, Е Даомэн). – 西安: 西北大学出版社, 2004.
198. 李美霞 (Ли Мэйся). 话语样类及其整合分析模式: 英语书面新闻系统新探 (Типы дискурса и методы анализа: новый анализ дискурса новостей в английском языке) [Электронный ресурс] / 李美霞 (Ли Мэйся). – 2004. – Режим доступа: <http://www.bookask.com/book/176468.html>.
199. 李慧, 李经纬 (Ли Хуэй, Ли Цзинвэй). 会话分析 (Конверсационный дискурс-анализ бизнес сделок он-лайн) / 李慧, 李经纬 (Ли Хуэй, Ли Цзинвэй). – 北京: 国防工业出版社, 2014.
200. 李劫 (Ли Цзе). 中国语言神话和话语英雄: 论晚近历史 (К вопросу о недавней истории: китайские мифы и герои дискурса) [Электронный ресурс] / 李劫 (Ли Цзе). – 1998. – Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/15765.html>.
201. 李庆善 (Ли Циншань). 中国人新论——从民谚看民心 (Теория китайского сознания: чувства народа через призму пословиц) / 李庆善 (Ли Циншань). – 北京: 中国社会科学出版社, 1996.

202. 李宗桂 (Ли Цзунгуй). 中国文化概论 (Теория китайской культуры) / 李宗桂 (Ли Цзунгуй). – 广州: 中山大学出版社, 1988.
203. 李宗吾 (Ли Цзун'у). 厚黑学大全 (Все о «Науке о бесстыдстве и коварстве») / 李宗吾 (Ли Цзун'у). – 北京: 今日中国出版社, 1996.
204. 李战子 (Ли Чжаныцзы). 现代汉语话语语言学 (Лингвистика текста в современном китайском языке) [Электронный ресурс] / 李战子 (Ли Чжаныцзы). – 2000. – Режим доступа: <http://162.105.138.200/uhtbin/cgiisirsi/x/0/0/5?searchdata1=^C70990.html>.
205. 李遇春 (Ли Юйчунь). 权利·主体·话语: 20世纪40—70年代中国文学研究 (Исследование китайской литературы 20-40-х гг. XX века) / 李遇春 (Ли Юйчунь). – 武汉: 华中示范出版社, 2007.
206. 林语堂 (Линь Юйтан). 中国人 (Китайцы. Моя страна и мой народ) / 林语堂 (Линь Юйтан). – 北京: 人民文学出版社, 1994.
207. 鲁迅 (Лу Синь). 鲁迅全集 (Лу Синь. Собрание сочинений) / 鲁迅 (Лу Синь). – 北京: 人民文学出版社, 1973.
208. 刘旭 (Лю Сюй). 价值与存在: 价值话语的形上之思 (Описание нижнего слоя: современный дискурс) / 刘旭 (Лю Сюй). – 上海: 上海古籍出版社, 2006.
209. 刘士林 (Лю Тулинь). 江南文化的诗性阐释 (Описание поэтичности духовной культуры правобережья реки Янцзы) [Электронный ресурс] / 刘士林 (Лю Тулинь). – 2003. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/8453376.html>.
210. 刘宏斌 (Лю Хунбинь). 和谐与竞争: 中西文化精神理论 (Гармония и борьба: духовная теория Китая и Запада) / 刘宏斌 (Лю Хунбинь). – 北京: 中国社会科学出版社, 2005.

211. 刘金文 (Лю Цзиньвэнь). 言语意义的语境解读 (Контекстная интерпретация сути высказываний) / 刘金文 (Лю Цзиньвэнь) // 语言应用研究. – 2006. – № 3. – 45–46 页.
212. 刘兆吉 (Лю Чжаоцзи). 文艺心理学纲要 (Очерки о психологии литературного творчества) / 刘兆吉 (Лю Чжаоцзи). – 重庆: 西南师范出版社, 1992.
213. 刘正光 (Лю Чжэнгуан). 隐喻的认知研究—理论与实践 (Когнитивные исследования аллюзии: от теории к практике) / 刘正光 (Лю Чжэнгуан). – 长沙: 湖南人民出版社, 2007.
214. 刘胜 (Лю Шэн). 好莱坞电影中的中国人形象演变及分析 (Репрезентация и анализ обобщенного образа китайцев в кинолентах Голливуда») / 刘胜 (Лю Шэн) // 当代中国话语研究. – 2015. – № 7. – 37–47 页.
215. 刘亚猛 (Лю Ямэн). 话语, 语义秩序与社会秩序: 中西古典思想家对待语言应用的不同态度 (Структура дискурса и социума: различия в концепциях о языке в Древнем Китае и Древней Греции) / 刘亚猛 (Лю Ямэн) // 当代中国话语研究. – 2009. – № 2. – 52–59 页.
216. 廖秋忠 (Ляо Цючжун). 篇章与语用和句法研究 (Текст и прагматика: синтаксический анализ) [Электронный ресурс] / 廖秋忠 (Ляо Цючжун). – 1991. – Режим доступа: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotol- NWYJ200802002.htm>.
217. 谢登斌 (Се Дэнбинь). 当代美国课程话语研究 (Дискурс-анализ современного занятия в США) [Электронный ресурс] / 谢登斌 (Се Дэнбинь). – 2006. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_7fc35aa50100uygu.html.
218. 邢福义 (Син Фу'и). 语篇语言学 (Лингвокультурология) / 邢福义 (Син Фу'и). – 武汉: 湖北教育出版社, 2000.

219. 孙隆基 (Сунь Лунцзи). 中国文化的深层结构 (Глубинный анализ китайской культуры) / 孙隆基 (Сунь Лунцзи). – 桂林: 广西师范大学出版社, 2011.
220. 徐赳赳 (Сюй Цзюцзю). 话语分析在中国 (Дискурсивный анализ в Китае) [Электронный ресурс] / 徐赳赳 (Сюй Цзюцзю). – 1997. – Режим доступа: http://wenku.baidu.com/link?url=appDxaYj_cqFs7XgdNq_Vyngvx858h0P1NCdrGiMOMh3jWIePQ.html.
221. 唐青叶 (Тан Цин'е). 语篇语言学 (Дискурсология) / 唐青叶 (Тан Цин'е). – 上海: 上海大学出版社, 2009.
222. 谭必友 (Тань Би'ю). 古村社会变迁—一个话语群的分析试验 (Социальные изменения древности: опыт дискурсивного анализа) / 谭必友 (Тань Би'ю). – 北京: 民族出版社, 2005.
223. 谭斌 (Тань Бинь). 教育学话语现象的文化分析—兼论中国当前教育学话语的转换 (Дискурсивный анализ категорий педагогического дискурса: рассуждения о трансформации современного китайского дискурса) [Электронный ресурс] / 谭斌 (Тань Бинь). – 2006. – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-9952000973739.html>.
224. 陶绪 (Тао Сюй). 要面子的中国人 (Китайцы и забота о лице) / 陶绪 (Тао Сюй). – 北京: 国际文化出版公司, 1994.
225. 吴为章 (У Вэйчжан). 广播电视话语研究选集 (Собрание исследований дискурса радио и телевидения) / 吴为章 (У Вэйчжан). – 北京: 北京广播学院出版社, 1997.
226. 吴贻翼 (У Ии). 现代俄语语篇语法学 (Грамматика текста современного русского языка) / 吴贻翼 (У Ии). – 北京: 商务印书馆, 2003.
227. 吴培显 (У Пэйсянь). 当代小说叙事话语范式初探 (Анализ дискурса современного романа) [Электронный ресурс] / 吴培显 (У

- Пэйсянь). – 2003. Режим доступа: [http:// www. 360doc. com/content/ 11/12/10/11/ 7434782_171201757..shtml](http://www.360doc.com/content/11/12/10/11/7434782_171201757.shtml).
228. 吴启主 (У Цичжу). 汉语构件语法语篇学 (Структура китайского дискурса) [Электронный ресурс] / 吴启主 (У Цичжу). – 长沙: 岳麓书社 2002.
229. 吴永琴 (У Юнцин). 跨文化商务洽谈中的话语互动研究 (Исследование дискурса коммерческих переговоров в межкультурной коммуникации) / 吴永琴 (У Юнцин). – 北京: 外语教学与研究出版社, 2006.
230. 方宁, 王小东, 宋强 (Фан Нин, Ван Сяодун, Сун Цян). 全球化阴影下的中国之路 (Путь Китая в тени глобализации) / 方宁, 王小东, 宋强 (Фан Нин, Ван Сяодун, Сун Цян). – 北京: 中国社会科学出版社, 1999.
231. 方成 (Фан Чэн). 精神分析与后现代批评话语 (Психоанализ и постсовременный критический дискурс) / 方成 (Фан Чэн). – 北京: 中国社会科学出版社, 2001.
232. 费孝通 (Фэй Сяотун). 中华民族多元一体格局 (Структура «единства в многообразии» китайской нации) / 费孝通 (Фэй Сяотун). – 北京: 中央民族出版, 1988.
233. 封宗信 (Фэн Цунсинь). 文学语篇的语用文体学研究 (Исследование прагматической стилистики литературного текста) [Электронный ресурс] / 封宗信 (Фэн Цунсинь). – 2002. – Режим доступа: http://xueshu.baidu.com/s_baiduxueshu_c1gjeupa&ie=utf-8&sc_hit=1.html.
234. 韩江洪 (Хан Цзянхун). 严复话语系统与近代中国文化转型 (Дискурс Янь Фу и трансформация китайской культуры периода новой истории) [Электронный ресурс] / 韩江洪 (Хан Цзянхун). – 2006. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/7388347.html>.

235. 侯玉波, 朱滢 (Хоу Юйбо, Чжу Ин). 文化对中国人思维方式的影响 (Влияние культуры на китайское мышление) / 侯玉波, 朱滢 (Хоу Юйбо, Чжу Ин) // 心理学报. – 2002. – № 1. – 106–111 页.
236. 胡学常 (Ху Сюэчан). 文学话语与权利话语—汉赋与两汉政治 (Художественный и правовой дискурс: дискурс поэзии «фу» и политика обеих династий Хань) / 胡学常 (Ху Сюэчан) – 杭州: 浙江人民出版社, 2000.
237. 胡先晋 (Ху Сяньцзинь). 中国人的脸面观 (Интерпретация китайского «лица») / 胡先晋 (Ху Сяньцзинь) // 中国社会心理学评论, 2006. – № 1. – 45–46 页.
238. 胡状麟 (Ху Чжуанлинь). 语篇的衔接与连贯 (Когезия и когерентность текста) [Электронный ресурс] / 胡状麟 (Ху Чжуанлинь). – 1994. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/9463804.html>.
239. 胡春阳 (Ху Чуньян). 话语分析: 传播研究的新路径 (Дискурсивный анализ: новые пути исследования медиадискурса) [Электронный ресурс] / 胡春阳 (Ху Чуньян). – 2007. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_55c7e4ab0100hxhn.html.
240. 胡曙中 (Ху Шучжун). 英语语篇语言学研究 (Лингвистический анализ дискурса английского языка) [Электронный ресурс] / 胡曙中 (Ху Шучжун). – 2005. – Режим доступа: http://vdisk.weibo.com/wap/s/uC6rqtz1_3BQ4.html.
241. 黄国文 (Хуан Говэнь). 语篇分析概要 (Суть анализа связной речи) [Электронный ресурс] / 黄国文 (Хуан Говэнь). – 1988. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/34634164.html>.
242. 黄国文 (Хуан Говэнь). 语篇分析的理论与实践——广告语篇研 (Теория и практика дискурс-анализа: анализ рекламного дискурса)

- [Электронный ресурс] / 黄国文 (Хуан Говэнь). – 2001. – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-9935965490652.html>.
243. 黄光国 (Хуан Гуанго). 人情与面子：中国人的权力游戏 (Межличностные отношения и «лицо»: властные игры китайцев) / 黄光国 (Хуан Гуанго) // 中国人的心理, 1988. – 298–299 页.
244. 黄光国 (Хуан Гуанго). 知识与行动—中华文化传统的社会心理诠释 (Знание и деяние: очерк о социальной психологии в китайской культурной традиции) / 黄光国 (Хуан Гуанго) – 台北: 心理出版社有限公司, 1998.
245. 黄囡莉 (Хуан Лили). 华人人际和谐与冲突：本土化的理论与研究 (Межличностная гармония и конфликт китайцев: адаптированная теория и анализ) / 黄囡莉 (Хуан Лили). – 重庆: 重庆大学出版社, 2007.
246. 黄力之 (Хуан Личжи). 中国话语：当代审美文化史论 (Китайский дискурс: история современной эстетической культуры) / 黄力之 (Хуан Личжи) – 北京: 中央编译出版社, 2001.
247. 黄希庭 (Хуан Ситин). 心理学导论 (Введение в психологию) / 黄希庭 (Хуан Ситин) – 北京: 人民教育出版社, 1991.
248. 曹卫东 (Цао Вэйдун). 交往理性与诗学话语 (Рациональность коммуникации и поэтический дискурс) / 曹卫东 (Цао Вэйдун). – 天津: 天津社会科学院出版社, 2001.
249. 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈 (Цао Шуньцин, Ли Цинлян, Фу Юнлинь, Ли Сыцюй). 中国古代文论话语 (Дискурс китайских литературных произведений) / 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈 (Цао Шуньцин, Ли Цинлян, Фу Юнлинь, Ли Сыцюй). – 成都: 巴蜀社会, 2001.
250. 曹顺庆 (Цао Шуньцин). 跨文化诗学论稿 (Очерки о межкультурной поэтике) / 曹顺庆 (Цао Шуньцин). – 南宁: 广西师范大学出版社, 2002.

251. 金耀基 (Цзинь Яоцзи). “面”、“耻”与中国人行为之分析 (Анализ категорий «Лицо» и «Стыд» в поведении китайцев) / 金耀基 (Цзинь Яоцзи) // 中国人的心理. – 台北: 桂冠图书股份有限公司, 1988. – 319–345 页.
252. 金耀基 (Цзинь Яоцзи). 人际关系中人情的分析 (Анализ феномена «жэньцин» в межличностных отношениях) / 金耀基 (Цзинь Яоцзи) // 中国人的心理. – 台北: 桂冠图书股份有限公司, 1988. – 78–79 页.
253. 佐斌 (Цзо Бинь). 中国人的脸与面子 (Китайские «лянь» и «мяньцзы») / 佐斌 (Цзо Бинь). – 武汉: 华中师范大学出版社, 1997.
254. 左卫民 (Цзо Вэйминь). 在权利话语与权力技术之间中国司法的新思考 (Новые размышления о китайской юрисдикции в аспекте дискурса права и технологий власти) [Электронный ресурс] / 左卫民 (Цзо Вэйминь). – 2002. – Режим доступа: http://www.law-lib.com/flsz/sz_view.asp?no=1187.html.
255. 曾文星 (Цзэн Вэньсин). 华人的心理与治疗 (Китайская психология и терапия) / 曾文星 (Цзэн Вэньсин). – 北京: 北京医科大学, 中国协和医科大学联合出版社, 1997.
256. 君昌龙 (Цзюнь Чанлун). 重返自身的文学: 当代中国文学思潮中的话语类型考察 (Обращение к литературе: исследование жанров дискурса современной китайской литературы) / 君昌龙 (Цзюнь Чанлун). – 广州: 广东人民出版社, 1999.
257. 贾珍霞, 强月霞 (Цзя Чжэнься, Цян Юэся). 论政府窗口工作人员话语的重塑 (Культурологическое исследование дискурсивного поведения сотрудников окошек государственных учреждений КНР) / 贾珍霞, 强月霞 (Цзя Чжэнься, Цян Юэся) // 当代中国话语研究. – 2015. – № 7. – 30–36 页.

258. 将原伦 (Цзян Юаньлунь). 传统的界限: 符号、话语与民族文化 (Границы культуры: символ, дискурс и культура народа) [Электронный ресурс] / 将原伦 (Цзян Юаньлунь). – 1998. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/4869379.html>.
259. 秦明吾 (Цинь Мин'у). 中日习俗文化比较 (Сравнительный анализ традиционных культур Китая и Японии) / 秦明吾 (Цинь Мин'у). – 北京: 中国建材工业出版社, 2004.
260. 钱冠连 (Цянь Гуаньлянь). 汉语文化语言学 (Китайская лингвокультурология) / 钱冠连 (Цянь Гуаньлянь). – 北京: 清华大学出版社, 2002.
261. 查振科 (Ча Чжэнькэ). 对话时代的叙事话语——论京派文学 (Нарратология эпохи коммуникации: к вопросу о столичной литературе) / 查振科 (Ча Чжэнькэ). – 沈阳: 春风文艺出版社, 2005.
262. 翟学伟. (Чжай Сюэвэй). 中国人的脸面观 (Китайская концепция «Лицо») / 翟学伟 (Чжай Сюэвэй). – 台北, 桂冠图书股份有限公司, 1995.
263. 张德禄, 刘汝山 (Чжан Дэлу, Лю Жуншань). 语篇连贯与衔接理论的发展及应用 (Эволюция теории и практика когезии и когерентности текста) [Электронный ресурс] / 张德禄, 刘汝山 (Чжан Дэлу, Лю Жуншань). – 2003. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/usc f00HasH4UQ.html>.
264. 张亮 (Чжан Лян). 《崩溃的逻辑》的历史建构: 阿多诺早中期哲学思想的文本学解读 (Текстология диалектической концепции «Логика распада» Теодора В. Адорно») [Электронный ресурс] / 张亮 (Чжан Лян). – 2003. – Режим доступа: <http://product.dangdang.com/23525175.html>.
265. 张旭东 (Чжан Сюйдун). 幻想的秩序: 批评理论与当代中国文学话语 (Критическая теория и дискурс современной китайской литературной

- теории: система иллюзий) / 张旭东 (Чжан Сюйдун). – 牛津: 牛津大学出版社, 1997.
266. 张桃洲 (Чжан Таочжоу). 现代汉语的诗性空间: 新诗话语研究 (Пространство поэзии в современном китайском языке: анализ дискурса новой поэзии) [Электронный ресурс] / 张桃洲 (Чжан Таочжоу). – 2005. – Режим доступа: <http://www.bookask.com/book/26453.html>.
267. 张军 (Чжан Цзюнь). 价值与存在: 价值话语的形上之思 (Ценности и бытие: размышления о дискурсе ценностей) / 张军 (Чжан Цзюнь). – 北京: 中国社会科学出版社, 2004.
268. 张骏宇 (Чжан Цзюньюй). 法官和一般诉讼人之间话语冲突的批判语言分析 (Критический дискурс-анализ судебных слушаний) / 张骏宇 (Чжан Цзюньюй). – 广州: 广东外语外贸大学, 2004.
269. 张清民 (Чжан Цинминь). 话语与秩序 (Дискурс и порядок) (话语与秩序) [Электронный ресурс] / 张清民 (Чжан Цинминь). – 北京: 中国社会科学出版社, 2005.
270. 张幼文 (Чжан Ювэнь). 中国国际地位报告 (О международном статусе Китая) / 张幼文 (Чжан Ювэнь). – 北京: 人民出版社, 2005.
271. 张育华 (Чжан Юйхуа). 电视剧叙事话语 (Нарративный дискурс телесериалов) [Электронный ресурс] / 张育华 (Чжан Юйхуа). – 1997. – Режим доступа: <http://www.reader8.cn/book/20100329/114887.html>.
272. 周光庆 (Чжоу Гуанцин). 中国古典解释学导论 (Введение в классическую китайскую герменевтику) / 周光庆 (Чжоу Гуанцин). – 北京: 中华书局, 2002.
273. 周烈 (Чжоу Ле). 阿拉伯语篇章语言学 (Лингвистика арабского текста) [Электронный ресурс] / 周烈 (Чжоу Ле). – 2001. – Режим доступа: <http://book.kongfz.com/182316/368315259.html>.

274. 周宁 (Чжоу Нин). 比较戏剧学：中西戏剧话语模式研究 (Сопоставительное театроведение: анализ моделей китайского и иностранного театрального дискурса) [Электронный ресурс] / 周宁 (Чжоу Нин). – 1993. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/7071414.html>.
275. 周宁 (Чжоу Нин). 独白的心理学与对话的心理学——心理学的两种话语形态 (Психология монолога и диалога: две формы психологического дискурса) [Электронный ресурс] / 周宁 (Чжоу Нин). – 2005. – Режим доступа: http://vdisk.weibo.com/s/aQeS9xb_ypXZl.html.
276. 周平英 (Чжоу Пин'ин). 英语叙事语篇中第三人称前指的阐释 (Маркеры третьих лиц в нарративе) [Электронный ресурс] / 周平英 (Чжоу Пин'ин). – 2005. – Режим доступа: <http://162.105.138.200/uhtbin/cgiisirsi/x/0/0/5?searchdata1=^C1856657.html>.
277. 周宏 (Чжоу Хун). 理解与批判：马克思意识形态理论的文本学研究 (Критическое осмысление: текстологический анализ идеологической теории К. Маркса) [Электронный ресурс] / 周宏 (Чжоу Хун). – 2003. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/yVzAxz6Mlze2k.html>.
278. 朱瑞玲 (Чжу Жуилин). 中国人的社会互动：论面子的问题 (Китайская социальная интеракция: к вопросу о «лице») / 朱瑞玲 (Чжоу Жуилин). – 北京: 社会科学文献出版社, 2006.
279. 朱土群, 李远行, 任暄等 (Чжу Туцюнь, Ли Юаньсин, Жэнь Кайдэн). 阶级意识、交往行动与社会合理性：西方马克思主义社会政治理论的现代性话语 (Классовое сознание, общественные деяния и социальная рациональность: современный дискурс общественно-политической теории западного марксизма) / 朱土群, 李远行, 任暄等 (Чжу Туцюнь, Ли Юаньсин, Жэнь Кайдэн) – 合肥: 中国科学技术大学出版社, 2005.

280. 朱永生 (Чжу Юншэн). 英汉语篇衔接手段对比研究 (Сопоставительный анализ когезии китайского и английского текстов) [Электронный ресурс] / 朱永生 (Чжу Юншэн). – 2001. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/6123427.html>.
281. 钟大丰, 潘若简, 庄宇新 (Чжун Дафэн, Пань Жоцзянь, Чжуан Юйсинь). 电影理论: 新的诠释与话语 (Теория кино: новое трактование и дискурс) / 钟大丰, 潘若简, 庄宇新 (Чжун Дафэн, Пань Жоцзянь, Чжуан Юйсинь). – 北京: 中国电影出版社, 2002.
282. 郑贯友 (Чжэн Гуаньюй). 汉语篇章语言学 (Лингвистика китайского текста) [Электронный ресурс] / 郑贯友 (Чжэн Гуаньюй). – 2002. – Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/4858525.html>.
283. 郑庆君 (Чжэн Цинцзюнь). 汉语话语研究新探: “骆驼祥子”的句际关系和话语结构研究 (Современный взгляд на китайский дискурс: структура и межфразовые связи в романе «Рикша») [Электронный ресурс] / 郑庆君 (Чжэн Цинцзюнь). – 2000. – Режим доступа: <http://www.docin.com/p-845148985.html>.
284. 池昌海 (Чи Чанхай). “周易”的话语思想 (Теория дискурса «Чжоу и») / 池昌海 (Чи Чанхай) // 当代中国话语研究. – 2009. – № 2. – 18–28 页.
285. 程丽蓉 (Чэн Лижун). 对话场景中的中国现代小说理论对话 (Теория диалоговых сцен в современном китайском романе) / 程丽蓉 (Чэн Лижун). – 北京: 人民文学出版社, 2006.
286. 陈卞知 (Чэнь Бяньчжи). 美国话语—传播美国新闻与文化 (Дискурс США: трансляция новостей и культуры США) / 陈卞知 (Чэнь Бяньчжи). – 北京: 北京广播学院出版社, 2006.
287. 陈国明 (Чэнь Гомин). 中华传播理论与原则 (Теория и принципы китайской теории коммуникации) / 陈国明 (Чэнь Гомин). – 台北: 五南图书出版股份有限公司, 2004.

288. 陈汝东 (Чэнь Жудун). 当代汉语修辞学 (Риторика современного китайского языка) / 陈汝东 (Чэнь Жудун). – 北京: 北京大学出版社, 2004.
289. 陈汝东 (Чэнь Жудун). 论话语研究的现状与趋势 (Статус-кво и тенденции дискурс-анализа) / 陈汝东(Чэнь Жудун) // 浙江大学学报. – 2008. – № 6. – 130–137 页.
290. 陈丽江 (Чэнь Лицзян). 文化语境与政治话语 (Культурный контекст и политический дискурс) / 陈丽江 (Чэнь Лицзян). – 北京: 中国广播电视大学出版社, 2007.
291. 陈平 (Чэнь Пин). 话语分析说略 (Кратко о дискурсивном анализе) [Электронный ресурс] / 陈平 (Чэнь Пин). – 1987. – Режим доступа: <http://www.cqvip.com/QK/70356A/201517/664996378.html>.
292. 陈旭麓 (Чэнь Сюйлу). 中国近代史十五讲 (Пятнадцать рассуждений о китайской новой истории) / 陈旭麓 (Чэнь Сюйлу). – 北京: 中华书局, 2008.
293. 陈晓明 (Чэнь Сяомин). 解构的踪迹: 历史、话语与主体 (Деконструкция: история, дискурс и основной сюжет») / 陈晓明 (Чэнь Сяомин). – 北京: 中国社会科学出版社, 1994.
294. 陈建华 (Чэнь Цзяньхуа). “革命”的现代性: 中国革命话语考论 (Революционная современность: обоснование дискурса китайской революции) / 陈建华 (Чэнь Цзяньхуа) – 上海: 上海古籍出版社, 2000.
295. 陈忠华, 管新平 (Чэнь Чжунхуа, Гуань Синьпин). 科技英语应用话语分析 (Дискурсивный анализ научного английского языка» (科技英语应用话语分析) / 陈忠华, 管新平 (Чэнь Чжунхуа, Гуань Синьпин). – 武汉: 湖北教育出版社, 1995.
296. 陈忠华, 刘心全, 杨春苑 (Чэнь Чжунхуа, Лю Синьцюань, Ян Чуньюань). 知识与语篇理解: 话语分析认知科学方法论 (Знание и понимание дискурса: методология когнитивного подхода в дискурс-

- анализе) [Электронный ресурс] / 陈忠华, 刘心全, 杨春苑 (Чэнь Чжунхуа, Лю Синьцюань, Ян Чуньюань). – 2004. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/BU7HeOfIjMov1>.
297. 施光 (Ши Гуан). 中国法庭审判话语的批评性分析 (Критический дискурс-анализ китайских судебных слушаний) / 施光 (Ши Гуан). – 北京: 科学出版社, 2014.
298. 施旭, 冯冰 (Ши Сюй, Фэн Бин). 当代中国话语的主题分析 (Анализ современного китайского дискурса) / 施旭, 冯冰 (Ши Сюй, Фэн Бин) // 中国社会语言学. – 2008. – № 10. – 1–14 页.
299. 施旭 (Ши Сюй). 文化话语研究: 探索中国的理论、方法与问题 (Культурологический дискурс-анализ: в поисках китайской теории, методов и проблематики) / 施旭 (Ши Сюй). – 北京: 北京大学出版社, 2010.
300. 盛晓明 (Шэн Сяомин). 话语规则与知识基础: 语用学维度 (Основы и принципы дискурса: аспект прагматики) [Электронный ресурс] / 盛晓明 (Шэн Сяомин). – 2000. – Режим доступа: http://vdisk.weibo.com/s/uxb_aaFQ1wsNJ?sudaref=www.baidu.com.
301. 沈开木 (Шэнь Кайму). 现代汉语话语语言学 (Лингвистика текста в современном китайском языке) [Электронный ресурс] / 沈开木 (Шэнь Кайму). – 1996. – Режим доступа: http://bq.kongfz.com/detail_19392780.html.
302. 沈家煊 (Шэнь Цзясюань). 二十世纪的中国话语语言学 (Лингвистика китайского текста в двадцатом веке) [Электронный ресурс] / 沈家煊 (Шэнь Цзясюань). – 1998. – Режим доступа: <http://www.163686.com/html/wenxuerenwu/2009/0308/10055.html>.
303. 于国栋 (Юй Годун). 会话分析 (Конверсационный дискурс-анализ) / 于国栋 (Юй Годун). – 上海: 教育出版社, 2008.

304. 元庭栋 (Юань Тиндун). 古人称为漫谈 (Введение в традиционную систему китайских обращений) / 元庭栋 (Юань Тиндун). – 北京: 中华书局, 2004.
305. 于东晔 (Юй Дун'е). 女性视域: 西方女性主义与中国文学女性话语 (О женском вопросе: западный феминизм и женский дискурс в китайской литературе) / 于东晔 (Юй Дун'е). – 北京: 中国社会科学出版社, 2006.
306. 余世存 (Юй Шицунь). 非常道: 1840—1999 的中国话语 (Неистинное Дао: китайский исторический дискурс 1840-1999 гг.) [Электронный ресурс] / 余世存 (Юй Шицунь). – 2005. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/dcVVONIkHaKFf.html>.
307. 杨安翔 (Ян Аньсян). 现代散文话语形态与审美 (Дискурс и эстетика современной прозы) / 杨安翔 (Ян Аньсян). – 南京: 东南大学出版社, 2006.
308. 杨国斌 (Ян Гобинь). 文心雕龙 (Dragon-Carving and the Literary Mind, 刘勰) (Дракон, изваянный в сердце письмен) / 杨国斌 (Ян Гобинь). – 北京: 外语教学出版社, 2003.
309. 杨国枢 (Ян Гошу). 中国的性格 (Китайский характер) / 杨国枢 (Ян Гошу). – 台北: 远流出版实业股份有限公司, 1988.
310. 杨国枢·(Ян Гошу). 中国人的心理与行为: 本土化研究 (Китайская психология и поведение: исследование коренизации). – 北京: 中国人民大学出版社, 2004.
311. 杨国枢 (Ян Гошу). 华人本土心理学 (Психология этнических китайцев) / 杨国枢 (Ян Гошу). – 台北: 远流出版实业股份有限公司, 2005.
312. 杨娜 (Ян На). “言不尽意”和语言含蓄论—CAD&CDA 的话语意义生成规则分析 («Смысл вне пределов языковой формы» и разговорная импликаатура – сравнительный анализ критического

- дискурс-анализа и культурологического дискурс-анализа) / 杨娜 (Ян На)
// 当代中国话语研究. – 2012. – № 4. – 27–40 页.
313. 杨娜 (Ян На). 妇女人权的文化话语研究—剖析与评估中国政府计
生话语的特质、策略和原则 (Культурологический анализ дискурса прав
женщин: анализ, стратегии и принципы) / 杨娜 (Ян На). – 杭州: 浙江大
学出版社, 2014.
314. 杨喜昌 (Ян Сичан). 俄语句子语义整合描写—话语生成与理解机
制的探索 (Общее описание семантики фраз в русском языке: изучение
механизмов генерирования и понимания дискурса) [Электронный
ресурс] / 杨喜昌 (Ян Сичан). – 2005. – Режим доступа: [http://www.
bookschina.com/2406396.htm](http://www.bookschina.com/2406396.htm).
315. 杨增和 (Ян Цзэнхэ). 文化转型与话语增殖: 国内后现代主义研究
的思想指向 (Трансформация духовной культуры и продуцирование
дискурса: идеологические ориентиры исследований
внутригосударственного дискурса) / 杨增和 (Ян Цзэнхэ). – 长沙: 湖南大
学出版社, 2007.
316. 杨俊蕾 (Ян Цзюньлэй). 中国当代文论话语转型研究
(Исследование трансформации дискурса современной китайской
литературной теории) / 杨俊蕾 (Ян Цзюньлэй). – 北京: 中国人民大学
出版社, 2003.
317. 杨阳 (Ян Ян). 文化秩序与政治秩序: 儒教中国的政治文化解读
(Духовная культура и политический строй: интерпретация учения
Конфуция) / 杨阳 (Ян Ян). – 北京: 中国政法大学出版社, 2001.
318. 炎冰 (Янь Бин). 追思科学—历史与哲学视域中的科学话语 (В
поисках научного дискурса в историческом и философском аспектах) /
炎冰 (Янь Бин). – 成都: 电子科技大学出版社, 2002.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КИТАЙСКОЙ КАНОНИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

319. Даодэцзин: основы Дао и Дэ или Канон выявления изначального [Электронный ресурс] / пер. Юй Кана. – Режим доступа: <http://daolao.ru/ddc1.htm>.
320. Лунь Юй / пер. В.П. Васильева. – СПб.: Кристалл, 2001. – 1120 с.
321. Ян, Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение [Электронный ресурс] / Ян Хин-шун. – М.: 1950. – Режим доступа: <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>.
322. 四书五经 (Четыре книги и пять канонов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/agRsGDSAAdtjr>.
323. 四书 (Четверокнижие) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/BNT3Ckcgn1v2L.html>.
324. 太平经注译 (Комментарии к «Канону Великого Благоденствия») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/uqhhrjGUCDmx.html>.
325. 苏辙文集 (Собрание сочинений Су Чжэ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/aKz33Ctz8uQXL.html>.
326. 荀子解说 (Комментарии к «Сюнь-цзы») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/uqhhrjGUCDmx.html>.
327. «孟子»全文 (Полный текст «Мэн-цзы») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liuxue86.com/a/2688507.html>.
328. 颜氏家训全文 (Полный текст «Домашние наставления господина Яня») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.515bedu.com/page/13-10-29/98186.html>.
329. 道德经 (Дао дэ цзин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.daodejing.org/download.html>.

330. 论语原文译文集赏析 (Оригинальный текст «Лунь Юй» и его перевод) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>.
331. 周易传文白话解 (Вэньянь и байхуа комментариев к «Чжоу и») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/ujpgg77s55hYt.html>.
332. 墨子 (Мо-цзы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/FFhvkR2kHj5Tx.html>.
333. 左转 (Цзо-чжуань) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/BPEa2Iuc1Z-rm.html>.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

334. Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>.
335. Английский толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://engood.ru/anglijskij-tolkovuj-slovar>.
336. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bkrs.info.html>.
337. Литературная энциклопедия: в 11 т. [Электронный ресурс] / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – М.: издательство Коммунистической академии, 1929–1939. – Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/litenc/encyclor/html>.
338. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 2001. – 742 с.
339. Encyclopedia of Contemporary Chinese Culture [Электронный ресурс] / ed. Edward L. Davis. – Режим доступа: <http://www.zoliticalavenue.com/PDF/ENCYCLOPEDIAS/Encyclopedia%20of%20Contemporary%20Chinese%20Culture.pdf>.

340. 汉语大字典 (Большой китайский словарь) [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/ukiQE7Gf7qV1i/html>.
341. 在线汉语词典 (Электронный толковый словарь китайского языка)
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com>.
342. 中国知网 (Китайский академический портал) [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.cnki.net>.
343. 百度知道 (Электронная энциклопедия «Байду чжидо») [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <https://zhidao.baidu.com>.
344. 百度百科 (Электронная научная энциклопедия «Байду байке») [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baik.com>.
345. 方言 (Фан'янь) / 杨雄 (Ян Сюнь) [Электронный ресурс]. – Режим
доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/dCDzC99vXfMJt.html>.
346. 释名 (Шимин) / 刘熙 (Лю Си) [Электронный ресурс]. – Режим
доступа: <http://www.zwbk.org/shiming.html>.
347. 说文解字 (Шовэнь цзецзы) / 许慎 (Сюй Шэнь) [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <http://vdisk.weibo.com/s/dhV98CaZyRCSYo.html>.
348. 尔雅 (Эр'я) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://vdisk.weibo.com/s/zxd6bpX-DFss1.html>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

349. 华夏经纬网 (Информационное агентство «Хуася цзинвэй») [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <http://www.huaxia.com>.
350. 中华网 (Информационное агентство «Чжунхуа») [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <http://china.com>.
351. 搜狐新闻 (Информационное агентство «Соуху») [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <http://news.sohu.com>.

352. 新华网 (Информационное агентство «Синьхуа») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com>.
353. 环球网 (Информационное агентство «Хуаньцю») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.huanqiu.com>.
354. 中国知网 (Китайский академический портал) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.cnki.net>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Анкета для выявления отношения иностранных студентов к экспликации китайской демонстрации национального патриотизма
 请表明您在汉语教学过程中展现中国民族主义的态度
 (Определите Ваше отношение к демонстрации китайского национального патриотизма в учебном процессе)

语境的实现 (Стимулы для реакции)	备选答案 (Ответ респондента)			
	我喜欢 / 我支持 (Мне нравится / я поддерживаю)	我认为这是难以避免的 / 这使我兴奋 (Считаю слишком навязчивым / она меня раздражает)	中立 / (Нейтрально)	难以回答 (Затрудняюсь ответить)
教材上的课文 (Тексты учебных пособий)				
课堂上老师的讲解 (Комментарии преподавателей в ходе занятий)				

1. Ответ респондента № 1

请表明您在汉语教学过程中展现中国民族主义的态度

(Определите Ваше отношение к демонстрации китайского национального патриотизма в учебном процессе)

语境的实现 (Стимулы для реакции)	备选答案 (Ответ респондента)			
	我喜欢 / 我支持 (Мне нравится / я поддерживаю)	我认为这是难以避免的 / 这使我兴奋 (Считаю слишком навязчивым / она меня раздражает)	中立 / (Нейтрально)	难以回答 (Затрудняюсь ответить)
教材上的课文 (Тексты учебных пособий)		√		
课堂上老师的讲解 (Комментарии преподавателей в ходе занятий)		√		

2. Ответ респондента № 17

请表明您在汉语教学过程中展现中国民族主义的态度

(Определите Ваше отношение к демонстрации китайского национального патриотизма в учебном процессе)

语境的实现 (Стимулы для реакции)	备选答案 (Ответ респондента)			
	我喜欢 / 我支持 (Мне нравится / я поддерживаю)	我认为这是难以避免的 / 这使我兴奋 (Считаю слишком навязчивым / она меня раздражает)	中立 / (Нейтрально)	难以回答 (Затрудняюсь ответить)
教材上的课文 (Тексты учебных пособий)		√		
课堂上老师的讲解 (Комментарии преподавателей в ходе занятий)		√√√		